ГРАЖДАН,
ВОЙНА
в Башкирии

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК525
Г826

ИСТПАРТ БАШОБКОМА ВКП(б)

КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В БАШКИРИИ

ГК525
Г826

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. Я. КУЗНЕЦОВА

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В БАШКИРИИ

БАШКИРСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА, 1932

ИСТПАРТ БАШОБКОМА ВКП(б)
КОМИССИЯ по ИЗУЧЕНИЮ „ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ“

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В БАШКИРИИ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. А. КУЗНЕЦОВА

БАШКИРСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УФА
1932

Ответственный редактор *Кузнецов П. А.*

Технический редактор *Хайреев Г.*

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГК525
Г826 р

сф
36643

18208 у 18208

1998
32

Отпечатано в типо-литографии „Октябр. натиск" Башполиграфтреста.
Уфа, Чернышевская, 88.

ПРЕДИСЛОВИЕ

30 июля 1931 года ЦК ВКП(б) вынес постановление об издании «Истории гражданской войны». Это историческое постановление имеет колоссальное значение.

Пролетариат СССР под твердым руководством коммунистической партии, в тесном союзе с трудовым крестьянством, в продолжение четырех лет успешно отражал яростные атаки внутренней контрреволюции и мировой капиталистической интервенции. Находясь в железном кольце вражеского окружения, молодая страна Советов напрягала все свои силы для того, чтобы вырваться из цепких когтей классового врага.

Четыре года непрерывных, ожесточенных боев знаменуют собою целую историческую эпоху. В итоге невероятных усилий, ценою крови и жизней сотен тысяч лучших своих сынов, рабочий класс и трудовое крестьянство победили.

Сломив врага в кровавых схватках, страна приступила к социалистической стройке, добиваясь из года в год невиданных успехов. В ряды пролетариата вливаются ежегодно миллионы новых рабочих, вчерашних крестьян от сохи, вступают сотни тысяч рабочей и крестьянской молодежи, не прошедшей горнила гражданской войны, не испытавшей на себе всей тяжести недавно минувших лет.

Как правильно отмечает в своем обращении к участникам гражданской войны А. М. Горький: «Наша рабоче-крестьянская молодежь должна знать, что этой победой положено начало новой всемирной истории, новых социалистических форм жизни трудового народа».

Между тем, занятые борьбой на фронте кипучей социалистической стройки, мы забываем об этих годах.

Однако, необходимо помнить, что в данный момент мы находимся далеко не в спокойной обстановке. Окружающие нас капиталистические страны преисполнены отнюдь не мирными намерениями. Мировой капитал не бросил мысли о том, чтобы раздавить, уничтожить ненавистную ему страну диктатуры пролетариата. Он бешено готовится к вооруженному нападению на нас.

Вот почему всем трудящимся и в частности нашей молодежи нужно знать историю гражданской войны, знать — как,

при каких условиях, в какой обстановке происходила эта война, и на основе опыта ее учиться, готовиться к грядущим классовым битвам с мировым капиталом. И не только нам — пролетариату капиталистических стран всего мира нужно изучать опыт минувших боевых лет.

Придавая огромное политико-воспитательное значение для широких трудящихся масс, в частности для молодежи, изучение эпохи гражданской войны, особенно в условиях национальной республики и основываясь на постановлении ЦК ВКП(б), Истпарт приступает к изданию материалов по истории гражданской войны на территории Башкирии.

Характеристика гражданской войны в Башкирии и ее отдельных моментов четко отображена в обращении Баш. областной комиссии, печатаемом ниже.

Настоящий сборник включает в себе воспоминания активных участников гражданской войны.

Материал подобран и классифицирован сообразно тем этапам, которые имели место в развитии гражданской войны на территории Башкирии.

Начинается сборник разделом, включающим в себе организацию рабочих вооруженных отрядов на заводах Южного Урала во время первого выступления дутовской реакции в Оренбурге и Верхнеуральске (конец 1917 и начало 1918 годов), роль и значение в этой борьбе заводов — Белорецкого, Миньярского, Тирлянского и др.

Дальше идет чехо-словацкое восстание, сдача Уфы, отступление красных отрядов по реке Белой, отряда Чеверева и его действия по охране Бельского бассейна и прикрытию отступающей уфимской группы красных частей.

Поход отрядов Блюхера и Каширина в тылу у белых, этот десятитысячный «железный поток» уральских рабочих, на протяжении полуторатысячеверстного перехода отбивавшихся от беспрерывных атак чешско-белогвардейских войск, геройски закончивших поход прорывом белого фронта и присоединением к Красной армии в районе Кунгура. История Белорецкого полка — одна из славнейших страниц героической книги гражданской войны: борьба с бело-чехами на полях Башкирии, в горах седого Урала, в таежных дебрях Сибири, в степных просторах Украины, на подступах к грозному Перекопу, последнему стратегическому оплоту южной контрреволюции.

Башкирские войска после перехода в марте 1919 года на сторону советской власти, обратив свое оружие против контрреволюции, также вписали яркие страницы в историю защи-

ты Октябрьских завоеваний, участвуя в героической обороне Красного Петрограда от банд Юденича, в боях против Деникина на южном фронте и в защите советской республики от нападения бело-поляков.

Вихрь гражданской войны неоднократно проносился над территорией Башкирии. Не один раз контрреволюция праздновала свои кратковременные победы, отмечая их кровавым разгулом и жестокостями по отношению к трудящимся. Тысячи убитых в застенках контрразведки после невероятных пыток, «эшелоны смерти», «баржи смерти», массовые казни при захвате белыми городов и деревень, — таковы методы борьбы озверевшей буржуазии против трудящихся масс, имевшие место в пределах Башкирии.

Вот краткий перечень содержания разделов настоящего сборника. Нужно сказать, что указанные этапы борьбы освещены в сборнике крайне слабо — Истпарт имеет очень ограниченное количество материалов (воспоминаний участников), более или менее детально освещающих тот или иной раздел по истории героической борьбы минувших лет.

Некоторые моменты освещены очень слабо (поход Блюхера, отступление от Уфы), а некоторые — совершенно не затронуты (переход баш. войск на сторону совласти, участие их в борьбе против басмачества в Туркестане).

Слабо отражена в печатаемых материалах роль партийных организаций в борьбе за власть советов.

Естественно, в таком малом количестве публикуемых материалов очень трудно отобразить всю историю гражданской войны в Башкирии. Для этого нужно издать целый ряд сборников.

Все же Истпарт надеется, что выход в свет данного сборника получит самый живой отклик в рядах трудящихся, непосредственных участников гражданской войны. Мы надеемся, что в целях восполнения пробелов, неизбежных при начале такого большого и ответственного дела, исправления отдельных неточностей, уточнения отдельных фактов, — участники минувшей героической борьбы не замедлят прислать свои воспоминания, которые явятся ценным вкладом в дело собирания и дальнейшего опубликования материалов по истории гражданской войны в пределах Башкирии.

П. Кузнецов.

‹О›Б ИЗДАНИИ „ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ"

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОТ 30 ИЮЛЯ 1931 ГОДА.

Одобрить инициативу тов. А. М. Горького и приступить к изданию для широких трудящихся масс «Истории гражданской войны» (1917—1921 г. г.) в 10-15 томов в виде сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений.

Для редактирования «Истории гражданской войны» образовать:

1) Главную редакцию в составе т. т. Горького, Молотова, Ворошилова, Кирова, Гамарника и Сталина.

2) Историческую редакцию в составе т. т. Покровского, Бубнова, Горького, Ярославского, Скрыпника, Гамарника, Яковлева Я. А., Ахундова, Стецкого, Попова Н. Н. и Эйдемана.

3) Художественную редакцию в составе т. т. Горького, Демьяна Бедного, Фадеева, Всеволода Иванова, Леонова, Микитенко, Чарота, Киршона, Эйдемана, Федина, Панферова и М. Кольцова.

ЦК ВКП(б).

УЧАСТНИКАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Товарищи!

В Союзе советов начата и с каждым годом все более мощно и успешно растет работа по строительству социализма. В железном шуме этой великой работы, в непрерывном героическом напряжении трудовой энергии время течет быстро, и мы легко забываем о том, чем жили вчера. Забываются бойцы гражданской войны и битвы, которые привели рабочий класс Союза социалистических советов к победе над бесчеловечной безответственной властью царя, помещиков, фабрикантов.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна хорошо знать труды и подвиги своих отцов, должна подробно знать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариев всех стран.

Ей надобно рассказать о том, как рабочие и крестьяне царской России вели вооруженную борьбу за власть советов, за свое право перестроить хозяйство на социалистический лад, за право создать из рабской страны свободное, пролетарское государство. Четыре года дрались почти голыми руками, полуголодные, полуодетые рабочие и крестьяне против армии, которые организовали ученые царские генералы на средства помещиков и фабрикантов, против полков, где почти каждый рядовой был офицером. Дрались против специалистов войны, отлично вооруженных иностранными капиталистами, которым за это русские капиталисты обещали продать рабочих и крестьян в такое же рабство, в каком живут негры в африканских колониях Европы или рабочие Китая под бесчеловечным гнетом мирового капитала. Четыре года продолжалась эта битва и окончилась полной победой рабочего класса и трудящегося крестьянства — отцов и старших братьев наших пионеров и комсомольцев.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна знать, что этой победой положено начало новой всемирной истории, новым социалистическим формам жизни трудового народа. Не только наше юношество должно знать все это, но это необходимо знать пролетариату и трудящимся массам всей земли,— они, следуя предуказаниям истории и вашему примеру, тоже

готовятся к решительным боям против своего врага, против мирового капитализма, истрепанного, расшатанного неизбежными, непримиримыми противоречиями внутри его, но все еще механически выжимающего кровь рабочего класса,—единственную силу, которой он живет.

И вот, в целях ознакомления нашей молодежи всех народов, включившихся в семью Союза социалистических советов, и в целях познакомить всех трудящихся Союза с недавним прошлым — с историей героической борьбы рабочих и крестьян под руководством компартии против фабрикантов и помещиков — затеяна работа по изданию «Истории гражданской войны».

Работу эту организуют люди, достаточно известные трудовому народу Союза советов.

Для того, чтобы книги этой «Истории» читались легко и были всякому понятны, к проработке ее документов привлекаются все наши лучшие художники слова. На их обязанность возлагается: рассказать о боевых годах гражданской войны с предельной простотой, ясностью и правдивостью.

Документов много, но все-таки их недостаточно для полного и правдивого освещения всех событий 1917-21 г. г. Необходимо, чтобы в этой большой и трудной работе приняли активное участие непосредственные участники гражданской войны: красногвардейцы, партизаны, красноармейцы, командиры и военкомы тех лет, а также и люди, пострадавшие от грабежей и насилия белых армий, отрядов интервентов, от шаек бандитов и т. д.

Нужно, чтобы все люди, которые помнят события тех лет, которые создавали события, записывали и присылали в редакцию «Истории» свои записки.

«История» ставит своей целью подробно осветить развитие и условия гражданской войны по всем областям и республикам Союза советов: борьба за Ленинград, по Северному краю, Поволжью, Донбассу, Украине, Белоруссии — борьба с польскими панами, Севкраю, Закавказью, республикам Средней Азии, по Западной и Восточной Сибири, по Дальнему Востоку, по всей земле Союза советов.

Редакция обращается не только к партизанам, красногвардейцам и вообще активным участникам военных действий, но и ко всем областным и местным работникам в области культуры, например, сельским учителям. «История» ставит своей целью показом славных битв рабочего класса и трудящегося крестьянства, показом подвигов отдельных заводов и фабрик, красногвардейских и партизанских отрядов и красноармей-

ских полков передать молодому поколению лучшие традиции пролетарской борьбы. Необходимо также припомнить и осветить:

Условия мобилизации населения белыми армиями.

Угон скота, грабежи деревень, поджоги, казни трудящихся, заподозренных в большевизме, и вообще карательные меры белых отрядов.

Поведение немецкой армии.

Поведение чехо-словаков и различных интервентов.

Поведение польской и петлюровской армии.

Роль духовенства в гражданской войне и т. д.

Это — общие указания, но кроме них в некоторых случаях должны быть поставлены частные требования, напр.: по Поволжью, особенно по Самаре, Уфе и т. д. — действия «народной» армии Комуча, поведение эсеров, меньшевиков; каждая область, каждая республика должна обнаружить свои особенности в борьбе с врагами.

Нужно писать обо всем, что приносили с собой армии помещиков и фабрикантов, отряды иностранных солдат, анархические шайки, бандиты; нужны факты, как можно больше живых, правдиво рассказанных фактов.

Участники революционной борьбы должны рассказать о своем участии в боях. Было бы не плохо, если бы и бывшие участники «зеленого движения», шаек Махно, Григорьева, Тютюнника и др. бандитов тоже рассказали об их действиях. Последним надо помнить, что их приглашают не каяться в старых грехах, а только помочь осветить исторические события.

Чем больше соберется материалов, тем полнее и правдивее будет «История», которую необходимо знать всем трудящимся.

Редакторы «Истории» твердо надеются, что на их призыв немедля откликнутся все эти люди, которым понятна огромная и трудная задача, решить которую мы обязаны.

Для облегчения работы по записям воспоминаний о событиях гражданской войны мы советуем — там, где это возможно, — собираться группами и проверять показания друг друга.

Итак — за дело! Дело большое и хорошее. Когда оно будет сделано, наши бойцы увидят себя людьми, которые совершили небывалые, изумительные подвиги, а наша молодежь почерпнет из этой «Истории» новый заряд трудовой и творческой энергии, необходимой для завершения дела великого, небывалого в истории человечества.

М. Горький.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

БАШОБКОМА ВКП(б) ОТ 16-го СЕНТЯБРЯ 1931 ГОДА ОБ ИЗУЧЕНИИ «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В БАШКИРИИ».

1. По «Истории гражданской войны в Башкирии» при Истпарте ОК организовать комиссию в составе: Хасанова, Гнедкова, Тагирова, Бычкова, Тимиргалиной, Нестерова, Богева, Шагретдинова и Землякова. Председателем комиссии утвердить тов. Тагирова, заместителем Гнедкова.

2. Предложить комиссии немедленно приступить к развертыванию массовой работы по мобилизации партийных и общественных организаций и участников гражданской войны по сбору материалов.

БОК ВКП(б).

К УЧАСТНИКАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, КО ВСЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ОБРАЩЕНИЕ ОБЛАСТНОЙ КОМИССИИ

Трудящиеся Советской Башкирии, под руководством ленинской партии, осуществляют широчайшее хозяйственное и культурное строительство.

Бывшая царская колониальная Башкирия из объекта грабежа со стороны царских чиновников, помещиков, крупных кулаков — баев и духовенства, на глазах всех трудящихся превращается в политически и культурно-развитую страну, с высоко-развитой промышленностью, с крупно-механизированным совхозно-колхозным земледелием, в страну победоносно строющегося социализма.

Быстро растут кадры башкирского пролетариата, стирается вековая темнота, ликвидируются на основе индустриализации и сплошной коллективизации кулаки и остатки капиталистических элементов как в городе, так и в деревне.

Эти успехи в деле построения социалистического общества стали возможными только под руководством коммунистической партии, на основе диктатуры пролетариата в союзе с пролетариатом передовых промышленных областей, беспощадной борьбы против националистической контрреволюции, вроде валидовщины.

Гражданская война на территории Башкирии была отчаянной, длительной, она проходила при сложной национальной обстановке. Поэтому эта борьба имеет ряд своих специфических черт и особенностей. «Курултай» — организация башкирских эксплоататорских классов, пытавшихся в начале октября разрешить проблему национальной автономии на основе буржуазной демократии, впоследствии служившей верой и правдой в армии интервентов — чехо-словакам, Дутову и Колчаку.

«Мусульманский национальный парламент», — который, являясь организацией татарской буржуазии, мечтавшей о гегемонии над «тюркским миром», в союзе с врагами пролетариата боролся против Октября. Организация контрреволюционной армии Дутова, Комуча (комитет членов учредительного собрания) и Колчака.

Героическая борьба металлистов Белорецкого завода, шахтеров Баймака, рабочих Урала, деревенской бедноты против всех этих контрреволюционных сил — таковы основные вехи героической борьбы за победу Октября на территории Башкирии.

Эта героическая борьба за диктатуру пролетариата, в союзе с трудящимися всех национальностей, на основе уничтожения эксплоатации, грабежа и угнетения, в исторической литературе все еще почти не освещена.

Важность и особая значимость этих событий налагает на общественность Башкирии особую ответственность в отношении постановления ЦК ВКП(б) о сборе материалов и издании «Истории гражданской войны».

На примерах и событиях героической борьбы за власть советов, за Октябрь, за ленинскую национальную политику, мы воспитываем массы в духе классовой непримиримости, непреклонной решимости бороться за торжество Октябрьской революции во всех странах, за социалистическое строительство.

Башкирская областная комиссия по сбору материалов гражданской войны обращается ко всем организациям и участникам гражданской войны с призывом помочь ее работе путем присылки материалов и документов (архивные, газеты, обращения, дневники, воспоминания и т. д.).

Особенно важное значение имеют материалы, документы и воспоминания освещающие:

I. ОРГАНИЗАЦИЯ СИЛ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.

1. Группа Валидова, являющаяся выразительницей как политических, так и экономических интересов башкирской дер. буржуазии и духовенства против интересов башкирской бедноты.

Организационную работу Башкирского национального совета и его органов на местах: организация валидовщины на территории Башкирии, народные национальные армии в борьбе против большевиков и советской власти. Башкирские национальные войска на стороне учредиловцев — колчаковцев и их деятельность. Повстанчество на территории Башкирии («Черный орел», валидовско-мурзабулатовцы, отряд Охранюка и др.)

Чехо-словацкий и эсеровско-кулацкий переворот весны 1918 года, борьбу с ними, падение советской власти в городах, заводах и селах. Белочешские зверства (террор, казни, тюремный режим и т. д.). Восстание Комуча и борьба его против совласти, казни большевиков и рабочих.

3. Контрреволюционное правительство Колчака и Дутова против рабочих и крестьян — грабежи, поддержка кулаков против бедноты и восстановление помещиков и т. д.

II. БОРЬБА ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ СОВЕТОВ.

Образование советской власти в городах, заводах и селах (свержение власти временного правительства — керенщины).

III. ОРГАНИЗАЦИЯ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ.

Организация Красной гвардии и боевых дружин в городах, заводах, селах; борьба с дутовцами и кулацкими восстаниями; образование красно-партизанских отрядов (Красноусольск, Баймак, Белорецк, Тирлян и др.).

Борьбу с белочехами, поход и бои красно-партизанских отрядов Блюхера и Каширина, переход башкирских войск на сторону Советов и реорганизация башкирских частей.

Боевую деятельность башкирских частей против Колчака, Деникина, Юденича, польских панов и на территории Башкирии в 1918 и 1919 году (операции под Уфой, Стерлитамаком, в горах, занятие Уфы и других важных пунктов), боевые действия чапаевцев, каширинцев и других частей; период организации Малой Башкирии; борьба с валидовщиной, бегство валидовцев, борьба с остатками валидовщины. Восстание в городах, отряд Охранюка и др.

IV. БОРЬБА ЗА ЛЕНИНСКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ.

Всебашкирский Курултай (с'езд 1917 г. в Оренбурге и организация Башкирского национального совета). Приказ Колчака о ликвидации башкирской автономии. Требование трудящихся масс Башкирии о самоопределении наций (1 февраля 1919 г. официальный переход на сторону советов), учреждения автономии Башкирской Социалистической Советской Республики (март 1919 г.).

Пред. обл. комиссии по «Истории гражданской войны»

ТАГИРОВ.

I. ЮЖНО-УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЫ В БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

ПРОТИВ ДУТОВА

I

Приехал я в Белорецк, как демобилизованный, в половине февраля 1918 года. По приезде я сразу же явился в организацию РСДРП(б) для того, чтобы встать на учет. Здесь я впервые встретился с тов. Точиским, Павлом Варфоломеевичем, руководившим в то время белорецкой партийной организацией. Этот человек произвел на меня исключительно хорошее впечатление: с первого же взгляда можно было видеть, что тов. Точиский обладает колоссальной силой воли, человек, способный на что угодно ради проведения в жизнь идей большевизма, не исключая и своей жизни. Ошибиться в нем никак нельзя было: как буржуазия и все ее прихвостни сразу же узнавали в нем своего злейшего врага, точно также с первого взгляда сознательный рабочий видел в нем своего преданнейшего друга.

Я быстро освоился с положением и узнал, каково же настроение в Белорецке.

Необходимо отметить, что в то время белорецкие рабочие были отсталые ребята и поэтому неудивительна та разница, которая имела место в период Февральской и Октябрьской революций между крупными пролетарскими центрами и Белорецким горным округом. Если крупные пролетарские центры в эти периоды бурлили напряженнейшей борьбой, то в Белорецке было как раз наоборот: здесь была «тишь, да гладь, да божья благодать». Как Февральская, так и Октябрьская революции здесь были получены из центра «по почте» и свалились как гром на голову в ясный день.

Большевистская организация была весьма малочисленна, а по своему составу, за исключением одного тов. Точиского, политически почти неграмотна. В Белорецке во-всю орудовали меньшевики и эсеры, здесь все было в их власти и они всячески старались на большевиков лить как можно больше грязи, выставляя их перед рабочей массой в отвратительном виде. И городской совет, и рабочий контроль на производстве, и земская управа — все плясали под их дудку и потому нет ничего удивительного, что они свободно связались с атаманом

Дутовым, который в то время был в В.-Уральске и агенты этого атамана уже расхаживали по Белорецку.

2

Примерно, в конце февраля большевистская организация, видя предательскую роль эсеро-меньшевистского блока, решила действовать. Местная буржуазия, как и везде, попрятала продовольствие и, несмотря на острый кризис, ни под каким видом его не выдавала. Тов. Точиский, воспользовавшись этим положением, поставил вопрос в совете об аресте всей буржуазии (купцов и кулаков) под предлогом отбора излишков продовольствия по твердым ценам. Против такой меры, конечно, категорически запротестовали эсеры и меньшевики, но рабочие теперь их не послушали и через головы своих «вождей» постановили аресты произвести и в тот же день под руководством большевиков аресты были произведены.

Однако, не проведя в совете своего предложения, меньшевики и эсеры на этом не успокоились; о случившемся «несчастии» они, видимо, сообщили в Верхне-Уральск, откуда приехал начальник милиции Борцов и в одну ночь всю нашу буржуазию освободили. Необходимо сказать, что в Верхне-Уральске в то время также «царствовали» меньшевики и эсеры, работая вместе с Дутовым. Выпущенная на волю буржуазия частью скрылась в Белорецке, а частью убежала в соседнее село Ломовку. Тов. Точиский, узнав об этом, бьет тревогу на заводах (тревожные гудки), рабочие бросили работу и прибежали к совету, вооруженные кто чем попало. Информировав о положении вещей, тов. Точиский прибежавших рабочих посылает на поимку, передав руководство этой операцией, конечно, большевикам. Все это было произведено очень быстро, почему выпущенные убежать далеко не могли и в течение дня почти все были переловлены и вновь водворены в тюрьму.

После этой операции из тех же прибежавших по гудку товарищей, по примеру других заводов Южного Урала, т. Точиским была организована боевая дружина. Тут же для руководства ею был, по предложению тов. Точиского, от имени большевиков избран штаб в составе 3-х человек, в который вошли Чеверев А., Горшенин И. и я. К этому времени большевики уже чувствуют, что среди рабочих они пользуются авторитетом и поэтому партком выносит постановление об аресте соглашательской части совета и некоторых лидеров эсеро-меньшевистского блока. После того, как была раз'яснена

необходимость этих арестов, они были произведены боевой дружиной и тут же назначены перевыборы совета.

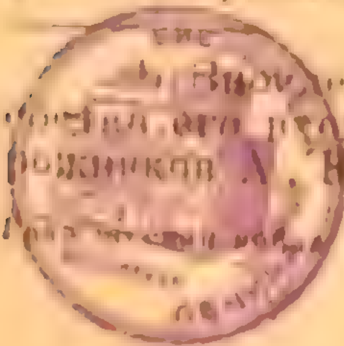
Однако, этот маневр большевикам не совсем удался, ибо в состав нового совета опять частично вошли эсэры и меньшевики. Партийный комитет тогда выносит новое постановление о создании Временного Белорецко-Тирлянского Военно-революционного Комитета. Ревком избирается из трех товарищей: председателя тов. Точиского и членов т. т. Ширококова А., Попова Н. и от Тирлянского з-да т. т. Малахов и Моисеев Н.*). При Ревкоме был создан Военный Совет, в состав которого вошел целиком руководящий штаб боевой дружины — Чеверев А., Горшенин Н. и Волков. Разделение функций между Ревкомом и Советом было таково, что Ревком должен был оборонять Белорецк от Дутова, а Совету принадлежали все остальные прерогативы власти.

Мотивируя тем, что близка опасность (Дутов был в Верхне-Уральске), Ревком объявил Белорецк на военном положении и захватил всю власть в свои руки, а так как в Ревкоме были все члены партии, то по-существу городом стал управлять партийный комитет, диктуя через Ревком свою волю Совету.

3

Вооружение нашей боевой организации было весьма плохое, винтовками были вооружены только пришедшие из армии, а их в отряде насчитывалось всего около 30 проц., а остальная часть бойцов была вооружена охотничьими дробовыми ружьями. С таким оружием далеко не уедешь. В это время с Магнитки привезли эшелон мобилизованных солдат, хорошо вооруженных винтовками, ручными гранатами и 3-мя пулеметами с предписанием сдать все оружие Верхне-Уральскому воинскому начальнику. На просьбы и предложения Катав-Ивановской организации о сдаче оружия, солдаты категорически заявили, что оружие они сдадут только воинскому начальнику Верхне-Уральска. Об этом нас катав-ивановцы уведомили. Военный Совет Ревкома решил во что бы то ни стало оружие это отобрать, ибо в противном случае никакая борьба немыслима — без оружия такого врага, как Дутов, не побьешь.

Абсолютно не зная, что за солдаты едут, Военный Совет решил принять ряд предосторожностей, рассчитывая на столк-

*) Впоследствии Ревком назывался только Белорецким и в состав его входили: председателем т. Точиский, членами т. т. Ширококов А., Косырев Я., Мамыкин Е. и секретарем Попов.

Башкирии

18208

в боевую готовность вся
новение. Немедленно была приведена железнодорожная станция Белорецка к приходу поез-
дружина, железнодорожная станция Белорецка к приходу поез-
да была оцеплена. Теперь, когда вспомнишь эти события, ка-
жется смешным, нелепым, как это можно было сопоставлять
взятых от станка рабочих, вооруженных на 70 проц. дробовы-
ми ружьями, против хорошо вооруженных солдат старой ар-
мии. Однако, рассуждать в то время было некогда, нужно бы-
ло действовать, и мы действовали. За 3 версты до Белорецка
поезд был остановлен и наши представители, в числе которых
был тов. Чеверев (я оставался на станции с отрядом, вместе
с тов. Горшениным, таким образом весь штаб был на ногах),
вступили с ними в переговоры и только после часа всяких
доказательств с нашей стороны о выгодности отдать нам ору-
жие, ибо в Верхне-Уральске оно попадет в руки белобандита
Дутова, они нам отдали оружие без всякого сопротивления.
Мы пропустили поезд до станции и, забрав у них прежде
всего пулеметы с патронами (на всякий случай), отобрали и
все остальное оружие. Обезоружив солдат, мы отнеслись к ним
очень хорошо, накормили обедом и на другой день отпустили
всех по домам на подводах.

После получения такой большой партии оружия (это был
первый успех нашего отряда), мы почувствовали себя более
бодрыми. Однако, оружия было все же недостаточно и Воен-
ный Совет постановил послать за оружием в Уфимский штаб
боевых дружин. Эта миссия была возложена на меня. В Уфе у
тов. Каломицева Эразма мне удалось получить небольшое ко-
личество оружия, патрон и обмундирования.

4

По примеру нашего Белорецкого завода была сформирова-
на боевая дружина в Тирляне.

Партийный комитет, сознавая большую угрозу со сторо-
ны Верхне-Уральска и видя большой под'ем в рабочей массе,
решил, не дожидаясь помощи из Уфы, начать военные опера-
ции против Дутова. Военный Совет на основе этого постанов-
ления запросил Катав-Ивановскую и Юрезанскую организа-
ции о присылке нам подкрепления. Из этих организаций мы
получили около 100 чел., которых целиком влили в бело-
рецкий отряд, а 50 чел. из белорецкого отряда было послано
в Тирлян. Таким образом, наш отряд насчитывал в своих ря-
дах около 300 человек и тирлянский около 200. Командова-
ние белорецким отрядом было возложено на меня, тирлян-
ским—на тов. Прямицына. Одновременно с этими отрядами на-
ми был сформирован и вооружен небольшой отряд из при-

шедших к нам кирсинских крестьян. Этот отряд насчитывал в своих рядах лишь около 50 чел. Общее командование всеми отрядами было поручено тов. Чевереву А.

В первых числах марта мы двинулись по направлению к Верхне-Уральску в таком порядке: белорецкий отряд прямо по тракту направился к Верхне-Уральску; тирлянский отряд должен был выступить из Тирляна и ближайшей дорогой тоже итти на Верхне-Уральск, а кирсинский отряд был послан в поселок Кирсы, для прикрытия с правого фланга.

Пройдя 24 версты, под деревней Казаткуловой, наш отряд столкнулся с заставой Дутова. Застава эта была невелика и потому быстро была обращена в бегство; из ее состава был нами захвачен в плен один казак с лошадью. Тирлянский отряд в это время также натыкается на заставу Дутова в деревне Нуруловой, численностью в 17 чел. Удачно брошенная ручная граната убивает 14 человек, а троих, стоявших на постах, и всех 17 лошадей тирлянцы забирают в плен. После этой операции тирлянский отряд, по распоряжению своего начальника Пряминцына, повертывает обратно и возвращается в Тирлян.

Никаких распоряжений ни от Чеверева, ни от Ревкома Пряминцын не получал, а просто, приняв первый небольшой бой, он, несмотря на то, что выиграл его, струсил и постыдно бежал вместе со своим отрядом.

Таким образом, белорецкий отряд на этом фронте остался один, имея на правом фланге небольшое прикрытие в лице кирсинского отряда. Продвинувшись до Ватского хутора (бывшее имение генерала Старикова), в 14 верстах от Верхне-Уральска, и узнав о таком положении, на собрании комсостава (в этом отряде был в полном составе бывший Военный Совет Белорецкого Ревкома, ибо тов. Горшенин был моим помощником) мы решили прежде всего связаться с жителями Верхне-Уральска. Для этой цели мы командировали в Верхне-Уральск одного товарища, но не прямо по тракту, а правой стороной, где были расположены 4 или 5 хуторов. В одном из хуторов наш товарищ встретил верхне-уральских ребят, которые в свою очередь искали нас. Оказывается, что верхне-уральские рабочие уже поговаривали о восстании. Зная, однако, что одним им не выгнать Дутова, они решили связаться с нами и вот представители Верхне-Уральска в одном из хуторов встретились с нашим разведчиком. Узнав о положении города, мы немедленно двинулись в наступление. Подходя к Верхне-Уральску, мы услышали отдельные выстрелы и недружное «ура» — это восстали жители. Войдя в город (мы

вошли в него без боя), мы узнали, что Дутов укрепился у арсенала на краю города, вывозя из арсенала все ценное. Однако, всего вывезти он не успел. Наш отряд сразу же пошел в атаку и выбитые с позиций дутовцы вынуждены были отступить в казачьи станицы. Таким образом, при помощи восставших жителей мы заняли г. Верхне-Уральск.

Сразу же после занятия города мы разместили штаб в помещении земской управы (впоследствии мы перевели его в дом купца Голубева, бежавшего с Дутовым), установили военное положение и весь свой отряд поставили в караул, в предупреждение могущих быть внезапных нападений. Отряд верхнеуральцев был не особенно организованный, доверять ему было трудно, тем более, что мы знали, что в прошлом ребята якшались с эсерами и меньшевиками. Только на четвертые сутки с утра мы решили дать нашим бойцам отдохнуть и поставить в караул верхнеуральцев.

Наши сомнения в надежности верхнеуральского отряда оправдались в тот же день. В 11 часов утра в штабе звонит телефон. Подхожу и слышу незнакомый, тревожный голос: «Дутов наступает!» — и больше ничего.

Я кричу в телефон: «кто говорит, откуда наступает?», — но больше никто ничего не говорит. У меня сразу мелькнула мысль, что вероятно провод обрубили. Не теряя ни минуты, выбегаю из штаба, поднимаю тревогу, привожу наш отряд в боевую готовность.

В это время, отсутствовавший где-то Чеверев подъезжает к нам. Александр Чеверев по натуре был человек очень горячий, да и в военном деле он в то время не совсем хорошо разбирался. Узнав от меня в чем дело, он сгоряча поворачивает лошадь и мчится по тому направлению откуда по нашему мнению должен был наступать Дутов. Боевики тоже плохо разбирались в военном деле, ибо большинство из них было взято прямо от станка. Увидев, что Чеверев поскакал, они бросились за ним. Я кричал, умолял, пугал, но меня никто не слушал. Тогда я, вскочив на коня, поскакал за ними и, обогнав часть боевиков, отрезал их от остального отряда и установил из них связь со штабом.

Доскакав до конца города, мы увидели уже близко от арсенала (откуда, кстати сказать, все ценное, оставшееся от Дутова, было своевременно перевезено в штаб), что Дутов обложил город со всех сторон и уже ведется наступление цепями в несколько линий, подкрепленное сильным резервом конницы. Правда, конница была очень плохо вооружена, но во всяком случае картина нашим глазам предстала очень внушительная.

Однако, боевики отряда не растерялись и, укрепившись вокруг города, начали отбивать наступление.

Бой был упорный, ожесточенный и с переменным успехом. Наши ребята проявили чудеса храбрости, и только благодаря этого, в результате 12-часового боя, Дутов вынужден был отступить из Верхне-Уральска с большими для себя потерями. Не последнюю роль в этом бою сыграл и старик Каширин, Дмитрий Иванович (отец Кашириных — Николая и Ивана). Узнав о серьезном положении наших отрядов, он, как бывший атаман, быстро собрал своих форштадтских казаков и те, вооруженные чем попало, вместе с ним (он ехал в кошевке) выступили на линию позиции. Это обстоятельство если не принесло урона неприятелю, то во всяком случае подняло дух наших боевиков.

Не безынтересно отметить, что же послужило причиной тому, что наш штаб слишком поздно узнал о наступлении Дутова? Дело, оказывается, обстояло очень просто: верхнеуральские ребята, которым мы просто по чутью, инстинктивно, не доверяли, поставленные в караул, спокойно ушли по домам — кто чай пить, кто завтракать. В это время с крыши тюрьмы, которая находилась за городом, заключенные счищали снег (а мы пока заключенных не выпускали — ни политических, ни уголовных). Один из заключенных с крыши и увидал, что на Верхне-Уральск двигаются полчища атамана Дутова. Не долго думая, он спрыгивает с крыши (благодаря большому снегу — благополучно) и бежит к телефону. Соединившись со штабом, он успевает только сказать два слова: «Дутов наступает», ибо в этот момент подъезжают дутовцы и обрубают провод. И только благодаря героическому поступку этого неизвестного заключенного Дутов не застал нас врасплох.

На другой день после боя к нам начинает прибывать подкрепление. Первым прибыл тирлянский отряд уже под командой тов. Сударева (отца, впоследствии красного героя, погибшего под Самарой), а затем прибыли уфимские отряды под командой тов. Кадомцева Михаила. Последний имел мандат от Уфимского губернского штаба в том, что он является командующим оренбургским фронтом по борьбе с Дутовым. По прибытии отрядов созывается совещание комсостава и составляется план действия. По плану из всех отрядов сформировываются две группы — главная и южная. Главная группа действует из Верхне-Уральска, а вторая из станицы Магнитной, что южнее Верхне-Уральска на 60 верст. Наш отряд вошел в состав южной группы, куда кроме нас вошли богоявленский, в.-уральский и кирпичинский отряды. Я со своим отрядом на

Магнитную пошел через Белорецк, где мне было поручено получить 3 орудия, присланные из Уфы. Одно, орудие я взял с собой, а два отправил в Верхне-Уральск. В станицу Магнитную первыми пришли богоявленцы, численностью в 105 штыков и 35 сабель, с 2 пулеметами.

Противник, узнав о малочисленности отряда, посылает на Магнитную хорошо вооруженный дивизион кавалерии и, кроме того, сот пять казаков, вооруженных пиками, вилами, одним словом чем попало. Начальник отряда Калмыков, узнав о действии противника и не в состоянии, за малочисленностью отряда, принять открытый (полевой) бой, немедленно отступает и занимает в центре станицы дом какого-то буржуя. Дом этот был обнесен кругом каменной стеной и, кроме того, с улицы к подступам дома делаются баррикады из телег, рыдванов, борон, косилок и прочее. Наступающие дутовцы с остервенением бросаются на штурм этой маленькой «крепости». Красный отряд богоявленцев геройски отбивает все атаки бандитов и последние, получив хорошее «угощение», отступают в станицу Наваринскую.

После боя в Магнитную прибывают кирсинский, белорецкий и в.-уральский отряды, то-есть собирается вся южная группа. Здесь на совещании организуется руководящий штаб южной группы — командующим избирается тов. Каширин Николай, а начальником штаба тов. Калмыков Михаил. Мы повели наступление на станицу Наваринскую. После 4-6 часового боя, противник из станицы выбивается с большими для него потерями, и мы погнали его дальше.

Нельзя умолчать об исключительном героизме рабочих отрядов. Дутовцы дрались очень упорно, однако, упорству наших нужно было позавидовать. Кавалерия противника несколько раз с обоих флангов бросалась в атаку. Эти атаки дутовцев отбивались спокойно и решительно, каждый раз нанося противнику большие потери. Выбитые с позиций, дутовцы уходили в глубь станицы, занимали там большие буржуйские дома и, забаррикадировавшись в них, упорно защищались. Рабочие отряды геройски выбивали их из занятых домов ручными гранатами, заставляя отступать. Так мы гнали их до села Черниговского. Здесь дутовцы пытались наступать, но легко были отбиты.

Как один из характерных, мне вспоминается такой случай. Верхне-уральским отрядом посылается разведка в 10 человек кавалеристов. Разъезд захватывает в плен дутовского шпиона — офицера, переодетого крестьянином, и отправляет его с одним кавалеристом в штаб. Оставшиеся 9 человек продолжа-

ют разведку и натыкаются на раз'езд противника численностью в 42 человека. Несмотря на очевидное превосходство сил противника, ребята бросаются в атаку и в результате боя противник теряет 13 человек убитыми и около этого ранеными. Однако, и наша разведка была здорово пощипана: почти все вышли из строя — 4 человека было убито, 3 — тяжело ранено и 2 легко. И только благодаря тому, что подоспевшая разведка белорецкого отряда в числе 11 человек обратила противника в бегство, удалось спасти оставшихся в живых 6 наших товарищей.

5

Отряды нашей южгруппы связались с отрядами тов. Блюхера в поселке Черниговском. Узнав об этом, дутовцы поняли, что рабочие отряды их постепенно охватывают со всех сторон кольцом. Уже с трех сторон стояли рабочие штыки — со стороны Верхне-Уральска, поселка Черниговского и г. Троицка. И если бы успели мы обойти бандитов и с четвертой стороны, то жарко бы им пришлось. Но Дутов понял этот план и, не рассчитывая на успех борьбы в окружении, в одну из ночей бежал через станицу Наваринскую по направлению к г. Орску. Узнав о бегстве, штаб южгруппы, дав знать отрядам т. т. Блюхера и Кадомцева, немедленно снимается преследовать противника.

По пути преследования между поселками Янгельским и Сыртинским, около своего имения, нас встретил богач, некто Мурталин. Чем это об'яснить, то-ли боязнью перед надвигающейся опасностью и желанием откупиться, то-ли Дутов ему уж очень насолил, трудно сказать, но Мурталин пожертвовал нам крупную сумму денег и выдал скрывшихся у него в имении двух белогвардейцев, работавших по снабжению дутовских банд. Как только он нам сообщил о том, что у него скрываются бандиты, мигом для поимки их были посланы несколько человек кавалеристов, но захватить им удалось лишь одного, второй же, увидев красных, вскочил на лошадь и ускакал в степь.

Приведенный в штаб захваченный оказался Алдуровым, Иваном Васильевичем, коренным жителем гор. Белорецка. Второй скрывавшийся с ним и при появлении нас бежавший, был татарин, какой-то купец из гор. Верхне-Уральска (фамилии не помню).

Алдуров был направлен в штаб южгруппы в поселок Сыртинск, где на предварительном следствии было документально установлено, что он действительно работал по снабжению

дутовских банд. Штаб южгруппы решил отправить Ададурова в распоряжение Военно-Революционного Комитета в г. Белорецк, как жителя г. Белорецка. Узнав о таком решении штаба, боевики белорецкого отряда категорически запротестовали и потребовали немедленного суда на месте. Штаб южгруппы, не желая вносить рознь в ряды боевиков, постановил выдать Ададурова в распоряжение белорецкого отряда.

Боевики отряда на общем собрании выбрали трибунал из трех человек (фамилии выбранных я не помню). Суд происходил на площади в присутствии всех боевиков отряда. На процессе Ададуров держался очень странно, отвечая на вопросы невпопад, чем определенно подтвердил свою принадлежность к белой банде. Так, например, на вопрос почему он попал в усадьбу Муртазина, Ададуров отвечает, что приехал покупать лес. Всем было ясно, что из лесной местности, какой является Белорецк, никто не поедет в степь за лесом. Был и ряд других вопросов, на которые Ададуров давал весьма сбивчивые ответы.

В результате разбирательства этого дела, трибунал вынес постановление, единодушно встреченное всем отрядом: подвергнуть Ададурова высшей мере социальной защиты — расстрелу. Свой приговор трибунал представил на утверждение штаба, который предложил Ададурова вместе с приговором под усиленным конвоем отправить в г. Белорецк. Трибунал делает вторичное заседание и, не соглашаясь с предложением штаба, подтверждает свое первое постановление, после чего приговор приводится в исполнение.

Из Сыртинска через станицу Кизил южгруппа двинулась дальше преследовать дутовские банды. Здесь необходимо коротенько остановиться еще на одном случае, который характеризует наши отряды не только как хорошие боевые единицы, но и как отряды честные и выдержанные по отношению к населению.

На пути к поселку Грязненскому, в одном из хуторов наш фуражир некто Каширин В., в пьяном виде, пытался изнасиловать девушку. Старик — отец этой девушки, хотел помешать этому гнусному делу, но озверевший парень не долго думая, вскидывает винтовку и наповал убивает старика. Узнав об этом поступке матрос белорецкого отряда, тов. Сызранкин Ф. Н. захватывает Каширина В. и арестованного доставляет в штаб, в поселок Грязненский. Штаб, учтя, что подобного рода действия создают у крестьян отрицательный взгляд на красные отряды и вместе с ними и на советскую власть и что они разлагающе действуют на остальных боевиков, немед

лению создает трибунал из трех товарищей, в состав которого входят тов. Калмыков Михаил (председатель), Сызранцев Ф. И и Шекунов И. Принужденный преследовать Дутова, штаб выехал из поселка Грязненского.

Перед от'ездом командующий южгруппы тов. Каширин Н оставил трибуналу письмо, в котором просил не щадить никого за такие поступки, компрометирующие красные отряды и просил Каширина В. подвергнуть высшей мере наказания. Трибунал, установив преступление Каширина В. и приняв во внимание то огромное отрицательное значение, которое имеют подобного рода случаи, приговорил его к расстрелу. При чем дабы не создалось у крестьян впечатления, что это делается только для вида, приговор был приведен в исполнение в поселке Грязненском на виду у всех крестьян. Этот случай вскоре облетел все ближайшие селения и безусловно в известной степени способствовал укреплению авторитета красных среди населения.

Для дальнейшей ликвидации дутовских банд был создан комитет по поимке Дутова, под председательством тов. Блюхера. Пройдя станицы Уртазым и Таналык, перейдя реку Урал, дутовские банды начали рассеиваться, разбегаться по киргизским аулам.

Насколько наши отряды пользовались некоторым авторитетом среди населения, характерен такой случай. Двигаясь из поселка Севастопольского по направлению к Тургайской области, мы заметили 2-х всадников, от'ехавших по направлению к нам, от находящегося в стороне от дороги аула. Под'ехав к отряду, всадники (оказались киргизы) заявили, что у них в ауле купцом гор. Орска оставлено много кожевенного товара, который доставлялся дутовской банде. Заехав в аул и попросив у киргиз лошадей (они их нам с удовольствием предоставили), мы нагрузили 12 подвод хорошего кожевенного товара и отправили на хранение в Севастопольский поселок. Из всего количества кожевенного товара мы достаточную долю оставили киргизам этого аула за то, что они открыли нам местонахождение этого товара. Затем мы двинулись дальше.

Мы дошли до Тургайских степей, где ни в одном киргизском ауле нельзя было достать ни соли, ни фуража. Дутовская банда к тому времени вся уже рассеялась и мы, видя, что делать нам здесь больше нечего, по распоряжению комитета по поимке Дутова вернулись в станицу Ново-Орскую, откуда нас всех отправили по своим организациям. В Белорецк с дутовского фронта я прибыл 4 мая 1918 года. Короче говоря, мы гонялись за Дутовым около 2 месяцев и угнали его

в степи. В 20 числах мая Дутов вновь появился, но уже под Оренбургом. Военно-Революционный Комитет вынужден был послать туда один из наших отрядов под командой т. Мамыкина Ивана, я же 28 мая с отрядом выехал в г. Златоуст на борьбу с бело-чехо-словаками.

В заключение необходимо сказать, что большое значение имело то обстоятельство, что на нашу сторону сразу же встали братья Каширины, знакомые с военным делом (бывшие офицеры), тем более, что они пользовались большим авторитетом среди казачества II стана, которое почти целиком пошло за ними.

Нельзя умолчать о том факте, что наши отряды в районе своих действий сыграли роль не только защитников от белобандитов, но в значительной степени они способствовали революционизированию населения. По пути своего следования мы нередко устраивали митинги, раз'ясняли жителям смысл и значение пролетарской революции и это имело огромное значение в процессе последующих событий. Так, например, в деревне Серменевой, где побывал наш отряд, мы поручили члену нашей организации, тамошнему жителю тов. Даутову, организацию там боевых отрядов. Возложенную на него задачу тов. Даутов выполнил блестяще — впоследствии, когда пришлось формировать уже Красную армию для подавления чехо-словацких восстаний, Серменевская волость выставила не одну сотню красных штыков. Вообще в Белорецком районе было сформировано впоследствии несколько отрядов, общей численностью около 1500 человек и один Белорецкий, впоследствии 270 стрелковый полк. Из остальных районов, которые прошли наши отряды, было сформировано два Верхне-Уральских полка.

Все полки и отряды проявили удивительный героизм на красных фронтах и история безусловно это отметит.

И. Волков.

УСПЕХИ В БОРЬБЕ С ДУТОВЫМ.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА УФИМСКОГО ГУБ. ШТАБА БОНВ.

Военнарком Троцкому. Подвойскому. Склянскому. Доношу об успехах уфимского народного вооружения в борьбе с Дутовым. Главные силы шли на Верхне-Уральск, через Вязовую, Запрудовку, Белорецк, Верхне-Уральск. Обходное дви-

жение — Богоявленский завод, Авзяно-Петровский, Магнитная. На Верхне-Уральск пошли дружины заводов Симского и Катавского и Белорецких округов с Уфимскими отрядами под командой большевика-каторжанина Михаила Кадомцева. На Магнитную пошли Богоявленский, Авзяно-Петровский округ под командой Калмыкова. Первые бои были под Верхне-Уральском.

Казаки хорошо одеты, вооружены, с большим числом офицерства; в боевые линии меньше тысячи ни разу не выставляли, боевого припаса имели всегда в излишке. До решительного перевеса боевых успехов на нашу сторону масса казачества стояла на стороне Дутова. Одиночки бедняки переходили все время на нашу сторону. Разведка в некоторых станицах была почти невозможна.

Район Магнитной станицы (где из-за Магнитной горы все время шла тяжба между казаками и капиталистами Белорецкого округа) был под особым нашим вниманием, как фактическая база контрреволюции. Вторая база контрреволюционного казачества — Нагайбаки, под наше влияние нами взяты не были.

Последний бой был для нас удачен, благодаря длительной и упорной подготовке, правильно выработанного плана и умелого командования т. т. Кадомцевым и Калмыковым. Главный удар нами был нанесен в 7-часовом бою под Верхне-Уральском, а окончательно надломлены дутовцы в момент их отступления неожиданным нападением богоявленцев из-под Магнитной. Фронт простирался до двадцати верст; казаков в бою участвовало более 5000.

У нас убитых 30, раненых 185, без вести пропавших 3.

На нашем фронте дутовцы надломлены. Для ликвидации их нужна длительная борьба, у нас нет денег и боевого припаса.

Формирование мобилизационного аппарата закончили в губернском масштабе в лице нашей губернской третьей дружины; имеем так сказать запасный полк. По получении денег и материальной части приступим к формированию боевых единиц и в первую очередь пехотного полка. № 2507. Начальник губернского штаба, военный комиссар округа Эразм Кадомцев.

(Газета „Вперед“, орган Уфимского Губернского и Городского Комитетов РКП(б). № 85 (310) от 28 (15) апреля 1918 г.).

ПАВЕЛ ВАРФОЛОМЕЕВИЧ ТОЧИСКИИ

Тов. Точиский в гор. Белорецк приехал незадолго до Февральской революции и сразу же развернул революционную работу.

Февральскую революцию рабочие Белорецкого завода получили из Питера «по почте». Общественная жизнь в Белорецке ускорила свои темпы. Зашевелились меньшевики и эсеры, которых здесь было больше чем нужно. Поленов, Валвин, Шремов и Михайлов и др. создали свою эсеровскую организацию, Брин, Коньев, Ишмаев и др. — меньшевистскую.

Больше всего рабочие двинулись в организацию эсеров. Немало пошло и к меньшевикам; во главе белорецкой общественности «вожаками революции» стали эсеры и меньшевики. С энергией, присущей большевикам, тов. Точиский взялся за работу. Он принимает деятельное участие в организации профсоюзов из рабочих и служащих завода. Он ведет усиленную пропаганду среди рабочих большевистских идей и борется за организацию большевистской ячейки. В начале успехи были ничтожны. За март месяц тов. Точиский навербовал из рабочих сторонников большевизма только человек 10—12. Седьмого апреля из этого небольшого числа был избран Белорецкий комитет[1]).

Так появилась в дни Февральской революции Белорецкая организация РСДРП (большевиков).

Став во главе этой маленькой группы большевиков, тов. Точиский развертывает политическую кампанию против

[1]) В комитет избраны были т.т. Душин В. И., Хлесткин И. Ф., Кучков С. И., Хлесткин Ф. И. и Точиский П. В. (Примечание Истпарта

контрреволюционной линии меньшевиков и эсеров, слившихся с кадетами (Зарудный — управляющий заводом, и др.). На митингах, собраниях, созываемых предателями, всюду выступает с пламенными речами тов. Точиский. Он бичует соглашателей и зовет рабочих на большевистскую дорогу. Ему не дают говорить. Его стаскивают с трибуны. Его называют провокатором, немецким шпионом. Ему грозит расправа самосудом.

Выборы в первый совет рабочих депутатов. Точиский напрягал все свои силы, весь свой такт, весь свой опыт организационный, агитационный и пропагандистский, чтобы провести в совет большевиков из рабочих, но не удалось. В совет прошли все эсеры, меньшевики и кадетствующие. Большевиков — ни одного.

Неудача эта не убивает энергии тов. Точиского, она только еще больше разжигает его революционную страстность. Наступили выборы в земскую управу. При этих выборах тов. Точиский развил энергичную кампанию.

Все члены большевистской организации были брошены в бой, расставлены на всех участках борьбы. Сам он писал листовки, выступал на митингах, собраниях. Со своими десятками приверженцев и сочувствующих устраивал демонстрации. Все средства борьбы были использованы тов. Точиским, чтобы увести рабочих за собой. Опять победили эсеры и меньшевики. Точискому не удалось провести ни одного большевика. Но на сей раз за его список было подано значительно больше голосов, чем при выборах в совет. Это была уже довольно значительная победа.

В день 1-го мая меньшевики и эсеры собрали митинг, где говорили за необходимость наступления на фронте, за продолжение войны «до победного конца» над немцами. Демагогические выступления социал-патриотов находили горячий отклик в сердцах рабочих. Им бурно аплодировали и кричали «ура».

На трибуне тов. Точиский. Пламенные слова его зовут к прекращению империалистической войны, к войне со своими помещиками и капиталистами.

Увы, масса пока еще настроена иначе. В ответ она ему кричит: «долой, долой с трибуны анархиста!» — и стаскивает его на землю, готовая по первому зову своих вожаков растерзать его.

И так было неоднократно. В таких случаях под защиту брала его группа рабочих, его последователей, грудью защищая своего учителя от напора одураченной социал-преда-

лями толпы. Слабые трусили натиска массы и социал-предательских угроз: они покидали большевистскую ячейку.

Однако, ячейка хотя медленно, но росла. Члены ее вели работу главным образом пропагандистского характера, обрабатывая отдельных рабочих. На митингах они выступали редко, но зато Точиский выступал почти ежедневно — то тут, то там.

Авторитет большевиков поднял следующий случай: рабочие мартеновского цеха были очень недовольны зав. цехом они поговаривали, что надо убрать его, совершив над ним самосуд. Учитывая это настроение, тов. Точиский посылает рабочих, членов ячейки, сказать зав. цехом, чтобы тот уходил со своего поста, а сам собирает рабочих цеха и предлагает им избрать нового зав. цехом, устранив старого. Рабочие избирают зав. цехом Виноградова. За эту инициативу тов. Точиского рабочие стали относиться к нему дружественно, авторитет его поднялся.

Заводоуправление видя, что авторитет его день ото дня становится среди рабочих популярнее, решило с ним расправиться. Поленов, эсер, в июне 1917 года преподнес Точискому «подарок»: уволил его со службы и лишил его конторской квартиры. Мало этого, было дано знать в г. Верхне-Уральск о том кто такой Точиский: там учились его две дочери. В результате девочки были из школы выгнаны, они вынуждены были пройти до Белорецка 55 верст пешком, так как отец их оставался без средств.

Белорецкая организация РСДРП(б) решила тов. Точиского из Белорецка не выпускать, а стала содержать его на свои гроши.

Октябрьская революция рабочими Белорецкого завода была получена также, как и Февральская — «по почте». Если где-то в центре, в промышленных городах бушевала буря пролетарской революции, то в Белорецком округе эсеры и меньшевики дурачили рабочих, охотно пока им веривших. Только Точиский со своей небольшой группой «мутил воду» и мешал «победителям» обманывать рабочих. И ведь группа-то небольшая, а «вольнит»!.. Отделаться же от этой группы эсерам и меньшевикам не удается.

Октябрьская революция окрылила эту группу, сделала ее еще больше дерзкой, смелой, боевой, вождь же ее тов. Точиский, неузнаваем — он стал чувствовать себя непобедимым. Но основная масса рабочих продолжала еще итти за соглашателями. Власть находилась в их руках. Советы продолжали играть роль придатка, как это было при керенщине. Тов. То-

чиский делает усилия перевести деятельность совета на иные рельсы. В этом ему помогает следующий случай.

За октябрь и ноябрь рабочие не получили жалованья — у заводоуправления, якобы, не было денег. Среди рабочих шел ропот. Эсеры и меньшевики использовали это положение и стали вести агитацию и пропаганду против большевиков: Они, мол, захватили власть и деньги в центре и вот оставили нас без зарплаты. «Ату, ату проклятых большевиков, а в первую очередь Точиского!»

Не тут-то было. Точиский не только отбил атаку, но пошел в наступление. Он раскрыл перед рабочими предательскую линию эсеров и меньшевиков и предложил путем перевыборов вышибить их из органов самоуправления, в первую очередь из Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. Из переизбранного совета должны быть, по предложению тов. Точиского, посланы представители в центр за деньгами. Рабочие так и сделали. Совет был переизбран, но большинство в совете все же было эсерско-меньшевистское. Но в новый совет прошли большевики. Позиция тов. Точиского значительно усилилась и не только в совете, сколько вне его, в среде рабочих масс. Особенно окрепла сила и влияние его, когда представители совета привезли из центра деньги и рабочие получили свой заработок. С этого момента начинаются одна за другой победы тов. Точиского.

В декабре 1917 года состоялся в Белорецке волостной съезд; на этом съезде теперь уже не кричали: «долой анархиста Точиского», не выносили постановлений о высылке Точиского за пределы Белорецкого округа. Теперь съезд слушал тов. Точиского. Съезд был по земельному вопросу. После выступлений ораторов от разных партий, был избран временный земельный комитет, большинство в нем было за большевиками, председательствовал тов. Точиский.

Таким образом один из важнейших пунктов эсеро-меньшевистской крепости был захвачен тов. Точиским. Отсюда он и начал обстреливать своих врагов, усиливая свою большевистскую армию.

К 1 января 1918 года в Белорецкой организации РСДРП(б) насчитывалось уже 106 человек.

Тов. Точиский торжествовал победу. Теперь его можно видеть часто улыбающимся, на что он был очень скуп. Он уже имеет теперь крепкие связи с большевистскими ячейками других заводов округа — Тирлянским, Узянским, Кагинским и друг. Все эти ячейки организованы при непосредственном содействии тов. Точиского и работают под его руководством

По всему Южному Уралу раскинул тов. Точиский свои большевистские щупальцы. Из всех заводов и крупных сел тянутся к нему организационные нити. Эти нити крепнут с каждым днем.

В январе 1918 года упомянутый выше временный земельный комитет созывает по земельному вопросу окружной с'езд, который именуется вторым с'ездом. С мест прибыли в большинстве большевики, ученики тов. Точиского и сочувствующие. Тов. Точиский избирается председателем с'езда, постановления с'езда проходят под его руководством.

С'езд постановляет: «Земельные комитеты, составленные при буржуазном коалиционном министерстве Керенского, должны быть переизбраны из составов действительных крестьян-хлеборобов». Вновь переизбранным земкомитетам с'езд вменяет в обязанность «немедленно привести в исполнение декрет Народных Комиссаров о взятии крестьянами в свои руки помещичьих земель». Пользуясь большинством на с'езде, тов. Точиский в резолюцию по земельному вопросу вносит чрезвычайно важный пункт об организации боевых дружин на местах.

Помимо этого пункта в резолюцию по земельному вопросу с'езд, под влиянием тов. Точиского, включил еще ряд пунктов не земельного характера, как, например, о необходимости «принятия самых решительных мер против управляющего этими заводами (Тирлянским и Лапыштинским) Василия Николаева Федорова», отобрании рабочими стекольного завода у заводовладельца Гогина, об отделении Белорецкого округа от Оренбургской губернии и причислении его к Уфимской и ряд других вопросов.

Влияние тов. Точиского все росло, меньшевистско-эсеровская звезда закатывалась. Однако за власть социал-предатели цеплялись еще крепко. Тов. Точиский предвидел, что с ними придется еще бороться с оружием, поэтому он всячески вооружал и укреплял свою боевую организацию из большевиков.

Все ячейки в округе были тоже вооружены и держали себя на военном положении. Да иначе и нельзя было, так как недалеко царил казачий атаман Дутов. Дутовское царство перебрасывалось уже в В.-Уральск, в 55 верстах от Белорецка. Эсеровско-меньшевистский блок с ними уже снюхался, в Белорецк прибыли тайно представители атамана. Это было в феврале 1918 года.

Тов. Точиский, узнав о предательской роли меньшевиков и эсеров, решил действовать. Учитывая тяжелое продоволь-

ственное положение рабочих и сохранение огромных запасов хлеба местной буржуазией, он ставит вопрос в совете об аресте некоторых купцов и кулаков. Эсеро-меньшевистский совет принимает предложение тов. Точиского. Уговоры эсеровских лидеров не помогают. Рабочие по отношению к буржуазии настроены воинственно. Арест производится по декрету тов. Точиского, под руководством большевиков.

Часть кулаков и купцов были арестованы и посажены в местную тюрьму. Во главе местной милиции — Борцев. В одну ночь этот Борцев всех арестованных купцов и кулаков выпускает, те частью убегают из Белорецка, а частью скрываются в нем. Узнав об этом, тов. Точиский бьет тревогу, рабочие бросают работу, вооружаются и бегут в совет. Информировав их о случившемся, тов. Точиский приводит их в боевую готовность. Часть вооруженных он послал по окружающим Белорецк селам и деревням на розыски бежавших. В Белорецке тоже производит обыск. Беглецы пойманы и возвращены опять в тюрьму. Такие энергичные действия и арест бежавших окончательно укрепили в рабочих массах авторитет тов. Точиского. Когда рабочие бежали по тревоге тов. Точиского, то тут он увидел, что многие вооружены боевыми винтовками, это были главным образом фронтовики. Точиский после ареста бежавших предлагает вооруженным рабочим создать боевую дружину по примеру Уфы и заводов Уфимской губернии.

Рабочие согласились, тут же был избран руководящий штаб. В него вошли главным образом большевики. Таким образом у тов. Точиского теперь была вооруженная сила из рабочих, среди которых были эсеры и меньшевики.

Будучи большевиком, Точиский всецело руководит этим вооруженным аппаратом. После этого он ставит в партийном комитете вопрос об аресте исполнительного президиума совета и лидеров эсеров — вопрос решается в положительном смысле. В одну из ночей боевые дружины рассыпаются по Белорецкому заводу и арестовывают намеченных. Затем созывается общее собрание рабочих, где Точиский знакомит собравшихся о предательстве эсеров, об их связи с атаманом Дутовым и грозящими от этого тяжелыми последствиями для рабочих Белорецкого округа. Собравшиеся одобрили мероприятия Точиского. По его предложению тут же были произведены перевыборы советов. В новый совет большевики были избраны опять в меньшинстве. Большинство было за [illegible]ми левыми эсерами и меньшевиками.

Новый совет, по предложению тов. Точиского, постановил арестованных выслать из Белорецка. Эсеровские главари в

числе 18 человек были высланы в Уфу в распоряжение местной власти, которая потом всех их освободила.

В виду того, что совет сконструировался опять не совсем большевистский, Точиский ставит в паркоме вопрос о создании Военно-Революционного комитета. Ревком создается под председательством Точиского, в составе членов: А. Пирожникова, секретаря Попова, под названием Белорецко-Тирлянский. Впоследствии ревком назывался только Белорецким (пред. Точиский, члены—Пирожников А., Косарев Я., Мамыкин К., секретарь Попов).

Создается военный совет, куда входят члены ревкома и члены штаба боевиков: Горшенин, Волков, Чеверев.

Ревком разграничивает свои функции с советом. Ревкому поручается оборона Белорецка от Дутова, совету — все остальные прерогативы власти. Это формально, фактически же Военно-Революционный комитет был над советом, диктовал ему свою волю. Таким образом Точиский явочным порядком осуществил свою власть над Белорецким заводом, а затем и над округом, действуя через ревком, совет и партком.

Чтобы закрепить большевистскую власть во всем округе, тов. Точиский на 15 марта созывает 4-й с'езд Южного Урала. На с'езде опять большинство за большевиками. Под председательством Точиского с'езд выносит ряд важнейших решений. С'езд постановил организовать во всех заводах и селах округа военно-революционные комитеты, которые должны будут подчиняться главному комитету, находящемуся в Белорецке и именующемуся Белорецко-Тирлянский Военно-Революционный комитет. По всему округу должны быть усилены боевые организации, а где их нет — созданы.

По окончании работ 4 с'езда Южного Урала тов. Точиский спешит провести в жизнь его решения. Он прежде всего устремляет свое внимание на центр — на Белорецкий завод. Здесь членами в совете, волостной земской управе, в рабочем контроле — в большинстве меньшевики и эсеры. Они уже не отражали настроения большинства рабочих и были не в духе. Их путем перевыборов нужно было устранить. К этой работе приступает тов. Точиский. От имени Ревкома он пишет обращение к рабочим. Обращение это дышит готовностью победить или умереть. Оно характерно тем, что является зеркалом прямой, настойчивой и боевой натуры тов. Точиского.

В связи с назначением перевыборов в совет, Точиский развертывает большую политическую кампанию. Перевыборы дали большинство большевиков, председателем совета был избран старый большевик Федор Алексеев

В своей чрезвычайно интенсивной работе тов. Точисский дошел до того, что на одном из митингов во время речи упал в обморок. Это свидетельствовало о чрезвычайной переутомленности его организма. А главная работа была еще впереди. Нужно было добыть достаточное количество оружия и вооружить рабочих и крестьян округа. Дутов висел над Белорецком, ему усиленно помогали эсеры.

Готовящаяся опасность заставляет тов. Точисского об'явить округ на военном положении.

За оружием он командирует тов. Волкова в Уфу, где имелся штаб боевых дружин народного вооружения Урала, во главе с Эразмом Кадомцевым. Там тов. Волков получает порядочное количество винтовок, бомб, пулеметы и возвращается в Белорецк.

Получив оружие, Точисский организует поход против Дутова. Он бросает по округу клич: «на Дутова, за революцию!»

На клич собираются со всего округа сотни невооруженных людей, кому была дорога советская власть. Точисский вооружает их, формирует, обучает, а затем посылает в бой.

Первый отряд боевиков он посылает во главе с Белорецким военным советом. 500 боевиков в марте месяце идут на Верхне-Уральск, чтобы сразиться с Дутовым. Под Верхне-Уральском происходит бой. В результате Верхне-Уральск взят. Дутовцы бежали вместе с своим атаманом. Характерен для тов. Точисского следующий случай. В боях под Верхне-Уральском были взяты три казака-дутовца в плен и доставлены в Белорецк. Белорецкие боевики хотели было расправиться с ними самосудом. Боевики страшно возбуждены, еще момент и казаки были бы убиты. Но тут является тов. Точисский, он держит к возбужденным боевикам речь. В речи он говорит, что одураченных трудовых казаков надо не убивать, а привлекать на свою сторону, что рабочим придется еще много и долго бороться с врагами революции, что гражданская война только начинается. И тов. Точисский учит рабочих-боевиков гибкой тактике в борьбе с классовым врагом, благодаря которой рабочий класс должен будет привлечь на свою сторону крестьян, трудовых казаков и вообще трудящихся, одураченных белогвардейщиной.

Три дутовца подвергаются большевистской обработке и отпускаются на все четыре стороны: «Идите и расскажите, кто такие большевики и за что они борются».

В апреле тов. Точисский назначается из Екатеринбурга военным комиссаром Белорецкого округа. В мае он присту-

пает к организации Красной армии, наряду с боевыми организациями. Боевые организации остаются как бы костяком, на котором нарастает Красная армия из беспартийных рабочих и крестьян. Действуя через совет боевых дружин и штаб он рассылает оружие в заводы и села. Там местные штабы развертывают свои дружины за счет рабочих и крестьян, создавая отряды Красной армии из добровольцев.

Помимо этого рабочие от станка, крестьяне от сохи в свободное от работ время обучаются военному искусству. Весь округ превратился в сплошной военный лагерь, возглавляемый тов. Точиским. Округ готовился к бою с врагами революции, к бою за советскую власть.

Восстание чехо-словаков застает Белорецкий округ во всеоружии. Тов. Точиский шлет на разные фронты отряд за отрядом. Под Самару посылает 250 штыков под командой эсера Сударева (пал смертью храбрых). Отряд в 250 штыков под командой Ив. Мамыкина был послан на оренбургский фронт. Отряд в 250 штыков под командой большевика Н. Волкова был брошен на златоустовский фронт. Туда же были брошены потом: отряд из башкир более 100 человек, отряд из русских в 150 штыков под командой тов. Кондратова; на юрезанский фронт — отряд более 200 чел. под командой матроса Сыранкина Ф.

Точиский использовал даже своих врагов эсеров, из которых сформировал отряд до 200 человек, и послал его невооруженным в г. Уфу, для использования там в рядах Красной армии. У него, как в большом хозяйстве, всякая веревочка пригодится. Правда, он здесь играл с огнем. У эсеров был план: вооружиться, поднять восстание и свергнуть «диктатора» Точиского. Не получив оружия в Белорецке, эсеры решили вооружиться в Уфе, а оттуда вернуться в Белорецк для выполнения своего контрреволюционного замысла.

Вернуться в Белорецк им не удалось, ибо принятыми суровыми мерами Точиский предупредил их план: он выслал на ст. Запрудовка отряд боевиков с пулеметами под командой члена ревкома и штаба тов. Горшенина. Эсеровский отряд был окружен со всех сторон и вынужден к сдаче. Его разоружили и опять бросили на златоустовский фронт, не пустив в Белорецк. Там эсеры были разбиты на мелкие группы, рассыпаны по разным частям Красной армии и таким образом использованы в боях против контрреволюции.

Кроме всех этих отрядов тов. Точискому нужны были силы для участка Юрезань-Вязовая, здесь был новый фронт.

Развивающаяся гражданская война требовала все новых и новых отрядов. Ревком, военный совет боевых дружин, штаб напрягали свои силы, чтобы удовлетворить спрос многочисленных фронтов: грозящая опасность революции делает стальным тов. Точиского; он всюду, его рука, его воля приводят в движение весь сложнейший революционный аппарат округа. Его энтузиазмом зажигаются тысячи рабочих и крестьян. Мирный труд, забота о себе, о семье, о материальном благоустройстве — все позади: нужно готовиться и защищать революцию. А в это время предательская рука эсеров готовила удар в спину вождя Южного Урала. Они создали «комитет по свержению Точиского».

Работа врагов революции, эсеров, была на полном ходу, Тогда тот, которого они собирались убить, накрыл их. Были захвачены протоколы, в них значился список большевиков во главе с Точиским, подлежащих смерти.

Заговор не удался. Он был раскрыт при помощи рабочих, но заговорщики от цели не отказались. Они стали достигать ее другими методами. Этой цели они все-таки достигли.

В момент подготовки белорецких рабочих к отступлению из завода от наступавших дутовских банд, П. В. Точиский, в ночь на 18-е июля 1918 года, у себя на квартире, выстрелом в окно был убит наповал...

Так кончил свою жизнь неутомимый борец Павел Варфоломеевич Точиский, отдавши ее во имя интересов трудящихся, во имя идеи коммунизма.

Год с лишним прожил тов. Точиский в Белорецке. Как мало прожито и как много сделано!

Год его жизни в Белорецке — срок небольшой, но по своей яркости, по своему грандиозному размаху и интенсивности этот год плодотворной жизни равняется многим и многим годам.

Он явился в Белорецк, когда рабочие проживали в обывательском покое, когда их революционное сознание спало крепким сном и казалось, что нет силы разбудить это сознание.

А когда он пал, сраженный пулей — тысячи бойцов рабочих и крестьян Белорецкого округа бились с врагами Октябрьской революции.

Один только Белорецкий социалистический (впоследствии 270-й) полк в 1500 штыков является ярким свидетелем плодотворной деятельности тов. Точиского. Этот полк состоял из рабочих Белорецкого округа, большинство в нем были комму-

нисты. Полк бился весь период гражданской войны на разных фронтах. В истории Красной армии он занимает видное место.

Для уральцев-большевиков и рабочей массы Точиский был символом храбрости, упорства и непоколебимой стойкости в борьбе за завоевания Октября.

Ив. Волков.

11 мая 1932 г. г. Белорецк.

ОТ ИСПАРТА.

Обстоятельства, при которых совершилось убийство в 1918 году П. В. Точиского, не выяснены точно.

Имеющиеся в распоряжении Истпарта материалы (воспоминания) по-разному характеризуют обстановку, при которой произошла трагическая смерть одного из виднейших большевиков Южного Урала. В некоторых местах этих материалов освещение фактов находится в явном противоречии между собою. Документальных же данных, дающих истинную картину гибели П. В. Точиского, в Истпарте не имеется.

ЧЕРЕЗ СНЕГА И ГОРЫ УРАЛА

В 1918 году, в апреле или мае месяце, я был командирован в г. Уфу, где нужны были работники для организации полков Красной армии и был Уфимским штабом боевой дружины назначен в 1-й Советский полк, на должность зав. оружием. Здесь нас, миньярцев, было несколько человек. Комиссар полка С. Рыков, командиры—В. Грачев, В. Кокевихин (убит белыми), В. Заикин, П. Воропанов, Е. Чертов и др., так что весь руководящий состав был почти целиком из миньярцев. Вскоре я заболел и после операции был отпущен домой. Через несколько дней Уфа была занята чехословаками и наши ребята со своим штабом эвакуировались в Сарапул.

По прибытии в Миньяр я занял должность зав. хоз. частью в штабе боевой дружины, где имелось большое количество обмундирования и снаряжения. Положение было ненадежное. Чехословаки быстро подвигались со стороны Уфы и Челябинска. Златоуст был уже занят. Мы решили эвакуировать обмундирование и снаряжение в лес, чтобы при отступлении оно не досталось чехам. Ответственными за эвакуацию были назначены я и тов. Новиков Г. (расстрелян бандой), в помощь нам были даны П. К. Есарев, А. В. Бычков и др., с

которыми мы и вывозили это имущество в лес: тов. Новиков возил в одну сторону, я в другую. У меня место хранения эвакуированного имущества было назначено на пасеке П. А. Заикина; мы копали ямы и складывали в них вывозимое оружие и снаряжение: винтовки, патроны, бомбы, телефоны и т. д. Оружие было не только Миньярской боевой дружины — 2 вагона было привезено из Аша-Балашовского завода. Оружие мы успели таким образом спрятать все, а обмундирования много осталось — завод был занят чехами. Правда чехословакам обмундирования мало попало, рабочие его сами разобрали.

Только что успели вывезти оружие, получили сообщение, что станция Аша-Балашово (теперь Вавилово) бомбардируется чехами с Улу-Теляка и Кропачево и что наш отряд из Кропачево отступает на ст. Симская. Видя, что чехи подходят с обеих сторон, мы решили отправиться в отряд, который отступает до ст. Симской.

30 июня 18 года мы, человек 20, двинулись по направлению к ст. Симской, чтобы влиться в свой отряд, состоящий из миньярцев.

С отрядами мы соединились в лесу, где прожили целый месяц, а затем стали расходиться по одиночке, кто куда знает. Я жил в лесу несколько дней один, пока отец не привез мне свое удостоверение, по которому я приехал домой (удостоверение выдавалось за подписью чехословацкого коменданта). В заводе уже было все спокойно и репрессий не было. Я поступил работать.

В Аша-Балашевском заводе находился один офицер Шалашев, который со своим карательным отрядом часто навещал Миньярский завод, с целью выявить имеющихся боевиков и большевиков. Но у нас имелась связь и каждый его выезд нам сообщали, а если не успевали сообщить, то мы имели условный знак на заводе гудком: во время его приезда зажигали на заводе какое-нибудь тряпье и под видом пожарной тревоги давали гудок — мы уже все знали, что надо быть осторожным и уходили в подполье. Все же этому бандиту, офицеру Шалашову удалось поймать двух товарищей: Коковихина А. И. и Чертова В. Д., которых после всяких издевательств белые расстреляли.

Характерной чертой миньярских рабочих было то, что ряд партийцев и ответработников и боевиков находились в Миньяре и все рабочие знали их, но ни один рабочий или член их семьи не выдавали товарищей белым, как это было в других местах, особенно в деревнях, и если было несколько человек

расстреляно, то это исключительно по вине и оплошности их самих.

Так мы жили — кто дома, а кто в лесу, до января месяца 1918 года. В январе Колчак объявил мобилизацию, мы стали организовываться для перехода через фронт в Советскую Россию с целью влиться в ряды Красной армии. Фронт от Миньяра находился на расстоянии 80-100 верст. К нам от красных был послан тов. Туманов, Кузьма Михайлович, который должен был провести нас через фронт. Готовиться к походу было очень трудно, ибо в каждом доме стояли поляки из польского легиона, но все же подготовительную работу провели, сборный пункт был назначен от Миньяра верстах в 3-х, 4-х (у Концева родника).

В феврале, не помню какого числа, в 11 часов ночи мы начали стягиваться на сборный пункт. Собралось 150 человек, из которых одна треть была вооружена винтовками, бомбами и револьверами. Почти у каждого из нас были лыжи, за исключением некоторых, имевших вместо лыж дубочки. Отправились через горы, минуя всякие жилища и дороги.

В течение 5 суток мы почти ничего не ели, за исключением первых двух дней, когда у некоторых товарищей было еще немного хлеба, который делили между всеми, потом не осталось ничего.

Кроме того, за эти 5 суток мы не видели никакого жилья, шли среди гор и оврагов, которые становились все более и более непроходимыми. Намеченный нами путь, по которому трудно было пройти при наименьшей затрате труда и жертв, был перехвачен противником, в силу чего нам пришлось обходить дальше другим путем, в результате чего мы заблудились. Положение наступило отчаянное, ребята стали волноваться и негодовать на вожатого, который конечно не был виновен. Некоторые сильно поморозили руки и ноги. Видя такое настроение ребят, вожатый подался в гору и ушел от нас. Итти за ним мы не могли, так как мы были измученные усталые.

Мы остались одни без проводника и перед нами встала задача — действовать самостоятельно. Нужно было куда-то продвигаться. Решили итти по одной лощине вниз наугад. В течение 5-ти суток шли мы голодные, перемерзшие, не спавшие несколько дней, — где же было спать, когда мы не видели жилища?!. Нам казалось, что мы все одичали. Все стали неразговорчивые, угрюмые, замкнутые.

Шли на лыжах, один за другим по одному следу, растянувшись более чем на версту. Нашим взорам представлялись

разные картины: то появлялся какое-либо строение и исчезает, то появляется дым, указывающий, что вблизи деревня, и т. д. Но это были только миражи. Были случаи, что товарищ останавливается и стоя спит. И только когда идущий позади товарищ окликнет его, он снова продолжает движение. Это было тяжелое и мрачное путешествие. У некоторых уже терялась вера в спасение.

Нам не приходилось говорить о том, какое сегодня число или день: пятница или вторник — мы потеряли счет дням. Я и сейчас не могу сказать в какой день это было, только знаю, что одним утром, когда стало светло, мы сказали, что если сегодня мы не выйдем к жилью, в какую-либо деревню, всем нам придется заснуть в этих глубоких снегах навсегда. К вечеру нам на пути попадается пасека (пчельник), пчел там не было, но было два пустых помещения.

Зашли в помещение, зажгли огонь и стали отогреваться. Хотя было и дымно, но все же мы были на сухом месте, ветру нет и тепло. Эти землянки нам показались лучшей квартирой, так как это было первое жилище, которое мы встретили на своем пути. Настроение сразу изменилось в лучшую сторону, потому что встреча пасеки говорит о том, что где-то недалеко должна быть деревня. Стали отогреваться, начинается стон и плач: у многих были отмороженные и почерневшие ноги. Рано утром мы отправляемся дальше, чувствуя, что недалеко должна быть деревня, а товарищам, обмороженным и не могущим продолжать поход, сказали, что как только придем в деревню, сейчас же пришлем за ними подводы. Но мы и сами не знали куда мы выйдем. Хорошо если к красным, а если к белым — придется всем здесь погибнуть.

Вышли с пасеки, пройдя сажен 50, видим дорогу. Настроение еще больше поднимается, теперь можно снять лыжи, которые сильно надоели, и по дороге очевидно замерзать не будем, а придем в деревню. Вопрос был в том, в которую сторону пойти. Где красные, где белые — не знаем, но инстинкт подсказывал, что мы попали туда, где нет ни красных, ни белых. Оказалось, что фронт нами был уже пройден и красные от этого поселка стояли в 3-х верстах, у Красной Горки Уфимского кантона. Пришли мы сюда на пятые сутки.

Вид наших товарищей, переходивших фронт, был разнообразен: кто в лаптях, кто в сапогах и т. д. Несмотря на то, что мы по своей внешности были подозрительны, мы встретили со стороны крестьян самый лучший прием. Когда мы сообщили, кто мы такие и куда мы идем, крестьяне неподдельно радовались тому, что уральские рабочие начинают перебе-

гать целыми отрядами и помогут Красной армии быстрее разгромить Колчака. Прибыв в деревню, мы сейчас же попросили прийти к нам старосту, который вызвал двух мужиков для посылки за товарищами, оставшимися бессильными и обмороженными на пасеке, но крестьяне сами, без всяких распоряжений, из'явили желание с'ездить за ними и привезли всех немедленно.

Через несколько часов после нашего прибытия в поселок явились красные артиллеристы, стоявшие у Красной Горки, которым было сообщено о нашем прибытии. Я вспоминаю, с каким энтузиазмом они принимали нас — ведь мы были первые ласточки от уральских рабочих! Эта встреча ободрила красноармейцев, так как они видели уже реальную поддержку со стороны уральских рабочих и решительно шли вперед, освобождая от Колчака Урал.

В Уфе мы стали делать подсчет товарищей и в результате оказалось: из 150 человек нас осталось 125 человек. Несколько человек возвратились обратно домой; человек 7, обессилив окончательно, продолжать поход не могли и захвачены были белыми в деревне, которую нам пришлось обходить. Белые подвергли их пыткам, а потом некоторых из них отправили неизвестно куда. Последние 12 человек, которых не досчитались, не выдержали перехода и остались в снегах, что было установлено проходившими по нашему следу товарищами несколькими днями позднее.

Из товарищей, которые попали к белым, некоторые не были увезены белыми только потому, что у них были отморожены ноги, они находились в больнице. Многие из перешедших с нами фронт тоже обморозились, остались инвалидами.

Этим можно закончить воспоминание о тяжелом переходе и тех переживаниях, которые рабочие перенесли в дни борьбы с контрреволюцией. Они не могли допустить, чтобы власть Колчака укрепилась. Испытывая невероятные лишения, они упорно шли против наемных белогвардейских генералов, которые старались задушить пролетарскую революцию.

Прожили мы в Уфе два дня. Красная армия стала снова отступать, так как Колчак сделал прорыв и шел в тыл, к Чишмам. Из перешедших миньярцев был сформирован отряд охотников-лыжников, я в это время был больной — были обморожены обе ноги, и вместе с другими обмороженными товарищами мы были эвакуированы в Самару на излечение. Залечив ноги, через два месяца, мы получили 3-х месячный отпуск, но вместо отпуска мы отправились в свою часть на фронт.

Прибыл я в свой отряд. Оказалось, что многих товарищей уже не было: отряд находился в боях, попал в кольцо колчаковских войск и был разбит; миньярцев погибло человек одиннадцать, в том числе тов. Грачев В. В., который был у нас командиром. Несмотря на то, что тов. Грачеву, раненому, лежавшему в крестьянской избе, можно было спрятаться в подвал и выждать прихода красных, он этого не сделал, считая низким — коммунистам прятаться от врагов. Когда вошли в комнату белогвардейцы, он им заявил: я комиссар, расстреливайте меня, но революцию задушить мы не позволим. Его вытащили за ноги на улицу и казнили.

Колчак был отбит и обратился в бегство, но в некоторых пунктах задерживался и укреплялся. Нашему отряду, как знающему местность, была дана задача: зайти в тыл к белым и взять завод Миньяр. Мы отправились горами, через которые мы шли зимой через фронт. Путь был не легкий, так как идти нужно было быстро. Шли днем и ночью, но благодаря быстрому напору красных с фронта, белые бежали и мы запоздали. В заводе уже никого не было, противник отступил, была только разведка красных.

Заезжаю с пулеметом домой, старший брат дома, с винтовкой. Я спрашиваю:

— Что делаешь с винтовкой?

— Я тоже в отряде. Когда красные стали приближаться, мы собрались в количестве 80 человек в лесу, организовали 3 батальона, завязали связь с красными и жили 9 дней в лесу. Было трудновато, хлеба у нас почти не было и ели только лошадиное мясо. Как только красные стали нажимать, мы стали действовать с трех сторон. Белогвардейцы бежали под нашим обстрелом и в результате мы отобрали вот эти обозы, которые стоят на площади.

Так действовали оставшиеся в заводе наши братья.

Вот страничка из участия рабочих Урала в гражданской войне 1918-19 г. г.

Во имя защиты завоеваний Октября от обнаглевшей буржуазии рабочие Урала были готовы ко всему. Они шли на жертвы, не считаясь ни с чем, и будут также беззаветно бороться, если это потребуется, в любой момент за освобождение трудящихся, за мировую революцию.

Шлепенков.

МИНЬЯРЦЫ В БОРЬБЕ С ЧЕХО-СЛОВАКАМИ

С появлением чехо-словаков под Самарой, Уфимской организацией нам было сделано предупреждение о том, чтобы мы готовились к эвакуации самарского и уфимского военного имущества. В Миньярский завод были направлены штук полтораста винтовок (несколько ящиков), две горных пушки и несколько десятков пудов динамита. Все это было спрятано в лесах около Миньяра. Одновременно с этим были организованы рабочие дружины.

К этому времени мы получили сообщение о том, что чехо-словаки наступают и от Челябинска. Таким образом, чехи вели наступление с двух сторон: с Челябинска и с Самары, которые ими были уже заняты. Уфа эвакуировалась. Мы мобилизовали и организовали рабочих. Какое количество добровольцев было направлено — точно сказать трудно: из Миньярского завода добровольцами шло человек до 20 рабочих, начиная с 17 лет и до 50. Затем к нам присоединились рабочие Симского завода. Руководителем отряда Симского горного округа был назначен бывший в то время лесничий этого района. Адольф Иосифович Шульц (с военной подготовкой — офицер), и направлен туда в качестве руководителя этого отряда.

Когда были заняты Златоуст и Уфа, Миньярский завод оказался как раз между двух наступающих частей чехо-словаков. На ст. Миньяр группа чехов, наступавших со стороны Челябинска, соединилась с группой чехов, наступавших со стороны Самары, и таким образом боевой отряд наших рабочих, а также рабочие, оставшиеся на заводах, оказались в тисках.

При слиянии этих двух групп чехов в Миньяре, рабочие поголовно вынуждены были отступить в полувооруженном состоянии в глубь лесов, окружающих завод. Партийный комитет также отступил с рабочими. Пришли чехи. Рабочие, за исключением инвалидов, были уже в лесах, завод пустовал и не работал.

Чехи начали выступать с демократическими речами в том смысле, что они не реакционеры и т. д. и начали призывать население к мирному сожительству. Часть рабочих (это были более старые рабочие, уже в летах) чуть ли не на второй же день стали выходить постепенно из лесов, оставляя однако, оружие в лесах, так как все рабочие были предупреждены о том, чтобы оружие держать в лесу, в одном месте. Таким об-

разом часть рабочих ушла, и в лесу остался только партийный комитет, в состав которого входили: Яков Занкин, Коковихин Михаил, Филипп Лопацков, Михаил Сорокин, Михаил Занкин и Алексей Коковихин.

Партийным комитетом были приняты следующие меры. Для того, чтобы рабочие не разложились, подпольным лесным партийным комитетом было предложено части активных работников — выйти из леса, пойти в завод и нелегально вести там подпольную работу среди рабочих. Эти товарищи должны были: 1) привлекать рабочих к саботажу по отношению к работе на заводе и 2) не дать деморализоваться этим рабочим и не допустить возможной смычки их с чехами. Лицами, командированными для этой подпольной работы лесным партийным комитетом, были: я, Алексей Коковихин, Шведов, Новиков, Галактионов. Из нас, делегированных для подпольной работы и для поддержания связи завода с подпольным комитетом в лесу, Новиков был арестован и расстрелян. Коковихин тоже был расстрелян, как представитель [illegible] комитета; я уцелел только благодаря тому, что в это время выехал из Миньяра для организации партизанских отрядов на других заводах и в Златоусте, Челябинске и Омске, а также для увязки их между собою и с подпольной организацией.

Часть подпольного комитета оставалась в лесу и там скрывалась осень и зиму. Несмотря на все принятые к розыску этого комитета меры, — сначала чехами, а потом польским легионом, которые знали, что там у нас спрятано много оружия, — подпольный комитет не был обнаружен и розыски его в лесу ни к чему не привели.

В Омске я увязался с ж. д. мастерскими через Михаила Белоусова, которого я знал по Омску и который в то время руководил омскими профсоюзами. После выполнения этой работы я вернулся в Миньяр. Была уже зима.

Нужно сказать, что руководитель отряда тов. Шувалов, которому, как офицеру, была доверена наша группа рабочих, во время наступления чехов был также арестован и отправлен в штаб Колчака, откуда его направили в Красноуфимскую тюрьму, где он просидел до середины зимы; [illegible] был устроен побег заключенных, но из всех убежавших только ему и еще двоим удалось вырваться из тюрьмы. Когда стало известно, что красные войска идут на Самару, он явился в Миньяр для того, чтобы перейти на фронт. Организовали ему отправку на лыжах с рабочими проводниками, но вследствие того, что красные войска стояли, отправка эта не удалась. Перед вторичным взятием Уфы Красной армией мы органи-

зовали уже чуть ли не 60 проц. всех рабочих завода (в то время рабочих на заводе было человек 700) для отправки через фронт, но случилось так, что более молодая часть рабочих решила совершить этот путь на лыжах по лесам. Достигли фронта и перешли его, вооруженные тем оружием, которое было у нас спрятано; более же старые рабочие задержались в пути. В числе рабочих, перешедших фронт по постановлению подпольного комитета, был член комитета Яков Заикин и Михаил Сорокин. Тов. Локацкова мы отправили еще раньше, перед взятием Уфы в первый раз, чувствуя, что это взятие приближается.

Часть из этих молодых рабочих, отважившихся перейти фронт, погибла во время этого перехода, потому что стояли сильные морозы, на лыжах не все умели ходить; кроме того, не все мастера, мобилизованные для выделки лыж, были достаточно умелы в этом деле, и в силу этого лыжи были не всегда удачно сделаны. Двенадцать человек из этой молодежи погибло во время перехода, они замерзли в лесах, многие остались инвалидами и сейчас кто без ноги, кто без руки.

После взятия Аша-Балашовского завода, партизанские отряды были подготовлены очень хорошо. Часть старых рабочих, не пошедших через фронт зимой, оставалась на заводе, но всегда была наготове, с винтовками, несмотря на то, что режим, установленный стоявшими в то время там частями польского легиона, был чрезвычайно суровый: были и случаи расстрелов рабочих. Свирепствовал там уфимский прапорщик Шаланов и часть молодых офицеров — Булыкин и Мартынов.

Когда белые заняли Аша-Балашовский завод, то часть более пожилых рабочих стала вооружаться на помощь Красной армии и также ушла в леса для соединения с Красной армией, которая шла в обход Аша-Балашовскому заводу. Первой ласточкой был Петр Гузаков, который шел для взрыва моста. Это дало нам возможность твердо и определенно связаться с Красной армией, а когда Уфа была взята в первый раз, к нам в подпольный комитет для связи приехал Кузьма Туманов. Мы связались с ним, ознакомились с тактикой наступления Красной армии, со своей стороны информировали его о нашей готовности и готовности соседних заводов выступить. После этого он, взяв с собой небольшую часть рабочих, человек 12, ушел.

Когда Уфа была взята красными войсками второй раз, а за нею и Аша-Балашовский завод, то более старые по возрасту рабочие были вооружены для партизанского выступления

в тыл колчаковской армии (чехов в это время уже не было) и сделали в этой части очень многое: они преследовали колчаковскую армию и так удачно, что передовые части Красной армии почти не поспевали за отступавшим противником. Все миньярские рабочие были мобилизованы и отправлены по следам колчаковской армии. Некоторые отряды очень удачно нападали. Например, был некто Козлов, который отличался такой отвагой, что он в жестоких боях неоднократно ходил в атаку под прикрытием саперной лопатки, которую он держал у лба на подобие козырька. В одной из атак вражеская пуля пробила лопатку и он погиб.

Рабочие Миньяра и Сима гнали армию Колчака, привлекая к себе соседние заводы — Катавский, Усть-Катавский и т. д., и вернулись уже из-под Кургана, по распоряжению Реввоенсовета.

В. Д. Заикин.

II. ЧЕХО-СЛОВАЦКАЯ АВАНТЮРА. ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ УФЫ. ОТРЯД ЧЕВЕРЕВА

КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ В СЕЛЕ ТОПОРНИНО.

В марте месяце 1918 года в селе Топорнино, Уфимского у-да, был избран Волостной Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов и в то же время было приступлено к организации боевой дружины (отряда красногвардейцев) при экономии. В дружину принимались только добровольцы из бедняков, безземельного и малоземельного крестьянства и из фабрично-заводских пролетариев.

Боевая дружина красногвардейцев получила вооружение от тов. Кадомцева Эразма из Уфы. Задача дружины была в том, чтобы часть красногвардейцев выделять на Самарский и Уфимский фронт против чехов и казаков Дутова, а на месте дружина по приказам Волостного Совета, обезоруживала буржуазию и препятствовала возникновению белогвардейских отрядов, организуемых буржуазией и ее прихвостнями. Организаторами белогвардейских банд являлись из местного купечества: Тихонов, братья Токуновы (пять человек), Воробьев, Николаев, Зерницкий, и из местных кулаков: Мельниковы Андрей и Петр, Малюхин Терентий, часть эсеровско-меньшевистского учительства с купеческими сыновьями, братья Макаровы, братья Харитоновы и др.

Красногвардейцы не дремали, выслеживали, кто руководит белогвардейцами из буржуазного отродья и выдергивали их командный состав. Был начальником продотряда для охраны купеческого и помещичьего хлеба некто Н. Ф. Глебский. У него были обнаружены документы, что он находится в действующей против Советов и большевиков организации. Он был выявлен вместе с другим начальником продовольственного отряда — Мухаметгареевым (бывший царский жандарм).

16-го мая в Топорнино открылся на площади бедняцкий и батрацкий волостной съезд. Кулачье в это время усиленно стекалось также в Топорнино, что было выявлено боевой дружиной и членами Совета. Вся беда была в том, что дружина красногвардейцев составляла вместе с членами Совета немного больше десятка стрелков, так как большинство бойцов

было на чишминском фронте. В предупреждение того, чтобы в один момент не оказаться растоптанными кулацкими сапогами, пять стрелков нами были скрыто расположены неподалеку.

Решено было во что бы то ни стало собрание волости провести под лозунгами борьбы против белогвардейцев и чехословаков, так как хотя и с опозданием, но все же на собрание явились бедняки и безземельные крестьяне, но их было мало. В 10 часов дня на это собрание из штаба боевой дружины пришли военный комиссар волости т. Кутуев и председатель совета, автор этих строк; была роздана газета Уфимского Губкома компартии «Вперед». Не прошло 10 минут, как собрание уже гудело как пчельник; на трибуне появился бывший пред. земской волостной управы — Матюхин Терентий и закричал:

— Долой большевиков и власть Советов! Мы не арестанты, чтобы к нам на собрание приходили вооруженные винтовками большевики. Я призываю немедленно отобрать у них оружие и арестовать!

В это время, оказывается, оставленные нами в скрытом месте пять стрелков без всякого распоряжения подошли к самому собранию. Около Совета и пожарного депо, на улице у них немедленно были выхвачены винтовки, появились принесенные кулачьем револьверы, затрещали выстрелы. Тов. Кутуев был убит, а Авдонину удалось под обстрелом добраться до штаба дружины с несколькими товарищами, чтобы не дать кулакам возможности воспользоваться вооружением и патронами, находившимися в штабе.

Я немедленно распорядился отступить со всем вооружением в гору к детдому «Ленинградская колония». Быстро вооружились 10—12-летние дети детдома в количестве 20 человек и тотчас приступили к оборудованию окопов, посланы были в разных направлениях разведка, которой удалось выяснить положение противника, — банды хотели взять гору обходом. Решено было перебраться за реку Белую, где детям были отданы лодки, а винтовки мы у них взяли, чтобы никакого подозрения на них не могло быть (катались, мол, на лодках и все).

В ночь отряд дружинников в количестве девяти человек решил отступать на Уфу. В селе Дуванеях дружиной был взят с собою с пароходной пристани заградительный отряд, которому также оставалось недолго жить. К счастью, шедший с Бирска на Уфу пароход подобрал нас и в течение ночи мы прибыли в Уфу.

Отряд был помещен в коммунистические номера; я пошел к Зенцову Грише и просил его принять срочные меры по командированию со мной в Топоринино отряда. Тов. Зенцов дал мне распоряжение немедленно отправиться со своими дружинниками на пароходную пристань и ожидать тов. Черевена, который прибыл на конях со своими партизанами. В назначенный срок подошли пехотинцы и мы на пароходе «Зюйд», погрузив кавалерию, пошли на Топоринино. При отряде был Ревтрибунал. В ночь, без огней, мы пришли на назначенную позицию, а на рассвете заняли село и банда белогвардейцев не успела оказать нам никакого сопротивления. Отряд продовольственников разбежался, часть его с начальником Мухаметгареевым была арестована и разоружена. При допросе Мухаметгареев признался, что он бывший жандарм и сочувствует Колчаку, а с большевиками не хочет ничего иметь общего. Его присудили к расстрелу, а продовольственники поступили к нам добровольцами.

Организаторов восстания против советской власти также судили, главарей расстреляли. Одновременно был избран Ревком, организовано было много митингов тов. Черевым, которого и до сего времени вспоминают крестьяне и крестьянки-красноармейки: он для бедняков и батраков остался незабвенным героем борьбы пролетариата с капиталистами.

Под давлением сильных белогвардейских и чехословацких отрядов наши красные части принуждены были отступать из Уфы на пароходах по р. Белой в Николо-Березовку, на Каму, где был главный штаб армии. Черевен получил задание с отрядом добровольцев на пароходе «Зюйд» охранять тыл отступающей армии. Отряд выполнял охрану путей Бельского и Камского бассейна и укрепился в селе Дюртюлях, на Белой.

Тов. Черевым была об'явлена добровольная мобилизация в Дюртюлинском районе и в продолжение одного месяца мы занимали Дюртюли.

Все время приходилось вести организаторскую работу путем собраний и митингов на сельских собраниях и организации Советов, вести активную борьбу с кулачеством и разведывательными отрядами белопогонных банд. Неоднократно они делали налеты на Дюртюли превосходными силами, но мы их прогоняли.

7 августа одновременно по всему фронту от Бугульмы до Дюртюлей противником была двинута многотысячная армия с артиллерией и пулеметами. В течение 14 часов стойко держался наш боевой отряд под командованием Черевена, но к вечеру неприятель двинулся лавиной и мы были принуждены

оставить Дюртюли. Отступив до селения Андреевки и погрузившись на пароход, мы стали держать курс на Николо-Березовку. В боях под Бугульмой своей трусостью и паническим бегством образовали большой прорыв фронта левые эсеры и прочие колеблющиеся элементы.

В Сарапуле мне и тов. Зенцову пришлось провести только одну ночь, а рано утром тов. Чеверев проводит нас в количестве двух рот под командой тов. Зенцова на Ижевский фронт, где шли жестокие бои с белыми ижевскими отрядами. В течение двух ночей мы с боем заняли несколько селений и подошли к Ижевскому заводу на расстояние 4 верст, но вскоре были отброшены до селения Юзки. В то время прибыл с оставшимися товарищами тов. Чеверев и мы, закрепив позицию Агрыз-Юзки, снова повели наступление на Ижевск, не теряя связи со штабом, бывшим в Вятских Полянах. Из Казани мы частенько получали по нескольку вагонов снарядов, что и дало нам возможность продержаться около четырех месяцев.

Тов. Чеверев, раненый в левую руку с раздроблением кости, днем и ночью почти всегда был в разведках, поддерживая стальную стойкость в бойцах. К концу 4 месяца, в то время, как белыми была взята Казань, нам снова пришлось отступать до станции Сюгинской, где мы соединились с 28 дивизией тов. Азина и пошли опять вперед.

Через несколько недель был занят город Сарапул и восстановлен железнодорожный мост; город Ижевск также был взят и белых отбросили в Красноуфимском направлении.

И. М. Авдонин.

Село Топорнино, Уф. к-на.

ТОПОРНИНСКАЯ БОЕВАЯ ДРУЖИНА

В 1918 году, когда демобилизовалась старая армия, мы приехали домой в село Топорнино и начали организовывать боевую дружину. Дружина была организована в количестве 40 человек молодых солдат империалистической армии. Отвели помещение для своего отряда и устроили общежитие, хорошо вооружились и повели работу. Работать было трудно, потому что не было средств на содержание отряда, тогда мы обложили топорнинскую буржуазию контрибуцией для содержания штаба.

Белогвардейцы с каждым днем брали нас в кольцо и уже чешские отряды подходили к станции Чишмы, в 60 верстах от

Топоринно. Тогда мы провели мобилизацию и отправили под Чишмы своих товарищей, но белых было несколько тысяг и наши ряды были разбиты. В то время топорининская буржуазия организовалась и подготовила восстание.

На волостном с'езде наш топорининский военный комиссар Кутуев начал делать доклад. Народу было около 1000 человек. Для порядка на с'езд мы послали вооруженных только 5 человек, потому что не предполагали что будет, но из толпы многие были вооружены наганами. Когда наши стрелки подошли к собранию, толпа выхватила у них винтовки и пошла стрельба. Комиссар Кутуев бросился бежать, но из нагана был убит. Нас было очень мало, пришлось отступить в Уфу вдоль реки Белой. Всю ночь шли вдоль берега по кустам. Не доходя до Благовещенского завода, нас нагнал пассажирский пароход; хотели его обстрелять, чтобы его остановить и сесть, но решили добраться до завода и там сели на него, приехали в Уфу и заявились в военный штаб.

Нам назначили командиром тов. Чеверева. Чеверев добавил к нам часть пехоты, кавалерии и пулеметов, взяли пароход «Звйд» и начали грузить кавалерию, пехоту и пулеметы. В ночь отправились на Топоринно. Не доходя до Топоринно верст 10, остановились, потому что был день и решили стоять на якоре до ночи. Так и сделали. В полночь мы снялись с якоря, потушили все огни и тихо поехали в Топоринно, но выгружаться не решились, спустились ниже верст за пять и там в лесу высадили кавалерию и пехоту. Часа в три утра окружили Топоринно, поставили пулеметы, а кавалерия пошла в Топоринно и навела панику.

Между тем, по донесению нашей разведки, чехи направление держали на Топоринно и уже были очень близко. Тогда Чеверев собрал нас всех и сказал, что отступать не будем и будем до последнего в Топоринно и заявил: «если кто трусит, то сдавай оружие и иди домой». Никто ни один оружие не сдал. Тов. Чеверев был очень смелый и горячий, с боевой обстановкой не считался. Мы же, все солдаты германской войны, имея в боях большую сноровку и опыт, предложили ему, что позиция в Топоринно неудобная — нас могут разбить. Он согласился с нами и решил отступать вниз по реке Белой.

Погрузили все имущество в баркас, а сами сели на пароход «Звонд». Насечение топорининское вышло провожать нас. Чеверев дал прощальный свисток и мы отступили. Через несколько дней приехали в село Дюртюли, где и решили держаться. Стояли две недели, никого не было; между тем добровольцы прибывали со всех концов. 10-го июля разведка сообщила.

что чехи, около четырех тысяч человек, находятся в пяти верстах. Так как нас было очень мало, сплошной фронт держать не хватало людей, мы разбились на заставы по 25 человек по всему фронту, а фронт был верст на 8. Отец мой (в то время ему было около 60-ти лет) командовал заставой, находившейся по соседству с заставой, в которой был я.

Наша застава занимала главный пункт — большую дорогу, по которой колоннами двигались чехи и русские офицеры. У нас был один пулемет, мы оказались на поляне, место было неудобное и благодаря этому застава наша была разбита, много побили и поранили, а остальным пришлось бежать. Другие заставы держались хорошо. У нас в пулемете получилась задержка, пулеметчик наладить не успел, уже неприятель вышел на чистое место. Когда нас разбили, мы бросились бежать к соседней заставе, в это время мне ударила пуля в спину и на вылет в шею и я упал. Некоторых раненых успели подобрать, я остался с убитыми.

Это происходило около ветряной мельницы, в которой находились мирные жители (приехали молоть хлеб). Из мельницы вышел один крестьянин, поднял меня на ноги, а тут чехи обступили меня, наставили на меня со всех сторон винтовки и хотели заколоть. В это время подошел один из офицеров и начали меня допрашивать, какая у нас сила. Им было очень интересно, потому что они не видели — кто такие красногвардейцы. Потом велел меня отправить в штаб.

В это время Чеверев услышал, что застава разбита и чехи заняли часть села, он сгруппировал в северной части Дорть-ли свои силы и пошел в наступление. Но неприятель укре-пился, поставил пулеметы и завязался бой. Село Дортюли переходило из рук в руки. Чеверев посылал вперед всех. Неприятель к вечеру стал слабеть. Меня, как раненого, передали под охрану двум чехам, но им было не до меня, передали одному больному татарину, который бежал мимо нас, где я стоял с чехами, а сами чехи ушли от меня в цепь. Хотя боль была сильная, но на ногах я был здоров. Я этому татарину, который вел меня в штаб, заявил, чтобы он меня пустил, он согласился, бросил меня, я тогда пошел по направлению к своим, но итти нельзя было потому, что пули сыпались градом. Тогда я решил зайти в какой-нибудь дом и спрятаться, но на пути не было таких домов, где бы мне скрыться — все дома были купеческие. Все-таки я дошел до одной старенькой избушки, где жили бедняки, они меня спрятали на сеновале и я там уснул. Между тем бой шел, к вечеру чехи были разбиты на голову. Тогда меня хозяин разбудил, я вышел на

улицу, но уже никого не было. Я направился по направлению, где находились наши войска. Чехов уже прогнали.

Нас, раненых, набралось человек 10 и отправили нас на пароходе в Николо-Березовку в лазарет. Неприятель отступил и начал формировать силы, чтобы опять двинуться на Дюртюли. Наши тоже не спали, мобилизовали много солдат по окружности и у нас сформировался полк около 200 человек. Через несколько недель неприятель снова пошел в наступление, но уже с большими силами; наши тоже подготовились. Первым долгом послали разведку по всем направлениям.

Мой отец был послан в разведку в город Бирск, где формировались главные силы неприятеля. Он узнал, сколько у них войска, орудий. Город был в панике — день и ночь ждали нападения Чеверевского отряда. В Бирске на улице отец встретился с знакомыми офицерами, которые хотели его задержать, но он успел скрыться. Только что отец пришел из разведки, следом за ним подошел неприятель с большими силами и начался второй бой. С утра до вечера Дюртюли переходили из рук в руки, но к вечеру наши были разбиты и отступили в Николо-Березовку. Много было оставлено белым продовольствия.

Отступили мы в ночь до Николо-Березовки, где начали грузиться на пароходы в Сарапул. В Сарапуле (на р. Каме) мы были окружены со всех сторон белыми. Опасный фронт для нас был Ижевск — в нем находилось до 20 тысяч белых. В нашем распоряжении был только город Сарапул да станция Агрыз, которая была расположена в 20 верстах от города. Агрыз пришлось оставить, потому что дальше отступать было некуда — все железнодорожные мосты были взорваны, сожжены. Впоследствии Сарапул тоже заняли белые.

Положение было плохое, наши красноармейцы начали было разбегаться: утром бывало встанешь — того нет, другого нет, роты стали пустеть. Еще один бы напор со стороны белых, и нас всех бы взяли в плен. Патронов осталось мало, снарядов тоже. Мы тов. Чеверева просили объяснить нам, что он думает и хватит ли у нас припасов, чтобы держаться дальше. Он заявил, что патронов мало, снарядов только одна тысяча всего; этого хватит нам только на один день. Чеверев говорил: «если нам не придет из центра поддержка, то ночью пойдем на Ижевск, прорвем фронт и уйдем в тайгу, Сибирь и будем там скрываться».

Но, по частным слухам, мы узнали, что Казань взята. Наши немного ободрились и стали дожидаться помощи. Через

некоторое время слышим, что невдалеке идет дивизия нам на поддержку, во главе с командиром Азиным. Тогда мы начали налаживать мосты. Когда приехал Азин со своей дивизией, то дан был приказ взять завод Ижевск, чтобы к 7 часам утра 10 ноября быть там. Ижевск после упорных боев был нами взят, рабочие города Ижевска перешли на нашу сторону и мы пошли дальше, переправились через Каму и погнали белых в Сибирь.

Партизаны—*А. В. Ламанацкий (отец).*
А. А. Ламанацкий (сын).

НА „ЗЕНИТЕ".

Получив письменное распоряжение сдать пароход «Ост» командиру Романову О. Е., который был на «Латнике», я был назначен на пароход «Зенит». Приняв последний совместно с помощником, мы остановились выше пристаней, чтобы ожидать дальнейших распоряжений. Неопределенность нашего положения и стоянка без всякого дела начинала надоедать.

Спустя несколько дней на Софроновской пристани № 3 состоялось общее собрание водников всех находящихся там в то время судов и пароходов.

Собрание открывает тов. Ершов Е. Д. Из его доклада выяснилось, что чехи подходят к Уфе и что всем судам придется эвакуироваться временно вниз по реке Белой. Мы все должны быть наготове.

Дня через два, под вечер, поступило распоряжение — встать «Зениту» к верхней пристани. Только что пристал, на пароход явились уполномоченные всевозможных организаций и учреждений. Одни говорили, что здесь им мало места, другие предполагали еще где-нибудь посмотреть. Вдруг вижу, — идет на пароход по мосткам человек в полуфлотском костюме, с подвязанной рукой, и что же? — узнал в нем товарища детства, Чеверева Александра! — Он тоже узнает меня, протягивает мне левую руку и спрашивает:

— Что ты здесь делаешь?

— Командую пароходом.

Мы прошли в каюту 1 класса. Здесь мы припомнили наше далекое детство и поездку в Оренбург, когда еще были маленькими, тихонько от родителей. Коснулись настоящего времени и политических взглядов.

После этого он попрощался и ушел с парохода. Я смотрел

ему вслед и думал — где тот шаловливый мальчик I класса городского училища, с которым мы когда-то вместе переплетали книги и на заработанные 10-15 копеек покупали вместе коньки? Через полчаса тов. Чеверев вернулся на пароход, вошел в мою каюту.

— Ну, Саша, скоро придется отступать и я буду просить — «Зенит», согласен?

— Пожалуйста, ответил я, если даст контора, я к твоим услугам.

Выпив наскоро стакан чаю, он пошел в контору и через несколько часов поступило распоряжение поместить на пароход Благовещенский отряд с его представителями и вооруженными бойцами — всего человек около тридцати.

На всех судах началась спешная погрузка оружия и боевых припасов и посадка военных и штатских. Ровно в час ночи меня вызывает красногвардеец и говорит, чтобы я шел в I класс. Там меня ожидал тов. Стариков, который распорядился немедленно отходить.

Тихо, без обыкновенного шума на пароходе, без огней и даже сигналов, «Зенит» отошел первым, оставляя освещенную Уфу позади. Меня невольно охватывает какое-то смутное тревожное чувство, повидимому то же самое испытывает команда, стоящая на вахте. Слышатся вопросы:

— Что-то будет впереди?

— Зачем мы бежим из Уфы?

Товарищ Стариков со мной все время на мостике, он внимательно смотрит на левый берег. На рассвете мы подошли к Александровке, ниже Уфы 20 верст. Около пяти часов утра приходим в Благовещенский завод, тов. Стариков предлагает здесь посадить своих товарищей. На пароход проводят партию арестованных, около 20 человек, все они прилично одеты. Затем идут и едут благовещенские красногвардейцы с испитыми лицами с винтовками, большинство из них в шинелях, есть и в штатской одежде.

Я спрашиваю тов. Старикова — много ли будет людей. Он поясняет, что будет две боевые организации, приблизительно 250 человек. Под страшный шум и невообразимую толкотню пароход переполняется до невозможности. Даю второй свисток, затем третий — отходящий. На пристани и на берегу стоят провожающие с заплаканными лицами. Один из наших товарищей, выйдя на край мостика, произносит краткую речь в которой говорит убежденно, что мы — победим.

На пристани и на берегу поднимаются крики и плач. Тов. Стариков торопит. С пением «Интернационала», с гром-

ким «ура» отходим от пристани. Трудно передать здесь на бумаге картину прощанья под громкую песню, слезы и громкое «ура».

Во время нашей стоянки у пристани, мимо нас проходили пароходы с буксирами один за другим. Последним прошел «Зюйд». Стариков распорядился пристать к берегу; с «Зюйда» получаем известие, что недалеко чехи, и следуем дальше. Подойдя к деревне Ежовке, мы остановились у берега и выслали разведку в 15 человек охотников с пулеметами. В Березовке новая остановка: здесь ждем высланную разведку, которая вернулась часа через три и сообщила, что верстах в 20 чехи. Маленький, проходящий последним, винтовой пароход «Орленок» сообщил нам, что Уфа занята чехами и что в него стреляли против вокзала, при чем был убит штурвальный (Татарин). Первая жертва...

Подходя к Бирску мы увидели массу всевозможных судов, которые стояли в несколько рядов, думаю — Бирск такого скопления не видал с основания пристани. На нашем пароходе состоялось совещание, решили весь флот спустить к Бельскому устью. Здесь мы получили распоряжение — утром итти в Дюртюли, где и останавливаемся. Все пароходы идут вниз, остается только четыре парохода: «Ост», «Зюйд», «Зенит», «Сплавщик» и два баркаса. «Ост» идет вверх, на нем тов. Ершов и затонская охрана, на «Зюйде» — тов. Черепев Александр, человек 50 красногвардейцев особого назначения и одна трехдюймовка. Некоторое время стоим в Дюртюлях. На следующий день проходит «Ост» сверху. В Бирске его обстреляли. Утром мы арестованных перевели с «Зенита» на «Зюйд». Высылаем от нашего отряда разведку: «Сплавщик» уходит вниз. Остается два парохода — «Зюйд» и «Зенит».

Здесь тов. Черепев производит у местных богачей реквизицию продовольствия и все это раздает беднейшему населению. При обыске у одного попа было обнаружено оружие — несколько винтовок, этот поп на «Зюйде». Настроение у нас приподнятое, чего-то ждем, неизвестно. В 10 часов утра выставили три заставы. В 11 часов, во время обеда, слышится выстрел, затем второй, третий — затрещал пулемет. Находившиеся на пароходе красногвардейцы выскакивают с винтовками, поднимают тревогу, бегут в село рассыпным строем. Жужжание и свист пуль становится все чаще. За селом на горе слышится «ура». Ружейная и пулеметная стрельба то ослабевает на короткое время, то с новой силой поднимается, перестрелка идет на окраине села. Над нами, как комары, звенят пули. Любопытные наблюдатели из команды бегут под яр

и прячутся там. Вот несколько пуль щелкнуло о пароход, который теперь под обстрелом. Мы спускаемся ниже и ставим «Зенит» к двум ветлам, к берегу носом, чтобы удобнее скрыть его от обстрела. Но и это не помогает: пули достают нас и здесь, несмотря на прикрытие яра.

Я открываю товарный люк, куда прячутся все свободные товарищи и семьи: здесь все-таки безопаснее, на вахте остается только нужная команда матросов, которые вооружаются топорами — на случай, если придется рубить чалки. Я об'ясняю им, что при отступлении дорог каждый момент, — малейшее замедление грозит гибелью нам.

Бой продолжается, видно зарево пожара. Недалеко от пристани перебегают люди с винтовками на перевес. Вот раздается орудийный выстрел, затем второй, третий... Понемногу шум замолкает, а через час полная тишина водворяется над селом. Являются раненые, сестра делает перевязки. Везут на телеге тяжело раненого, кладем его в отдельную каюту. Подходят наши бойцы, грязные, утомленные. Есть убитые, среди них Баранов, Лобастов, Миков, Кузнецов и другие неизвестные — всего семь человек. Часть наших бойцов продолжают преследовать убегающих чехов. Привезли четырех убитых: их тела зверски изуродованы ударами шашек.

Понемногу на пароходе собираются товарищи. Вечером, в присутствии тов. Чеверева, было устроено собрание, на котором шел разговор о наступлении чехов. Снизу прибыли пароходы «Славщик» и «Юпитер» (буксирный). Наступает тревожная ночь. Все красногвардейцы спят в шинелях, с винтовками в руках. Кругом усиленный караул. Команда парохода на вахте, подвахтенные расположились на палубе, в каютах никого из семей нет, все в трюме, на дне корпуса.

Изредка слышны одиночные выстрелы. Утром возвратились бойцы-охотники, которые преследовали бегущих чехов. От них мы узнали, что отряд противника был сильный, приблизительно в полторы тысячи человек, но орудий они не имели и ушли по направлению к Бирску.

Утром мы торжественно похоронили четырех убитых товарищей.

В Дюртюлях и ближайших селениях Чеверев об'явил призыв добровольцев, на этот призыв откликнулись многие. На общем собрании мы выбрали делегатов в штаб, расположенный в Николо-Березовке на пароходах, для получения оружия. Командир парохода «Славщик», ездивший на бельское устье за деньгами для раздачи командам, в Дюртюлях, на второй день после боя, неизвестно куда скрылся с деньгами и

пароход остался без командира. Вскоре после собрания, лишь только бойцы разошлись по пароходам, возникла тревога. Тов. Чеверев бегает с браунингом в руке, отдает приказания: опять налет чехов. Поднялась трескотня пулеметов. Наши бойцы, готовые каждую минуту ко всему, бросились в рассыпную по всем направлениям. Стрельба прекратилась, оказалось, что отряд противника был небольшой. Двое из них попали к нам в плен. Вскоре наши бойцы возвратились на пароход.

Нельзя не отметить геройского самообладания тов. Чеверева, который во время боя в Дюртюлях в пятидесяти саженях от парохода столкнулся с пятью чехами, незаметно пробравшимися к нам. Он стал спокойно с ними разговаривать, а потом на месте уложил троих, остальные двое бежали и скрылись. Нечего и говорить, что тов. Чеверев во время боя был впереди, в самых жарких, опасных местах. За два дня до этого боя из нашего отряда ушли на разведку трое товарищей, которые, вернувшись, нам сообщили, что они были в Бирске, уже занятом чехами, и даже ухитрились украсть замок от орудия, этот замок они принесли тов. Чевереву.

Отмечу еще один эпизод: во время боя наши вытащили 3-х дюймовку на берег, а стрелять никто не умеет. К счастью нашелся один знающий — это был помощник командира с парохода «Зюйд», Б-в. Он тут-же указывал товарищам, как нужно обращаться с орудием, и сам работал. Стали стрелять, да как еще метко! Не даром говорят, что «война родит героев».

Получаем распоряжение итти на бельское устье с частью отряда, во главе со Стариковым и делегатами, в штаб для получения оружия. Быстро снялись, ниже Азякуля, у Казанбека, ночью нас обстреляли, но повреждений нет. В Барсуковской воложке догнали пароход «Юпитер», шедший с баржой, ему помогали буксировать до Камы. На бельском устье берем мазут, но дают мало. Пристали к «Златоусту». Прошу в управлении денег, там отвечают, что ни денег, ни продовольствия нет; нашу команду тоже нечем пополнить. Здесь встретил своего помощника с «Оста» К-на. Спрашивает:

— Как дела?

Я отвечаю, что в Дюртюлях пороху понюхали.

— Это,—говорит,—ничего, сами целы остались, а вот нас угостили в Бирске почище. Подходим к городу, я в пролете и вижу, что с пристани сверху кто-то нет-нет, да платком белым махнет. Я не придал этому значения и стал приставать к самой пристани. Подали чалки, завернули их, и что-же? В одно мгновенье перед нами появилась цепь, из-за барьера направили винтовки на нас. Наверху тов. Ершов что-то говорит

Я тут же выхватываю пожарный топор, рублю чалку и бегу на нос парохода. Вижу пароход отошел, а машина дала задний ход. Так мы все ушли под залпы противника, который стрелял в нас в упор. Были убитые и раненые.

Выслушав его рассказ, я подумал, что можно и нам так напороться. Мы вскоре отчалили и на рассвете пристали в устье Белой. Здесь все порожние мешки, которые были у нас, мы набили песком, разбросали по всему пароходу и обложили штурвальную рубку, таким образом устроив защиту от пуль. После этого мы отправились вверх по Каме. Во время пути устроили собрание, на котором решили семьи высадить. В с. Каракулино мы остановились на десять минут, высадили все семьи прямо на берег, а сами отправились в Н.-Березовку, где стояли целые сутки и производили промывку котла. Получаем распоряжение двинуться в Сарапул, куда мы отправились за оружием, но там не оказалось его. В это время приходит «Зюйд», весь изрешетенный пулями. К нам возвратились красноармейцы, которых мы оставили в Дюртюлях; число их значительно уменьшилось: в Дюртюлях их потрепали и им пришлось отступить. Они очень удивлялись, что «Зюйд» там благополучно прошел не расстрелянным и при том сообщили, что им шел на поддержку с оружием пароход «Силавшик», который чехи в упор расстреляли в Ангасякской луке. Из всего этого нам стало ясно, что из Белой мы отступили совсем. Теперь мы отправились вниз по Каме, не встречая на пути ни единого судна; в одном месте нас обстреляли, но безрезультатно.

Остановившись в Н.-Челнах, мы получили распоряжение итти в Елабугу, оттуда, пополнив пароход мазутом, снова вернулись в Челны. Через сутки наш отряд ушел пешком и на лошадях под Бугульму. Пароход опустел, остались на нем двое: один раненый, второй для охраны имущества. На третий день после ухода отряда разыгралась небывало сильная буря, которая сорвала тент над мостиком парохода. Своими силами исправили повреждение, убрали тент и пароход стал совершенно неузнаваемым с наружной стороны.

Было очень много попыток со стороны различных организаций занять пароход, кое-как его отстояли. Наконец, спустя неделю, под вечер пришел один товарищ из отряда и говорит, что начались у них неудачи, потом по одиночке стали возвращаться другие товарищи. К полночи половина вернулась с тов. Стариковым, который распорядился отходить как можно скорее вверх по Каме. С правой стороны слышались оружейные выстрелы. Было ясно: наши товарищи понесли пора-

жение. Многие возвратились без винтовок, и потеряли два пулемета. Среди вернувшихся были раздетые, босые, некоторых трудно было узнать. В общем осталось около 60 или 70 человек, среди них имелись раненые. Продвигаясь вверх по Каме, мы узнали, что Мензелинск в руках чехов. Можно было предполагать, что Пьяный Бор [1]) тоже занят противником, так как расстояние от Мензелинска совсем небольшое — 17 км. Ночью мы шли без огней, чтобы не привлечь внимание белогвардейских отрядов. Благополучно прибыли в Н.-Березовку, откуда нас двинули на Сарапул — там был сосредоточен весь речной флот сверху и снизу и стояло судов полтораста. В это время тов. Чеверев со своим отрядом вел наступление по направлению Белой, но уже без помощи пароходов — наши бойцы, часть ушли к нему добровольно, а остальные двинулись под Ижевский завод. Так закончилось дело боевой единицы, состоявшей из большинства рабочих Благовещенского завода.

Бывш. командир парохода «Зенит» в 1918 г.

А. Скурихин.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЧЕВЕРЕВЕ

Лично тов. Чеверева я близко узнала в июне месяце 18 г., когда мы стояли в строю к отправке в Топорнино, где были беспорядки в связи с убийством комиссара Кутуева. Собравшимся товарищам Чеверев произнес речь — несколько слов:

— Теперь не словом, а делом придется отстаивать советскую власть. Враги рабочего класса вооружаются не на живот, а на смерть. Быть или не быть нашему рабочему государству? Я говорю — быть, ибо сама история за нас. Так, товарищи, покажем с оружием в руках, что мы не дадим власть. Я уверен, много слов не надо, каждый из вас здесь стоящих знает, куда и за что он идет.

Вот вкратце его слова, сказанные собравшимся.

Еще за несколько дней до отправки мобилизованная молодежь и партийцы с нетерпением ожидали, — под чьим руководством им придется воевать, так как имя Чеверева многие знали по его походу на дутовском фронте. Как только пронесся слух об отправке коммунаров на фронт, многие ребята начали торопиться, каждому хотелось выехать скорее и перво

[1]) Теперь „Красный Бор“ — пристань на Каме. *Ред.*

му. Поэтому был брошен жребий и его получили счастливцы-чеверевцы. Ночью состоялась погрузка на пароход «Зюйд», все было тихо, спокойно, видно было как каждый про себя радовался, что ему удалось выехать не только первому, но и с

Александр Чеверев.

Чеверевым. Каждый основательно готовился встретиться с врагом лицом к лицу. Многие чистили винтовки, проверяли их качество, [illegible] по части патронов, каждому хотелось иметь побольше. Шла тихая беседа между товарищами — как устоять перед хорошо обученными и вооруженными чехословаками, с которыми придется не сегодня — завтра сразиться. Топоринские события меньше всего касались отрядцев, а больше всего разговор шел о чехах. Тов. Чеверев обвешанный с ног до головы военным снаряжением, высокий, стройный, бегал с палубы вниз, давал какие-то распоряжения. В эту ночь никто не сомкнул глаз.

Под утро Чеверев зашел к нам, к сестрам, в каюту и несколько строго сказал:

— А вы знаете, какие трудности должны будете переносить?

Видно было, что он недоверчиво отнесся к нашему пребыванию в отряде. Мы с Якутовой так же повышенным тоном ответили:

— Знаем, нам об этом нечего говорить!

Он слегка потянул нас к себе и с довольной улыбкой сказал:

— Ну, ладно, не обижайтесь, видно, что имею молодую, крепкую силищу в вашем лице. Ведь и отряд мой сколочен из молодых, сильных, рвущихся к борьбе, с вами можно завоевать весь мир, не то что усмирить топорнинскую банду и ей подобных.

После боев, он нас полюбил крепко и после смерти в бою Якутовой относился ко мне с какой-то особой бережливостью, да не только ко мне: после первых боев он убедился на деле, какую сильную организацию представляет его отряд и поэтому смерть каждого своего бойца он переживал с особой грустью.

В Топорнино прибыли под утро. Пароход остановился в нескольких верстах от главной пристани, очевидно, из-за военных соображений. Отряд выгрузился в полном составе и в полном вооружении и направился к селу. Чеверев уехал еще раньше нас, оставив командование одному из товарищей.

На другой день в селе был устроен митинг. Посреди улицы стоял большой стол. На столе ведро с водой и большущий ковш. Первым говорил тов. Чеверев, со свойственным ему жаром: махал руками, стучал по столу, по адресу зачинщиков. На митинге участвовало почти все село, слушали с большим вниманием. В Топорнино простояли около 3-х недель. Все зачинщики убийства комиссара Кутуева были пойманы и расстреляны. За время пребывания отряда в Топорнино население свыклось с бойцами, часто приходило в штаб за всевозможными советами и просьбами, которые удовлетворялись. В Топорнино наш отряд стал заполняться добровольцами из жителей Топорнино и близ лежащих деревень. К отъезду отряда население отнеслось с тревогой. Боялись, что вот-вот нагрянут чехи и жестоко расправятся за гостеприимство большевикам. Расспросам, вопросам, — когда мы снова вернемся, сумеем ли постоять против буржуев, — не было конца.

Из Топорнино отряд направился в Дергели. Дорогой решено было забронировать наш «Зойд», остановились на песчаном берегу реки и немедля приступили к делу. Насыпались мешки песком и раскладывались, главным образом, на палубе. Всем хватало работы: одни насыпали мешки, другие таскали, мешки от усиленной набивки часто рвались, приходилось завязывать узлы. Много было смеха, шуток. С укладкой мешков особенно изощрялись пулеметчики: складывали мешки так, что оставляли отверстия вроде маленьких оконцев для дула пулеметов, откуда удобнее всего было стрелять и защищаться самому.

Работа, наконец, была окончена, все присели отдохнуть.

некоторые купались, был яркий солнечный день. Медленно с песнями отплыли от берега. Чеверев с особым вниманием и гордостью рассматривал мешки, давал какие-то распоряженья капитану и наконец, присоединился к ребятам и затянули его любимую песню. Запевалой был тов. Шмелев. Молодые, здоровые голоса эхом пронеслись по реке, что-бы бодрое, волнующее чувствовал каждый из нас.

Т. Хаматова (в центре)

Наконец, прибыли в Дюртюли — население встретило нас несколько тревожно, недоверчиво. Первые дни нашего пребывания мало кто из крестьян встречался на улице, казалось все село вымерло. Изредка можно было видеть высунувшиеся головы в окно. Видя, что красноармейцы расплачиваются за крынку молока и десяток яиц, население начало оживать, выходить на улицу, разговаривать с нами. Вскоре была произведена конфискация имущества одного богача и раздача беднейшим крестьянам. С самого утра бывало стоит очередь возле парохода и большинство крестьян как-то недоумевало, что им, беднякам, раздают имущество тех, для которых он не так давно работал не покладая рук. Раздавали мануфактуру, обувь, одежду и продукты. Из окрестных деревень тоже при-

езжали. Помнится, была одна старуха-татарка. Она удивлялась, что среди множества мужчин я одна, да еще татарка. Заботливо спросила не обижают ли меня и удовлетворившись моим ответом заявила:

— Мне не понять всего, что вы делаете, но, видно, вы — за бедняков.

Так проходили дни. Крестьяне не переставали ходить со своими нуждами: у кого нет лошади, у кого нет коровы. По возможности просьбы удовлетворялись. Авторитет отряда в глазах населения рос быстро, начали приходить добровольцы, преимущественно татары, нередко были случаи, когда шли в отряд отец с сыном. Таким образом, отряд значительно вырос.

Вскоре, кажется, в июне месяце, отряд направился в Сарапул. Еще до прибытия отряду было приказано быть на-чеку, очевидно, тов. Чеверев не был хорошо осведомлен, за кем Сарапул.

Подошли к Сарапулу, причалили к пристани. С парохода никого не выпускали. Кругом нашего парохода стояли патрули, большинство из них были матросы. На первых порах мы думали, что наш пароход целиком попал в руки неприятеля. Тов. Чеверева, который как только показался на пристани, окружили матросы. Что-то говорили, но что именно — трудно было разобраться. После долгой беседы с начальником береговой охраны Чеверев ушел куда-то. Через некоторое время они вернулись и выяснилось, что берег охраняется своими и изо дня в день ожидали прибытия чехо-словаков.

В Сарапуле отряд оставался только несколько дней, а затем снова отправились в Дюртюли. Трудно описать, с каким восторгом и любовью встретило нас село. На этот раз действительно в Дюртюлях пахло фронтом, за селом копали окопы, отряд разбит на участки, кругом выставились патрули, разведка постоянно вела усиленный надзор, отряд был вооружен с ног до головы — неприятеля ожидали с часу на час, так как наши войска из Уфы отступали и чехи уже успели занять Бирск. Один из наших пароходов, шедший из Уфы в Бирск, был обстрелян чехами и несколько товарищей тяжело ранено, их передали на наш пароход. Таким образом, было ясно, что не сегодня — завтра неприятель поведет наступление и на нашем участке. В этот же день один из наших товарищей заболел холерой, что сильно обеспокоило всех, но благодаря тщательному уходу эта болезнь не распространилась.

Интересно отметить отношение Чеверева к раненым товарищам. В это время возле раненых возилась я. Как-то ночью тов. Чеверев явился ко мне в каюту, где я сидела с ранеными,

и убедительно начал просить меня, чтобы я немного отдохнула, а с ранеными решил остаться он сам. Я запротестовала, но он остался на целую ночь, вел беседу с больными, рассказал им несколько смешных анекдотов и только под утро ушел из каюты. Раненые были крайне удивлены, что командир отряда сам просидел возле них, и каждый из них по выздоровлении решил непременно пойти в отряд Чеверева.

Вскоре после обстрела парохода, — это было в июле, — чехи повели на нас наступление. В этот день я рано утром поехала с тов. Чеверевым в больницу, так как он нечаянно ранил себе большой палец правой руки и, не имея перевязочных материалов и медикаментов для лечения, мы намеревались кое-что достать в больнице, при чем Чеверев перевязку не доверял даже врачу и я ездила с ним как бы в качестве ассистента. По дороге нам встретился наш разведчик, который доложил Чевереву, что чехи, примерно, в 6 верстах от Дюртюлей. Мы повернули лошадь обратно и тут же тов. Чеверев дал приказ — немедленно двинуться в окопы, при чем коммунары должны пойти первой цепью. Очевидно, тов. Чеверев просто хотел испытать, насколько крепка основа его отряда.

Сборы продолжались несколько минут: защелкали затворы, лица сосредоточились, особо внимательно прислушивались к каждому слову т. Чеверева и стройно, торопливыми шагами вышли из парохода по направлению к окопам. Через несколько минут посыпались ружейные выстрелы. Бой начался, стали доставлять раненых товарищей. Очень трудно было хорошо обслуживать раненых: не было достаточно нужных медикаментов, не говоря об инструментах и бинтах — последние в большинстве случаев делались из мануфактуры, дезинфицировались и пускались в ход. Ларион, фельдшер нашего отряда, в таких случаях не терялся и говорил: было бы достаточно воды, а там все обойдется благополучно. И действительно, чего-чего только не предпринимали, чтобы облегчить участь раненого.

Прибывающие раненые имели вид рабочих, только что вернувшихся с фабрик или заводов: потные, запыленные, грязные, с горящими глазами и грустью на лице, что скоро выбыли из строя. Через несколько часов неприятель начал обстреливать пароход и несколькими пулями выбило стекла, пробило стены. В это время в рубке парохода лежал с высокой температурой больной Маслов. Услышав, что пули засвистели над его головой, он схватил винтовку и, несмотря на мою просьбу лежать, толкнул меня и выбежал в нижнем белье; тут же его привезли в бессознательном состоянии

Этим я хочу сказать насколько каждый Чеверев был предан своему делу.

Стрельба все усиливалась и приближалась к пароходу. Наконец, наши с большим трудом выкатили пушку на берег (пушка стояла на пароходе) и через непродолжительное время неприятель начал заметно отходить и выстрелы начали доноситься все реже и реже. К вечеру бой окончился, чехи отступили. Из нашего отряда выбыло ранеными и убитыми человек 20, среди раненых были: Сычев, Милляров и др.

Вечером все сошлись в каюте и с увлечением рассказывали о бое. Прежде всего, никаких отличительных знаков не было и когда столкнулись с чехами, то получилось несколько курьезно: чехи называли себя тоже уфимским отрядом, и чтобы отличить своих и не попасть в руки неприятелей, тов. Чеверев скомандовал красноармейцам своего отряда фуражки надеть козырьками назад. Нужно сказать, что в составе чешских войск было очень много гимназистов. Чеверев столкнулся с глазу на глаз с пулеметчиком чехом, который обстреливал пароход, тов. Чеверев убил его и взял пулемет.

Смешно рассказывали о нашей пушке, которая после каждого выстрела катилась обратно с берега (а людей около нее было очень мало), ну и возились с ней здорово! Не было опытных артиллеристов, кроме тов. Шмелева, который один и орудовал с пушкой. В конечном счете, как ни канительна и трудна была работа пушкой, все же она основательно выручила отряд и здорово запугала врага.

Впечатлениями делились несколько часов. Многие тут же сделали вывод, как многому нам еще надо поучиться, чтобы без особого ущерба для себя победить врага — так получилось у нас от небольшого сознания молодых бойцов, которые впервые встретили своего классового врага, сильного дисциплиной и вооружением. На другой день состоялись братские похороны, а раненые отправлены были в Н.-Березовку.

После боя отряд снова зажил прежней жизнью, так же продолжали приходить крестьяне со своими просьбами, советами и т. д. Отряд пополнялся новыми бойцами, бдительность в отряде повышена до максимума. Особенно хорошо было налажено дело с разведкой, начальником которой был т. Чернов, на-чеку была и пулеметная команда.

Внутренняя жизнь отряда проходила как-то просто, не было здесь начальства, а все решалось, обсуждалось коллективно, конечно, авторитетное слово всегда за Чеверевым, но не как за начальником, а как за товарищем, знающим больше

чем остальные ребята его отряда, да и сам он страшно любил и радовался, когда его бойцы давали свои деловые советы. Чеверева молодежь крепко любила.

В июле месяце, в последних числах, донесено было нашему штабу одним татарином-крестьянином, что генерал Мердер собирает вокруг себя войско и намеревается вести наступление против красных. Согласно этому донесению т. Чеверев дал немедленное приказание откомандировать роту красноармейцев для выяснения и ликвидации этого дела. Прибыв рано утром в назначенное место с пулеметом, дом Мердера был окружен, а он сам и его жена были арестованы и расстреляны. Имущество роздано беднейшему населению и батрачеству, которое работало у Мердера. Всем этим делом руководил тов. Мельников. Через некоторое время снова было получено донесение, что кулачество под руководством белогвардейцев готовит восстание. Снова направляется рота тов. Мельникова.

Через несколько дней после отъезда роты, чехи повели усиленное наступление на Дертюли. Предполагаемое восстание не состоялось (насколько помнится, зачинщики были арестованы) и таким образом наша рота должна была вернуться через пару дней. Немедленно двинуться в помощь не было никакой возможности, так как мы абсолютно не знаем, в каком положении находится отряд, — держится он или отступает, до нас доносился только гул орудийной стрельбы и виделся дым от горевших домов. Наконец рано утром к нам присоединились отступающие товарищи и подробно рассказали, как шел и как неудачно для нас кончился бой. Враг повел наступление с большим количеством хорошо вооруженных солдат, было много пулеметов, несколько орудий и т. д. Наконец, неприятель открыл артиллерийский огонь по деревне и по нашему пароходу. Деревня быстро загорелась в нескольких местах, были уничтожены все ветряные мельницы, сгорела наша баржа с обмундированием и военным снаряжением, шедший нам на помощь пароход также быстро был обстрелян белыми. Таким образом отряду приходилось выдерживать атаку за атакой без помощи. К довершению всего истощились патроны, неприятель ворвался в гущу отряда и мы были разбиты наголову. Что отряд надеялся на победу видно из того, что раненых не отвозили на пароход, а помещали их в одном из больших домов. В конечном счете все раненые были убиты белыми, в том числе и Мария Якутова, которая принимала непосредственное участие в бою.

Снова остатки отряда прибыли в Сарапул и начали группироваться. Здесь интересно отметить отношение к граждан-

ской войне эсеров, которые тоже приехали из разных концов, отступая от белых. На митинге, выступая, многие эсеры старались доказать, что вооруженной силой сейчас не победить врага, мы в окружении, все позади и впереди нас занято белыми и что остается одно: идти в подполье и там начать подготовку рабочих; не знаю по каким соображениям, они предлагали поехать в Пермь.

В Сарапуле произведена была мобилизация коммунаров сарапульской организации, вступали добровольцы. Отряд снова окреп и направился на Ижевск, где было восстание рабочих под руководством офицеров. Числа 10-12 августа отряд погрузился и прибыл в Агрыз, послали разведку вперед и, убедившись, что неприятель находится в 17 верстах от Ижевска, наш отряд выгрузился в д. Малой Болье. Ободряла наших бойцов настоящая батарея, которой руководил энергичный молодой командир Трофимов, наводя необычайный страх на врагов: стоило пустить несколько удачных снарядов по неприятельским окопам, как сразу прекращалась ружейная стрельба и враг по нескольку дней бывало молчит.

Вскоре отряд устроил окопы, блиндажи. Сделали даже броневик из товарных вагонов. Через несколько дней враг начал делать частые вылазки, но артиллерия наша не давала им особенно разгуливаться, мы же особую погоню за ними не устраивали, т. к. задача отряда была не наступательная, к тому же ожидались регулярные красные войска. Неприятель усиливал и укреплял свои позиции хорошими окопами с проволочными заграждениями, увеличивал количество пулеметов и т. д. У нас же произошло обратное явление, т. е. началось истощение патронов и снарядов.

В первых числах сентября белые в пьяном виде рано утром повели наступление. Это было настолько неожиданно для нашего отряда, что часть пехоты, находившейся в деревне, абсолютно не знала, что предпринять, так как нельзя было понять, с какой стороны белые повели бой. Под командой тов. Басманина, наша рота стала цепью выходить из деревни. Пули так и жужжали над головой. Навстречу нашей роте выехал Чеверев, быстро дал распоряжение и мы цепью двинулись прямо на неприятеля. Через несколько времени перестрелка прекратилась и наша рота несколько верст преследовала белых.

Как бы мы ни держались хорошо, как бы ни было хорошо настроение чеверевцев, все же решено было отступить, так как мы находились в абсолютном окружении, так как Сарапул был занят белыми, это одно. Кроме того, кулацкое крестьянство,

за исключением некоторых деревень, было враждебно настроено против красных войск. Здесь всюду чувствовалось большое влияние кулачества и духовенства. Да и в большинстве случаев деревни были населены зажиточным крестьянством. Ни за какие деньги они нам не хотели продавать продуктов. Наконец, ярким показателем враждебного отношения может служить то, что узнав, что мы отступаем, кулаки пожгли все железнодорожные мосты на нашем пути — приходилось все строить на скорую руку и осторожно выводить эшелон за эшелоном.

По постройке мостов пришлось много тратить энергии и времени, ибо достать инженера было почти невозможно и когда случайно находился знаток, то приходилось нескольким бойцам стоять возле него с винтовками, так как он категорически отказывался, а когда соглашался, то страшно медленно работал. Чеверев почти всегда сам руководил этой работой: ездил от одного моста к другому, угрожал расстрелом, если не будет готово к назначенному часу. Иного выхода не было, только такими мерами можно было спасти отряд. К постройке мостов также были привлечены и крестьяне.

Благодаря организованному отступлению, отряд вышел без потерь, неприятель отступления нашего и не знал, так как никакой слежки не было. По дороге нельзя было найти деревень, где бы крестьяне не сбежали. Контрреволюция сумела агитировать, что красные убивают от малого до старого. Наконец, спровоцировано было сжигание деревень, во всем этом принимали участие кулаки. Огромные участки деревень пылали в огне. Скот весь был оставлен.

Отступление само по себе как-то не замечалось чеверевцами. Относились к этому событию с особым хладнокровием и с какой-то простотой. Как-будто это был простой маневр, а в самом деле положение было очень серьезное, — фактически отряд был в кольце белых.

Отступили до ст. Сюгинской, здесь тоже не сидели без дела. Ежедневно разведка работала неустанно, отряд весь с особым напряжением ожидал нападения белых, но они ограничивались только разведкой — очевидно, готовились к предстоящему наступлению. Через несколько дней было донесено, что ст. Урам занята белыми. Ночью Чеверев вбежал к нам в вагон штаба роты и сейчас же приказал следовать за ним. Ночь была дождливая, темная, если бы неприятель ухитрился подойти вплотную, то нельзя было бы его заметить. Ночью же мы повели наступление, но белых там уже не было. Целую ночь мы пролежали в цепи, усиливая надзор. В эту же ночь

гов. Чеверев вызвал меня к себе, расспросил, достаточно ли перевязочных материалов, ибо добыть их в Сюгинской возможно было без ущерба. Затем мы с ним отправились проверить караулы и натолкнулись на такое явление. В нескольких шагах от дозора мы услышали:

— Кто идет, пропуск?

Чеверев некоторое время молчал, а потом говорит:

— Да, я, Чеверев!

— Эх ты, сама Чеверев, сама пропуска не знаешь! — сказал нам татарин, который стоял на посту.

Чеверев похлопал его по плечу, стараясь оправдаться, что он просто забыл.

— Да ладно, мы ведь тебя знаешь, любишь, — сказал тот же татарин на ломаном языке.

Мы, смеясь над своей ошибкой, ушли к другим постам.

В Сюгинской отряд стоял около двух недель, никаких боев не было. Сведения от красных регулярных войск были самые отрадные. Казань заняли и мы знали, что эти войска (занявшие Казань) должны соединиться с нами. Наконец, желанный день настал. 28-ю дивизию встретили с восторгом. Бойцы 28-й дивизии были хорошо одеты, выглядели бодрее, мы же против них были одеты разношерстно и плохо.

Еще во время стоянки в Сюгинской после прибытия Азина, чаще и чаще стали попадаться нам на глаза офицеры; как-то с большой недоверчивостью относились к ним наши бойцы. Но не долго продолжалась такая история, каждый, наконец, сознавал, что без спецов не обойтись.

Отряд наш был влит в дивизию в качестве полка, — считался он сводным, но его звали «полк Чеверева».

Азина наши бойцы тоже крепко полюбили. Дивизия вскоре пошла в наступление и 7-го ноября Ижевск был взят красными войсками. 6-го ноября наши части вплотную подошли к городу, но войти сразу было несколько рискованно, так как белыми предполагался взрыв плотины, а это могло принести большой ущерб для наших частей. Город имел необычайно праздничный вид: все граждане, начиная от ребятишек и кончая старухами, встретили нас с красными лентами на груди. Некоторые части подошли к тюрьме. Здесь во дворе валялось много трупов рабочих и коммунистов, расстрелянных белыми.

После занятия Ижевска тов. Чеверева я не встречала. Некоторые говорили, что он тяжело ранен, а некоторые — что его отозвали в Москву. Только в начале 21 года, по приезде в Уфу я встречалась с ним. В это время я была зав. детдомом.

т. Человек как то приехал ко мне, очень заинтересовался положением дома. После долгих разговоров он сказал мне: «да, много еще придется вам поработать, чтобы дети получили действительно пролетарское воспитание, ведь они—наше будущее, они должны быть крепкими и здоровыми не только физически, но и морально».

На этом наша встреча кончилась и только в Николаевске по газетам узнала о его смерти. Как обухом ударило по голове: ушел навсегда «орел Урала», как говорили многие чеверевцы.

Хамитова.

ОТРЯД ЧЕВЕРЕВА

В мае месяце 1918 г. в г. Уфе организовался рабочий боевой отряд Чеверева. Сначала он был численностью не больше 25-27 человек из рабочих и работниц Уфы.

При эвакуации губ. комитета и уфимского Совета отряду Чеверева пришлось в с. Топорнино вступить в бой с контрреволюционной кулацкой организацией. Чеверев был ранен в этом столкновении, остался в строю, ликвидировал эту кулацкую дружину, здесь же набрал в отряд значительное число добровольцев-топорнинцев (вступили в отряд т. т. Юрьев, Никаноров, Чернов, Авдонин, Ершов, П. Ганиев и другие). Несмотря на то, что белые все окружают и усиливают натиск, численность отряда Чеверева с каждым днем увеличивалась, поодиночке и группами добровольцы примыкали к Чеверевскому отряду.

В начале июля 1918 г. я встретил тов. Чеверева, разговаривающего с командиром роты тов. Селивановым. Сначала мне не хотелось верить, что этот обыкновенный, во френче, кепке, веселый человек, является командующим отрядами. Мои глаза прежде (в старой армии) привыкли видеть командиров офицеров в военной форме, гладко одетых, со свирепым для солдат взглядом. На этот раз у тов. Чеверева я не нашел натуры старого командира и чуть не подумал: «что будет делать отряд с этим командиром?». Тут же Чеверев меня определил в 1-ю роту Сычева:

— Вот ваш командир, бери винтовку, будешь воевать с нами вместе.

Его необычайно поднятый дух, веселое настроение и удивительная подвижность убедили меня, что этот человек действительно с сильной волей, организатор, непоколебимый ни перед каким страхом, товарищ, готовый победить или погибнуть вместе со своими рядовыми товарищами. Впоследствии узнал я, что Чеверев кроме победы не знал другого, знал — где нажимать на врага, где отходить, где обороняться.

Отряд Чеверева в середине июля на улицах села Дюртюли схватился в атаке с наступающим отрядом белогвардейцев и чехов. Последние, не выдержав удара, в панике отступили в Бирск. Несмотря на то, что в этом бою жертвою пало ряд бойцов и командиров (убит комроты т. Сычов и другие), эта победа усилила мощь и укрепила отряд Чеверева и Сулимы-Грандовского, так как после этого боя приток добровольцев из крестьян, бедняков и батраков увеличивался. Через 3-4 недели после этого боя, по призыву Чеверева и добровольцев, численность отряда Чеверева уже превышала 3-4 тысячи человек. Захваченное в бою с белогвардейцами и чехами военное снаряжение (пулеметы, винтовки, патроны) шло на вооружение вновь вступающих добровольцев.

Так пополнялся и укреплялся отряд Чеверева на территории Башкирии из добровольцев, крестьян бедноты Асяновской, Москаловской, Чекмагушевской и Исмаиловской волостей — в районе Дюртюлей.

В середине августа, после боя с большим, вооруженным до зубов белогвардейским отрядом, отряд Чеверева вынужден был отступить и перебросится на более удобный стратегический пункт гор. Ижевск. Характерно то, что отряд Чеверева, отходя от Дюртюлей под натиском белых, не растерялся. Он быстро собрал своих бойцов в Андреевке, поднял настроение их и снова привел отряд в боевую готовность. Когда отряд оперировал по р. р. Белой и Каме, у Чеверева был водный транспорт, заключавшийся в двух баржах, пароходе «Войд», в буксирном пароходе и моторной лодке, служившей нам для разведки. Остальные суда везли оружие, продовольствие и фураж. На этих баржах и пароходах Чеверев перебрасывал свой отряд с одного фронта на другой. Когда отряд вышел на сухопутье и занял ж.-д. узловую станцию Агрыз, Чеверев имел целый состав — вагоны и несколько паровозов, а из площадок были устроены 2 броневика.

Чеверев не раз пытался занять Ижевск, отряд его не раз подходил к самым подступам большого оружейного завода. Целые дни и вечера шли бои с белыми за Ижевск, лишь многочисленность врагов оставила завод в их руках. Позднее

отряду Чеверева пришлось сражаться не по одному фронту. Сарапул и Сюгинский завод были заняты белыми. Отрезанный со всех сторон, отряд Чеверева отбивал белых и разбивал белые отряды один за другим. Сам Чеверев, вторично раненый в руку в передовой цепи, оставался в строю и руководил отрядами. Так действовал отряд Чеверева несколько месяцев до занятия Ижевска и до прихода регулярных войск Кр. армии.

В отряде Чеверева был удивительный порядок и дисциплина, отряд был разбит на 3 батальона, 3-й батальон был латышский. Батальоны были разбиты на роты, взводы и отделения. Был выделен восьмой кавалерийский эскадрон, пулеметная команда, артиллерия, команда разведчиков, хоз. часть и штаб. Все эти части отряда были скреплены сознательной товарищеской дисциплиной, бойцы все как один были полны желанием победить белых. Чеверев умел создавать кадры, руководил отрядом через эти кадры командиров. У Чеверева было крепко сколоченное ядро комсостава, состоящее из командиров батальона т. т. Бурикова, Яковлева, Рейнфельда, Князева и командиров рот: Басынина, Сычева, Хохрина, Шамсутдинова, Мельникова, Игнатьева, Куликова, Шестакова, Ахтямова, Валиева Ф., пулеметчика Тарелкиной верного Чевереву адъютанта Титова и других товарищей. Через этот боевой актив Чеверев вел свой отряд к победам.

В отряде Чеверева были боевики женщины т. т. Нагимова, Хамитова, Тараканова, Якутова, Чинминцева, Мария и Ева фамилии которых не знаю. Они несли двойную работу, будучи сами вооруженными, участвовали в боях и несли обязанности сестер милосердия. Многих из этих товарищей уже нет в живых.

Отряд Чеверева был многонациональным. После беспрерывных боев, после победы над белогвардейцами и чехами, отряд Чеверева вошел полком в состав 2-й Красной армии и сражался с белыми колчаковцами. Закаленные в боях много рядовых чеверевцев стали командирами в составе этого 247-го полка.

З. Шарипов.

5 мая 1929 года.

БОЙ ПОД СТ. АГРЫЗ 8-го ОКТЯБРЯ 1918 г.

Чеверевский отряд после отхода из района Дюртюли был переброшен под Ижевский завод, Вотской области. Отряду, пополненному латышским, московским, петроградским продотрядами, было присвоено наименование «2-й советский сводный революционный полк». Командиром полка был назначен тов. Чеверев.

Состав полка: 3 батальона с численным составом в ротах 40-80 человек в среднем, при 2-х трехдюймовых пушках и по 1-2 пулемета в роте. Обоз и пулеметы возились на обывательских повозках. Личный состав: командный состав из среды чеверевского отряда, выдвинутый из рядовых бойцов, отличившихся в боях, часть из бывших солдат, а часть из молодежи, не служившей в старой армии.

Красноармейский состав — добровольцы Уфимского и Бирского уездов и рабочие Петрограда и Москвы. По национальности — на 70 проц. башкиры и марийцы, а остальные латыши, русские, белорусы и др.

Необходимо отметить характерные условия борьбы с белоижевцами и о значении станции Агрыз в тот момент борьбы в этом районе.

Благодаря темноте и косности населения этого района, состоящего в преобладающей своей части из вотяков, со значительной прослойкой кулачества, ижевским эсеро-белогвардейцам, с помощью уфимских эсеров, удалось временно утвердиться в заводе и сорганизовать вооруженную силу для борьбы с большевиками.

Бело-ижевские части представляли из себя кулацкую часть окрестных деревень, наскоро сведенную в роты, плохо обученных, т. к. старые солдаты в общей своей массе не были на их стороне. Большинство бойцов были пожилые крестьяне, даже не служившие вовсе в царской армии. Часть состава из насильно взятых крестьян. Командный состав в большинстве — офицеры. К тому же в каждой деревне имелись, так называемые, дружины, вооруженные винтовками, в большом количестве розданными кулацкой части деревень, это последнее обстоятельство заставляло быть всегда на-чеку, ожидая удара в спину. Обмундированы были не все.

Ст. Агрыз (по линии Казань — Свердловск) — узел дорог на гор. Сарапул и гор. Ижевск — конечный пункт питания и база огнеприпасов. К тому времени здесь находились эшело-

ны штадива. Значение ст. Агрыз еще возрастало с началом активных действий белых под с. Вавож, в сарапульском направлении, имевших целью захват г. Сарапула и дальнейшее наступление в направлении Ижевска, вдоль р. Камы, где находился сам Чеверев с 2 батальонами.

1 батальон под командой тов. Яковлева к этому моменту занимал: 3 рота, под командой Хлестова (впоследствии убит), д. Малая Бодья; 1 рота, под командой Басышина Павла, — д. Пурга, и 2 рота, под командой Хохрина Ал. — у железной дороги.

На рассвете 8 октября начальником разведки т. Данилом Чирковым (ныне инвалид) были добыты от местных жителей сведения, что противник большими силами двигается в направлении Собакинского починка на разъезд в 4-5 верстах западнее Агрыза.

Штаб батальона эти сведения оценил следующим образом: белогвардейцы, очевидно, стремятся захватить ст. Агрыз, перерезав железную дорогу в тылу ст. Агрыз, и этим парализовать работу частей, действующих в сарапульском направлении. Высланная разведка подтвердила предположение командира батальона и донесла, что сила противника — до 20 рот без артиллерии, но с несколькими пулеметами.

Выделенный 1 стрелковый взвод с 1 пулеметом удачно произвел налет на заставу противника у починка, в 3 километрах севернее д. Пурга, сбил эту заставу и поджег починок. Одновременно с этим разведка, находившаяся на левом фланге, удачно обстреляла охранение колонны фланговым огнем. Действия взвода и разведки ввели противника в заблуждение и колонна стала разворачиваться в южном направлении, на дер. Пурга, что поставило противника в менее выгодное положение, ибо с переменой направления противник вынужден был наступать по полю, под углом, прямо в лоб нашему расположению.

Часов в 7 противник повел наступление, силою до 5 рот на расположение 1 роты у дер. Пурга, но безуспешно, так как 1 взвод 3 роты со станковым пулеметом, выдвинутый командиром роты, заняв фланговое положение, имея хороший дальний обстрел, не давал противнику возможности продвигаться.

Ураганный огонь превосходящих сил противника буквально не давал возможности стрелкам вести огонь; атаки отбивались исключительно пулеметным огнем. Необходимо отметить, что бойцы, а также и командный состав, нисколько не были подготовлены к ведению оборонительного боя: некоторые командиры взводов пытались вылезть из окопов и переходить

в наступление, что было недопустимо лишь потому, что наступающий не был расстроен нашим огнем и имел сильные резервы. Комсостав недостаточно твердо управлял стрелковым огнем, а главным образом, страдало управление боем. И только отличные действия пулеметов давали превосходство над противником.

Часам к 11 противник повел наступление на расположение 1 полуроты 1 роты. Необходимо оговориться, что 1 рота занимала две высоты с промежутком в пол-километра, который обстреливался лишь пулеметным огнем. На участке 1-й полуроты противник ввел в действие до 4-х рот, до 6-ти пулеметов, а у нас было 2 кольта. Полурота, под командой Бориса Евдокимова в течение часа вела огневое состязание с белыми. Кольты отказывались работать, ибо было выпущено из каждого более чем по 20 лент; не успевали менять стволы. Работавший на одном из пулеметов тов. Веселов был убит.

Противник давил своей массой, лез прямо на пулеметы, приходилось отражать белых, ведя огонь с постоянной установкой прицела. Вследствие отсутствия резерва в батальоне, рота отошла на 2 километра к ст. Агрыз. Отход производился под прикрытием одного станкового пулемета, который, спустя минут 10 после начала отхода, выбыл из строя, так как пуля попала в патрон и газовый поршень сломался. Отход стал происходить самотеком и лишь благодаря дер. Пурге, которая скрывала отход, и малой активности белых, остаткам роты (1 рота потеряла до половины своего состава) удалось занять новое положение.

2 рота отошла к железной дороге, в 2 километрах левее ст. Агрыз. Моральное состояние бойцов было подавленное, комсостав и командиры отходили последними.

Белые, заняв дер. Пургу, продолжали наступать на станцию и село Агрыз. Наши бойцы стреляли редко, так как управления огнем со стороны комсостава полностью не было.

Через полчаса в цепи оживление — бойцы зашевелились, прибыл верхом на лошади командир батальона Яковлев и отдал приказание:

— В Агрыз прибыл Чеверев, сейчас вольются в цепи рабочие ст. Агрыз и перейдем в наступление.

Достаточно было одного имени Чеверева, чтобы все воспрянули духом и взяли себя в руки. Раздаются крики:

— Чеверев гулял — вся белый кончаем.

Появились сзади перебегающие черные фигуры с винтовками — это рабочие ст. Агрыз, оставив работу в депо, влились в цепь.

Белые, увидев, что рабочие влипаются — переходят в атаку, бегут с отчаянными криками «ура», «прямо валом валят», — говорят красноармейцы. Единственное орудие наше бьет на картечь, прямо в упор, превращая толпы белых в куски мяса.

3 рота из дер. Малая Бодья атакует противника с правого фланга, захватывая его левый фланг, отрезая пути отступления белым. Бойцы бросаются в штыки. Все смешалось в кучу, трудно что либо разобрать — где наши, где белые.

Там разоружают офицеров, митингуют — убивать их или вести в тыл. Я кричу: «ведите их к Чевереву». В другом месте куча захваченных воин белых крестьян-вотяков клянутся богом, что они за большевиков и их силой взяли белые. Там поп отмаливается от плена крестом, но безуспешно.

Среди убитых белых находим — Ив. Шеломенцева, знакомого нам еще по Уфе, правого эсера, который был идейным вождем белогвардейцев. Преследовать было некого, ибо бело-ижевское войско кто уцелел разбежались по домам, а до 500 человек осталось убитыми и ранеными под Агрызом, преимущественно от картечного огня.

«Агрыз не отдали», — слышатся радостные возгласы, — «конец эсерам». И действительно, бесславно кончилась авантюра уфимских бело-эсеров, разбился вдребезги лучший их 2000-ый отряд о стальные ряды чеверевцев.

Результат боя: убитых, раненых и выбывших из строя в 1 бат. 2 сп. понес до 130 чел. Белоижевцев погибло свыше 900 человек.

Участник боя, быв. нач. пулемета 1 роты *Н. Савчук.*

III ПОХОД БЛЮХЕРА

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БЕЛОРЕЦКОГО ПОЛКА

I.

В то время, когда на юге Урала впервые появился контрреволюционный казацкий атаман Дутов, рабочие Урала, не желавшие снова подпасть под ненавистное иго капитала, взяли в руки оружие и встали на защиту своих попранных прав, создавая боевые дружины и отряды из самоотверженных коммунаров, комсомольцев и передовых рабочих.

К числу таких отрядов принадлежит 270 стрелковый Белорецкий полк, сформированный окончательно 17 июня 1918 г. в Белорецком заводе из рабочих: Белорецкого, Тирлянского, Узянского и Кагинского заводов и частью Авзяно-Петровского. Сюда вошли все мелкие партизанские дружины, состоявшие из рабочих названных заводов, уже получивших боевое крещение.

Слева на право: Каширин И. Д. Блюхер, В. К. Каширин, Н. Д.

Сформированный отряд, в числе до 1500 человек, присвоил себе название 1-го Белорецкого социалистического пехотного полка. Состоял он из 6 рот, кавалерийской сотни, команды связи, хозчасти (обоз 1 и 2 разрядов) и пулеметной команды. Впоследствии при полку имелась своя батарея. Командиром полка был избран (в то время существовали еще выборные начала) рабочий того же завода, тов. Пирожников, Алексей Викулович.

Объединенное кулачество и зажиточное оренбургское казачество, руководимое атаманом Дутовым, заняло гор. Верхне-Уральск.

Другие красные отряды, сформированные на Южном Урале, оказались таким образом окруженными. Осталась отрезанной от центра и та часть рабочих и трудового казачества, которая еще до начала чехо-словацкой кампании, под командованием тов. Блюхера и Кашириных, Ивана и Николая, направилась в Оренбургский край, для ликвидации бандитских шаек Дутова.

Штаб Ю.-Урал. обедин. красногв. отр. совершив. под ком. Блюхера в авг. 18 года полуторатыс. переход через Урал в тылу противника.
Слева на право сидят: Каширин, Н. Д. Блюхер, В. К. Ваньян Баранов.

Всем отрядам для совместной борьбы пришлось сконцентрировать свои силы в районе завода Белорецка, где к этим отрядам присоединился и Белорецкий полк.

На состоявшемся в Белорецке общем собрании руководителей отрядов был выработан план движения и соединения отрядов с центральными советскими войсками через город Верхне-Уральск, несмотря на то, что отрядам представлялся путь легкого, бескровного отступления на город Ташкент. Связанные узами революционной пролетарской солидарности с красным Уралом, отряды отказались от мысли уйти с родной земли и, лишенные почти всех средств военного снаряжения, вооружения и обмундирования, героически двинулись на прорыв сомкнутого вражеского кольца.

После 11-дневного кровопролитного боя, бесстрашных штыковых и кавалерийских атак, расстреляв последние патроны и снаряды, Верхне-Уральск 29 июля нами был вырван из рук белогвардейцев, но здесь мы узнали о занятии белогвардейцами и чехо-словаками сердца Урала — Екатеринбурга, и были вынуждены изменить намеченный ранее план и выбрать другой путь прорыва — через Уфимскую губернию.

Части отрядов, получив приказ об отходе назад в район Верхне-Уральска, долго не могли согласиться с этим и рвались вперед. Однако другого выбора не было — приходилось отступать.

Первым этапом отступления был Белорецкий завод. Противник следовал по пятам и уже с утра 4 августа 1918 года под Белорецким заводом завязался ожесточенный бой нашего арьергарда, прикрывавшего отступление главных сил, с наступающим противником. Белогвардейцами были стянуты большие силы и Белорецкий полк, находившийся в арьергарде, сдерживал их натиск, давая возможность передовым частям (авангарду) и обозам всех отрядов выступить вперед по намеченному маршруту через д. Серменево на Богоявленский завод. С наступлением темноты, 5 августа 18 года полк последним снялся с позиции и выступил по тому же маршруту на д. Серменево.

Для всех, кто только мог наблюдать сборы белорецких рабочих, было тяжело и в то же время радостно видеть в них революционных бойцов.

На другой день их уже не будет в Белорецке и в завод войдут белогвардейцы и, конечно, произведут «суд» над всеми, кто причастен к советской работе...

Без ропота рабочие оставляли свои несчастные семьи, не пытались и родственники упрашивать их.

Тяжелые сцены приходилось наблюдать в этот вечер...

Вот подросток-рабочий, лет 17-18, единственный сын, прощается с матерью-старушкой. Старушка медленно крестит своего сына и что-то бормочет про себя.

Последний раз она наказывает сыну: «ты уж, Ванюша, береги себя, ведь ты единственный у меня сын». Но сын, быстро распрощавшись, уходит туда, где ждут его сотоварищи, туда, где ждет их неизвестно что и откуда многие из них уже быть может не вернутся.

Пробивая себе дорогу вперед и яростно отбиваясь от наседавшего сзади противника, отряд под общим командованием тов. Блюхера, не имевший почти совершенно патрон и снарядов, работая только штыками и шашками, прибыл в завод Богоявленский, который также находился в кольце белогвардейцев, поэтому велика была радость богоявленцев, увидевших своих смелых соратников, идущих к ним на выручку.

В первый же день вступления отряда завод ожил. Рабочие с радостными лицами останавливали красноармейцев, живо расспрашивали их о походе и боях и в свою очередь делились своими новостями, работой и борьбой против белогвардейщины.

За время движения от Белорецка до Богоявленска — Белорецкий полк принял непосредственное участие в боях под заводом Кагой и селом Петровским.

В Богоявленском заводе в отряд влился сформированный из рабочих Богоявленско-Архангельский отряд. Во время движения к отряду также присоединилось много мелких отрядиков и боевых дружин.

Неуклонно и решительно выполняя свою задачу, отряд из Богоявленска двинулся по прежнему маршруту, для прорыва фронта на линии железной дороги между станцией Шакша и разъездом Кудеевка. Здесь наголову разбили польские легионы, части из Стерлитамакского гарнизона, 6-й чехо-словацкий полк, 6-й казачий полк, 1-й башкирский полк, 13-й и 14-й уфимские полки, забрали всю имевшуюся у противника артиллерию и пулеметы и вышли на село Медянка (Пермской губернии), где и соединились полные радости и героизма с регулярными советскими войсками.

На долю Белорецкого полка из указанной выше операции была дана задача прорваться через станцию Иглино, что 40 верст восточнее г. Уфы.

У станции Иглино (Самаро-Златоустовской ж. д.) весь отряд оказался в сомкнутом кольце, где были сосредоточены лучшие силы белогвардейцев и чехов. Для прорыва кольца полк 30 августа пошел в наступление. Не доходя 2-3 верст до Иглино, полк развернулся в цепь, держа вправо связь с

Верхне-уральским пехотным полком и имея по флангам кавалерию (сотню).

Противник быстро заметил движение наших цепей и открыл ружейно-пулеметный огонь. Наши цепи, подбодряемые работавшей с нашей стороны батареей, бросились в атаку, но контр-атакой противника были отбиты и принуждены отступить назад.

Положение было скоро восстановлено и к вечеру полк снова занял прежние позиции, где ждал рассвета. Рано утром снова повели наступление на Иглино, но противник ночью снялся с позиции и станция была занята на этот раз без боя.

По занятии полком станции противник поспешно отступил по направлению к городу Уфе. С падением станции Иглино путь к соединению с центральными советскими войсками был открыт, но противник не унимался и получив из города Уфы подкрепление (татарские и чешские войска) снова продолжал вести преследование.

Наши части, настигнутые под деревней Быково, принуждены были опять вступить в бой.

4 сентября противник снова повел наступление несколькими цепями, при чем в первых цепях находились татары и в задних — чехи.

Со стороны противника работала артиллерия, наша — за ограниченностью снарядов, изредка ей отвечала.

Командовавший одним из отрядов тов. Каширин Иван, дабы нанести короткий сокрушительный удар, пустил в обход кавалерию (сотню Белорецкого полка и часть Верхне-уральского кавалерийского казачьего полка).

В тот момент, когда кавалерия заехала в тыл противника, Белорецкий полк бросился в атаку. Противник растерялся и беспорядочно ринулся в бегство, бросая по пути винтовки, пулеметы, шинели и прочее имущество. Так как путь отступления был закрыт, то противник бросался даже в реку Уфимку, остальные же атакованные белогвардейцы, за исключением чехов (которых в плен не брали), были взяты в плен.

В бою под деревней Быковой полком было взято пленных 190 человек (татар), 3 орудия, 9 пулеметов и много другого имущества.

Пленные татары все добровольно поступили в полк. В этом бою особенной храбростью и героизмом отличилась 3-я рота полка с ее командиром тов. Мамылиным Иваном.

С этого боя до самого соединения с центральными войсками боевых операций полком не производилось.

Отряд, совершив 1500-верстный переход, принял до 20 жарких ожесточенных боев с противником. Не имея почти совер-

ленно боевых припасов и прокладывая себе дорогу только штыками и шашками, не имея, наконец, в достаточном количестве одежды, пищи, полк понес только самые незначительные потери и вышел победителем, с твердой верой в правоту своих действий — защиты прав трудового класса, отнятых и попранных буржуазией.

II

Неожиданное прибытие неведомых отрядов в центр (19-го сентября) вызвало живой интерес у всех и во всем. Отряд пришел, но когда, сколько и как — никто не видел.

Пришли незаметно. Бронзовые от загара и ветра, мускулистые, спокойные, без лишних разговоров блюхеровцы поражали своим порядком, сознательной дисциплиной и сознанием своего классового долга. Пестро одетые, кто что имел, они выделялись везде, где бы ни находились, с приколотыми на рукавах левой руки или на груди ярко-красными лентами.

Их останавливали на воротах, заводили с ними беседы, взаимно интересуясь передаваемыми друг другу событиями. Первое, что можно было услышать от них: «А что здесь снаряды и патроны есть? Можно нам будет получить?»

И, действительно, было чему удивиться. Таких героев данная местность видит впервые. На каждом шагу всеми движениями, тоном и разговором они приводили в недоумение окружающую их публику и местных жителей. Они не роптали на усталость, на голод, на плохое обмундирование и обувь (лапти, в которые многие были обуты), они думали только о деле — о борьбе. На предложение отдохнуть после столь тяжелого и длинного похода, они отвечали отрицательно, говоря, что им некогда отдыхать, им нужно идти вперед на помощь своим товарищам.

О своем командном составе они отзывались восторженно и гордо. Для них не было других названий, как «наш товарищ Блюхер», «наш Николай Каширин», «наш Иван Каширин».

Восхищению их при воспоминании дорогих им имен не было пределов. С ними у них все связано: бои, путь, удачи, горе, совместная жизнь и конечная цель — окончательная победа над врагом.

Еще отличительная хорошая черта у блюхеровцев — бережное отношение к оружию. Его берегут, чистят. Забранные у противника пушки приведены в должный порядок. Насколько бережно отношение их к оружию, можно видеть из следующих наблюдений:

«Едет по улице рысью казак. Вдруг круто осаживает коня, соскакивает с коня, нагибается, вытаскивает из грязи боевой

патрон, обтирает его о свою одежду, кладет в сумку и едет дальше, приводя этим видевших в удивление».

Прибытие и соединение отряда с центральными войсками морально подействовало на последние. Так например, в частях, кои имели соприкосновение с отрядом, менялось настроение, замечался подъем духа, уменьшалось количество «заболеваний» бойцов, находившихся на фронте и т. д.

Соединившись с центральными войсками, Белорецкий полк расположился в селе Медянке (Пермской губ.), затем был переброшен в завод Суксунский, где весь отряд тов. Блюхера переименовался в 4-ю Уральскую дивизию. Белорецкий полк вошел в состав 2 бригады указанной дивизии, комбригом коей был назначен Иван Каширин.

Вся дивизия (отряд) и в частности Белорецкий полк, не получив после столь длинного и тяжелого похода отдыха, была введена в сферу боевых действий. Находясь в селе Медянке, полк принял несколько удачных боев с противником, из коих особенно выдающимся был следующий: 7-го ноября (25 октября старого стиля), в день Октябрьской революции, когда полк усиленно готовился к проведению этого пролетарского праздника, противник со стороны села Михино повел наступление на полк силою в 2000 человек пехоты, 500 сабель при 2-х орудиях и 10 пулеметах. Сторожевое охранение заблаговременно заметило цепи наступающего противника, завязало с ними бой, одновременно срочно послав донесение в штаб полка. Быстро все части полка заняли свои боевые участки и залегли в заранее приготовленных окопах.

Завязался горячий бой. Батарея работала с обеих сторон.

В это время 3 рота и полурота 5-й роты под командованием тов. Мамылина обходили правый фланг противника. Когда обход был сделан, остальные части полка дружным и могучим ударом в лоб и обходом сотней полка, под командой т. Шундрина, левого фланга противника опрокинули его и обратили в паническое бегство, при котором он бросил большое количество оружия, патронов и обмундирования.

Преследование противника продолжалось на расстоянии 10—12 верст.

Потери противника — 200 человек убитыми. Наши потери: 2 убитых и 5 раненых.

Таким образом Белорецкий полк встретил праздник годовщины Октябрьской революции при грохоте орудий и трескотне пулеметов, не дрогнув перед превосходящими силами противника.

По окончании боя, выставив сторожевое охранение, полк

был выстроен для проведения праздника на церковной площади, где около самого леса устроили арку и трибуну.

К полку присоединились местные боевые организации и комитет бедноты. Празднество началось с митинга. Выступавшие ораторы (военком и командир полка, командир бригады и политработники) обрисовали ход Октябрьских событий, международное положение и поздравляли с настоящей и будущей победой.

Настроение красноармейцев и остальных присутствующих было приподнятое.

Каждый чувствовал и переживал эти торжественные минуты этот великий праздник трудящихся. Торжество закончилось поздним вечером, при салютных выстрелах из орудий и пулеметов и пением революционных песен.

За время стоянки в Медянке в полк для пополнения прибыла рота рабочих Пермского гарнизона (завод Нижний и Верхний Салды) под командой тов. Кирякова и другая рота из крестьян-дружинников села Воскресенского, Покровского, Ячменского, Медянки под командой тов. Рогожникова. После этого в полку стало 6 рот, численностью каждая в 180 штыков, кроме того, как уже было сказано, при полку была 4-х орудийная батарея.

День 9 декабря 1918 года прошел в разработке задачи удара на село Воскресенское (18-20 верст северо-восточнее Медянки), где по сведениям войсковой разведки группировался противник.

Выполнение операции назначалось на утро 10 декабря.

Все были в ожидании боевой работы, все горели желанием поразвлечься после некоторого затишья на фронте. Но к общему огорчению намеченную задачу выполнить не удалось.

Положение на фронте изменилось: в 2 часа 10 декабря был получен приказ о немедленном выступлении полка в Кунгур в распоряжение штадива. Полк, воспользовавшись приготовленными для упомянутой операции на село Воскресенское подводами, выступил на рассвете 10 декабря 18 года. Вечером того же дня полк уже был в городе Кунгуре (расстояние 50 верст). Днем в Кунгуре для полка был устроен концерт находившимися там войсковыми артистами.

После почти беспрерывного пребывания на фронте было приятно побывать в городе и театре. Все были радостные, добрые и с оживлением делились между собой своими впечатлениями.

Из Кунгура 14 декабря 1918 года полку было приказано

выступить на село Сосновское, в районе коего велись полком моряков горячие бои.

Было морозное утро. Только что начал брезжить свет, когда полк на подводах двинулся по тракту на село Сосновское. Сытые лошади быстро бежали, стройной вереницей тянулись по дороге подводы. Сделав по пути в селе Березовском 2-часовой привал, полк ночь на 13 декабря провел в деревне под селом Сосновка. Утром было слышно о бое под деревней Исадами и о дальнейшем продвижении противника на село Сосновское.

По приказанию тов. Блюхера, находившегося в указанном селе, на помощь в Сосновское спешно был брошен 1 батальон полка под командованием тов. Лахмостова. В Сосновке тов. Блюхер, руководивший операцией, приказал 1 батальону принять боевой порядок. 3-я рота батальона под командой тов. Мамылина, принявшая вправо, через несколько минут вступила с наступающим противником в бой. Заработали винтовки и пулеметы.

Противник, по всей вероятности не ожидавший удара, остановился, замялся. Цепи двинулись вперед. Противник дрогнул и бросился бежать. При преследовании захвачено 8 человек пленных, из коих 1 офицер. Кроме того, были отбиты обратно оставленные полком моряков кухни. Сосновское осталось за полком, но имея перед собою силы отступившего противника, дремать было некогда. Из Сосновского нами беспрерывно велась кавалерийская разведка, которая часто подъезжала к самым частям противника и тревожила его. Так прошло 4 дня. 18 декабря около 2 часов было получено донесение, что противник занял деревню Татышли и начал дальнейшее продвижение. Отходившему в это время под натиском противника Уральскому полку для оказания помощи от Богородского полка была выслана полусотня кавалерии и рота пехоты.

В 7 часов того же дня на участке полка со стороны деревни Печатки показались неприятельские разъезды, а вскоре за ними двинулись из леса колонны, с которыми вступила в бой 4 рота полка. Имея перед собой противника в несколько раз превосходившего численностью, рота вынуждена была отойти на 2 линию защиты, куда были стянуты и остальные резервы полка.

В это время на левый фланг полка выдвинулась вторая колонна противника. Точно, по одному сигналу, заработали ружья и пулеметы. Противник наступал. Почти в упор расстреливались его передовые цепи. Ряды заметно редели, но

как опьяненные, они продолжали наступать. От ураганной стрельбы расплавливались пулеметные стволы. Бой кипел уже несколько часов беспрерывно. Нами было отбито несколько бешеных атак. Энергия противника к концу начала ослабевать, наши наоборот стали увеличивать огонь. Но в это время, за двумя бьющимися колоннами противника, появилась третья, превосходящая численностью каждую из первых двух. На фланге у них была видна кавалерия.

С новой силой лавина противника обрушилась на нас. Снова наш ураганный огонь сметал его ряды и эта лобовая атака была отбита. Тогда противник начал фланговое движение на пересечение тракта. Учитывая большие силы врага и создавшуюся обстановку, полк к вечеру был вынужден после горячего, беспрерывного однодневного боя отступить. Отступив, полк знал, как дорого досталось Сосновское противнику. Бой 18 декабря под Сосновским был одной из славных страниц боевых действий полка.

В этом бою командиры, красноармейцы проявили исключительное хладнокровие, стойкость и героизм.

После боя полк, в связи с общим отступлением красных частей, отступил на село Березовку и далее на город Кунгур, но к этому времени Кунгур пал и полку пришлось принять влево и двигаться на село Рождественское, в 15 верстах от Кунгура, и затем на село Кольцово, что на берегу реки Сылва, где к полку были присоединены 2-й Кунгурский пехотный полк в составе 80 штыков при 1 пулемете «Льюиса».

Из Кольцово полк выступил через завод Курашим на станцию Мулянка, имея задачей войти в город Пермь. К приходу полка на станцию Мулянка, последняя уже была занята противником и полку пришлось вступить в бой. После короткой схватки противник был выбит, но здесь же было получено донесение о падении города Перми.

Полк получил приказание отойти вправо по фронту на село Танчини, Гамово и Култаево и оттуда повести наступление на Верхние Муллы и занять город Пермь.

В 2-х верстах от Верхних Муллов полк встретился с противником и принял бой, но вследствие превосходящего численностью противника, наступление полка было отбито и последний отступил на деревню Суламы, 40 верст западнее Перми. Здесь противник значительными силами наступал на полк, атаковывая его 4 раза, но героическими усилиями, несмотря на сильный мороз, бессменно в течение 4 суток, каждый раз полк отбивался от этих атак и наносил противнику чувствительные потери (по сведениям перебежчиков, в это

время у него убыло убитыми и ранеными до 100 человек).

Вследствие отступления соседних частей, полку пришлось сдать село Сулемы и отступить на завод Юго-Камский. Выдержав здесь 4 и 5 января 1919 года 3 атаки наседавшего все время противника, полк 10 января 1919 года вышел на город Оханск, вместе с частями своей 2 бригады и занял позицию по правому берегу р. Камы. На этой линии наступление противника было приостановлено.

19 января был получен приказ: перейти всей 2 бригаде в наступление. Полк получил задачу занять селение Гольяны (в 7 верстах северо-восточнее города Оханска).

Ведя наступление с двух сторон, полк выдвинул еще одну роту (6-ю) в обхват слева. Противника удалось сбить с первой позиции и занять левый берег Камы, но дальнейшее наступление было приостановлено вследствие глубокого снега, непроходимого леса и неприступной позиции противника. Неудавшаяся эта операция была снова возобновлена 24 января 1919 года, но тоже безрезультатно, при чем во время боя был ранен в голову находившийся в цепи командир полка тов. Пирожников.

После этого полк опять отошел на правый берег реки Камы и занял старые позиции у города Оханска, где полк простоял до 6 марта, ведя только кавалерийскую разведку.

Противник пробовал наступать или вернее нащупывать для прорыва слабые места наши, но безрезультатно.

Находясь в городе Оханске, полк имел возможность восстановить партийную и культурно-просветительную работу, прерванную боевыми операциями. Силами полка совместно с местными организациями в Оханске было поставлено несколько спектаклей (преимущественно революционного характера), концертов, митингов и т. д.

6 марта, вследствие прорыва противником правого фланга дивизии, полку (а также всей 2 бригаде) приказано было начать отступление из Оханска по казенному тракту на Глазов. Противник не дремал и по пятам стал следовать за отступающими нашими частями. Полк, отбиваясь от наседавшего все время противника, с боями вышел на станцию Чепца, где поступил в бригадный резерв на отдых.

После 16-дневного отдыха, 20 марта полк снова выступил на позицию в район д. Головины (Вятской губ., Глазовского уезда) и вел наступление на деревни 1, 2 и 3 Раки и д. Селифоновы, но так как противник в указанных пунктах был сильно укреплен, то наступление полка не увенчалось успехом. После этого полк занял позицию в полуторах верстах от

д. Селифониха, где в продолжение 6 суток, в снежных окопах под сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, яростно отбивался от атак противника и наносил ему значительные потери.

Под деревней Селифониха Белорецкий полк был сменен 1-м Уральским полком и занял новую позицию в районе села Клеповки, где в свою очередь сменил Богоявленский полк.

Простояв здесь 5 суток, полк, вследствие общего отступления дивизии, отошел на станцию Чепца. Здесь ему, в виду его потрепанности и усталости после почти беспрерывных боевых действий, было приказано сняться с позиции и отправиться на отдых в город Слободской, куда он, погрузившись в эшелоны, прибыл по железной дороге сначала в город Вятку, а затем походным порядком, 15 апреля 1919 года.

В городе Слободском жили казарменным образом, ежедневно производились строевые занятия и несли гарнизонную службу. Здесь же было приступлено к формированию новой кавалерийской сотни, вместо ушедшей на уфимский фронт с отдельными кавалерийскими полками Каширина Ивана.

Культурно-просветительная и партийная работа здесь стала протекать интенсивнее. При полковом бюро РКП организовали культурно-просветительную комиссию, был открыт красноармейский клуб, куда в свободное от занятий время и сходились т. в. красноармейцы. При клубе была библиотека-читальня, струнный оркестр и чайная. Во время пребывания полка в Слободском было поставлено несколько спектаклей, концертов, митингов.

Наступал первомайский пролетарский праздник. Полк усиленно готовился для встречи последнего. Строились арки, здания украшались флагами и гирляндами. Все с нетерпением ждали наступления праздника, чтобы провести его впервые после 9-месячного пребывания на передовой линии.

День празднования 1-го мая совпал с получением приказа о спешном выезде полка в город Вятку.

Весна была в полном разгаре. Лед на реке Вятке, на которой стоит город Слободской, уже прошел. Для переброски полка в Вятку было подано 3 парохода.

Утром 1 мая для встречи праздника и отправки затем на пристань для посадки на пароход, полк был выстроен на соборной площади города в походной форме с развернутыми знаменами. Празднование началось с митинга, на котором выступали представители полка и города. Затем полк продефилировал по улицам города с оркестром духовой музыки и пе-

нием революционных песен, прибыл на пристань и погрузился на пароходы.

Берег был запружен публикой. Под звуки оркестра духовой музыки, под ружейные и пулеметные залпы и несмолкаемые искренние пожелания и крики «ура», пароходы отчалили от пристани. Позади долго еще были слышны звуки музыки и прощальные приветы провожающих.

В город Вятку пароходы прибыли, когда только что наступила темнота. Город был разукрашен, иллюминирован; жглись бенгальские огни, пускались фейерверки, работал на открытой сцене кинематограф. На улицах происходили шествия рабочих организаций с зажженными факелами.

Выгрузившись с пароходов, полк вступил в город Вятку и разместился по квартирам.

III

6 мая из 1 запасного полка при инспекции пехоты 3 армии нашему полку был дан для пополнения батальон пехоты в составе 450 штыков с офицерским командным составом. Этот батальон целиком был наименован 3 батальоном полка и роты его получили нумерацию 7, 8 и 9. Седьмой ротой командовал тов. Левитин, 8 ротой тов. Синицин, 9 ротой тов. Новиков; командиром батальона был назначен ком. 2 роты полка тов. Моисеев.

Состав батальона был крестьянский, рабочих почти в нем не было, при чем одна треть (8 рота) была из мобилизованных Петроградской, Псковской и Вятской губ., две трети (7 и 9 роты) из дезертиров Поволжья Самарской губернии. При приеме этого батальона командир полка тов. Пирожников сказал речь с краткой историей полка и высказал уверенность, что и новые товарищи батальона будут также высоко и твердо держать в руках знамя революции, как и старые бойцы полка. Громовое «ура» покрыло последние слова командира и воодушевленные красноармейцы тут же дали слово, что они или умрут или победят.

Через несколько дней в полк еще прибыло 100 человек мобилизованных и добровольцев, ответственных партийных работников Вологодской губернии, из которых в полку сформирована была рота пеших разведчиков. Затем при штабе полка была создана комендантская команда, которой ранее в полку не было.

Каждый день по указанию инспекции пехоты 3 армии в полку велись систематические занятия по строевой и тактической подготовке частей полка. Красноармейцы работали на

эти занятия и говорили: «все это зря, еще в германскую войну мы это знали. Надо ехать на фронт и оставить шагистику». Несмотря на такие заявления, бойцы полка, особенно старая половина его, хотя и обладавшие боевой практикой, в смысле знаний тактических приемов и строя были слабы. Комсостав всячески доказывал, что еще не все знают, что эти знания важны для успеха борьбы с контрреволюцией. В 3-ем батальоне, например, на одном из занятий, когда красноармейцы стали говорить, что они все знают и их нечего обучать, комсостав батальона дал красноармейцам для решения задачи по разведке и охранению и тут перед всем батальоном сразу выявились все недостатки их знаний. С тех пор охотно и усиленно красноармейцы принялись за учебу, прося чаще делать полевые учения.

24 мая полк посетил член ВЦИК тов. Стеклов. На полковом митинге тов. Стеклов обрисовал положение на всех фронтах республики, указал на восфронт, на Колчака, как на главную гидру контрреволюции, которую во что бы то ни стало надо раздавить. Единодушный крик всего полка: «Вперед на Урал», покрыл речь тов. Стеклова. Комвзвода команды пеших разведчиков тов. Фигичев, от имени всего полка приветствуя ВЦИК в лице тов. Стеклова, краткой, простой речью так искренно и трогательно передал преданность полка делу революции, что многие плакали, а тов. Стеклов встал, подошел к тов. Фигичеву, поцеловал его и сказал, что он верит всем и передаст ваши слова ВЦИК'у. Затем тов. Стеклов объявил, что наш полк в скором времени будет отправлен на фронт и добавил: «Помните, товарищи, что за каждым вашим действием я буду неустанно следить и сердце мое будет радоваться и печалиться вместе с вами».

25 мая, в праздник всеобуча, полк рано утром произвел одностороннее наступательное тактическое занятие в присутствии командующего 3 армией тов. Меженинова и члена Реввоенсовета Муралова, демонстрируя результаты учебы и вообще боевой готовности. Маневры полка были выполнены хорошо. Тов. Меженинов и Муралов остались очень довольны боевой подготовкой как красноармейцев, так и комсостава. Этим занятием полк доказал, что при желании и труде в малый срок можно добиться многого.

Тотчас же с маневров полк пошел на парад, который принимал начальник гарнизона г. Вятки тов. Блюхер. Спокойно и твердо, как слитый ком, прошел полк церемониальным маршем, бодростью и непоколебимой уверенностью в победе звучали его ответы на приветствие и поздравление начгара.

К вечеру этого же дня к общей радости бойцов было получено официальные письменные приказания от Реввоенсовета 3-й армии о выступлении полка на фронт, к своей родной 30 дивизии. Спешно стали собираться. В казармах был оживленный хаос: кто пригонял себе вновь полученное обмундирование, кто снаряжение, кто чистил свои винтовки, некоторые прощались с родственниками. В воздухе так и стоял смех, шутки и веселые песни. Не было ни одного вздоха сожаления о тыловой службе. Эти сборы резко бросались в глаза посторонним зрителям, которые с недоумением задавали вопросы — почему так рады отправляемые и что их так веселит?

Полк погрузился ночью в 3 эшелона и 27 мая прибыл в Глазов, откуда фронт был в 20 верстах. Сделав небольшой привал, полк походным порядком направился на село В.-Полянское. За время перехода полка положение на фронте изменилось и при подходе его к В.-Полянскому, навстречу стали попадаться отступающие части. Встретились старые боевые товарищи белорецкие и уральцы. Красноармейцы рассуждали между собою:

— Ну, белорецкие пришли, нас теперь уже не собьешь!

Присоединившись к телефону 29 дивизии, командиру полка удалось вызвать к аппарату начальника штаба 30-й дивизии. Полку было приказано повернуть на юг и двигаясь параллельно фронту итти в район села Б.-Сеть. Обстановка на фронте принуждала к скорейшему маршу и полк, делая большие переходы, бодро шел вперед. От непривычки у многих красноармейцев стирались ноги; тогда они доставали у крестьян лапти, переобувались и под смех и шутки снова шагали. Вторая бригада нашей дивизии в это время вела бой в районе села Б.-Сеть; противник, разрезал ее на две части, из которых одна еще продолжала вести бой, а другая отошла на Чайковку.

1 [illegible] полк вышел на линию фронта, занял участок Большие Чутоши, Пироговский, Жернаки, по правому берегу реки Уеть, штаб полка расположился в селе В.-Сеть. Здесь был получен приказ полку переименоваться по нумерации дивизии в 270-й. Вправо от полка позицию занимал 3-й горный полк (267), влево—269 Богоявленский. Весь участок полка равнялся 6 верстам.

Выбросив разведку и войдя в соприкосновение с противником, полк занял позицию по линии деревень Б.-Чутоши и Непашинское в порядке батальонов слева: 1, 3 и 2. Прибывшая в распоряжение полка 9-я Челябинская батарея стала на позицию около деревень Б. Котуши. Противник против

участка полка занимал позицию по линии деревень: Б.-Лукопное, Крюковой, Ратницы, Осетницы и Суслопаровское, из которых была выдвинута им застава на мост через реку Усть.

4 июня к заставе полка от первой роты у деревни Потапинской подошла разведка противника и, обстреляв заставу, скрылась. К вечеру этого же дня участок полка был обстрелян шрапнельным огнем, не причинившим, однако, никакого вреда. Какое-то смутное, тревожное чувство вызывала эта пальба при полной тишине и нашей бездеятельности. Красноармейцы сидя на отдыхе, в заставах и караулах только и спрашивали: «Да почему же нас не посылают в наступление?»

Наконец, 5 июня был получен приказ с расчетом перейти в решительное и энергичное наступление. В штабе полка всю ночь шла оживленная и лихорадочная работа и разрабатывался план атаки. Первому батальону была дана задача выбить противника и взять деревню Суслопаровское, второму батальону действовать с правого фланга и захватить Картушин-Юдинское, третьему батальону быть в резерве за первым и по взятии последним Суслопаровки ударить на деревню Ратницы, Осетницы и Крюковой. Общая задача полку стояла: выход на линию деревень — заимок Мироновских, Севостьяновцы.

Чуть только начало светать, как все части полка двинулись для выполнения возложенных на них задач. Кругом царила мертвая тишина. Дорога пролегала дремучим сосновым бором, почему каждый малейший шорох гулко отдавался в воздухе. У всех лица были серьезные, сосредоточенные, но ни одного признака трусости нельзя было отметить.

Вот резко раздался выстрел, за ним другой, третий, застучал пулемет и сосновый бор ожил. Это первый батальон подошел к заставе противника, стоящей на мосту у реки Усть. Первая рота под командой тов. Сысоева, подойдя незаметно к противнику на близкое расстояние, стремительно бросилась на узкий мост и сбила заставу противника. Это была крупная удача, так как река Усть, хотя и не широкая, но глубокая, имела стратегическое значение. Переправившись через мост, первый батальон, а затем и остальные части полка повели дальнейшее наступление на цепь противника, засевшего в окопах у деревни Суслопаровское. После короткого отчаянного боя противник был выбит из окопов и обращен в бегство. Воодушевленные красноармейцы бросились по пятам противника, но занимаемые впереди у деревни Крюковой противником высоты мешали дальнейшему продвижению первого

батальона, так как белые вели оттуда ожесточенный огонь по нашим частям и дальнейшее продвижение первого батальона было приостановлено, ждали подхода второго батальона. Третьему батальону было приказано выбить противника с высот у деревни Кроколай и завладеть ими. Получив задание рота под руководством помкомбата 3 направилась в обход деревни Кроколай. 7 и 9 роты двинулись для удара в лоб. Обход был сделан удачно и противник, охваченный с трех сторон, побросав оружие, оставил нам высоты, часть своих солдат с одним пулеметом. На месте боя было подобрано брошенных винтовок до 800 штук.

После вышеописанного боя части полка начали дальнейшее наступление. Второй батальон под командой тов. Кирякова вышел прямым путем по болотам за деревню Корнуши Юдинские. В ночь на 7 июня занял позицию в районе деревень Ляхово, Сусин, Арташевская. Успех был полный: противник, превосходивший численностью и удобством позиций, был сбит со своей передовой линии. Сила его на этом участке состояла из трех рот 2-го Николаевского полка, полковой учебной пулеметной команды (около 400 штыков) и частей штурмовой бригады. Потери со стороны полка были — 21 раненых и 2 убитых. Про действия полка этого дня командир бригады тов. Ерок в своем приказе за № 48 писал: «Отмечаю хорошо разработанный и настойчиво выполненный, в трудных условиях местности на значительном участке, план наступления 270 стрелкового полка».

Отступивший противник занял позицию по хребту пересекающих горных высот по линии деревень Васильевское, Севастьяновка, Пестеревка и Коробина. С утра 7 июня полк снова повел наступление на указанную линию. Противник, засевший в хорошо укрепленных окопах, упорно оборонялся и своим правым флангом охватывал левый фланг полка, части [illegible] стойта в деревне [illegible]. На правом фланге деревни Лопатово противник упорно держался. Весь день длился ожесточенный бой и только к утру 8 июня на левый фланг полка подошел Богодуховский полк и, выбив противника, занял село Васильевское. После этого, с обеспечением левого фланга полка, противник был сбит со всего участка и отступил. По словам местных жителей, потери его за этот бой были велики. Он целый день непрерывно возил раненых. Наши потери 22 раненых и 1 убитый.

Отступающий противник отошел на село Рабовичи, Мечетури и Святогорское. Полк занял позицию: Мироновское, Кулишинские и Туры. В это время в полк прибыл прикан-

ный на время операций кавалерийский полк «Красный гусар» под командой тов. Фанцева и от него сейчас же были высланы разъезды на д. Таракановское, Староковчину и Мелегурт. В районе д. Тура была поставлена батарея. На следующий день по дороге с. Кузьминского на Мелегурт были высланы от полка две роты с задачей: подойти к Мелегурту лесом с правой стороны для флангового удара. Красные гусары, одолевая болото, с трудом перетаскивая через них по брюхо тонувших лошадей, быстро сбили в лесу заставу противника и налетом заняли д. Таракановскую, а вслед за этим на станицу Кичино были двинуты роты 1 и 3 батальона, которые, окопавшись у д. Таракановской, повели затем наступление на противника, занявшего господствующие высоты, почему бой принял затяжной характер.

С наступлением темноты на позицию приехал командир полка тов. Пирожников и военком тов. Филичев. Приказано было подготовиться к общей атаке. Стрельба не утихла, все цепи полка ползком двинулись на высоты к противнику и подойдя почти вплотную к его окопам, с криком «ура» бросились в атаку. Подхваченное «ура» разнеслось по всей линии. Противник усилил открытый ураганный огонь, но не выдержал натиска, сразу замолк и быстро перешел на вторую линию окопов, откуда снова открыл пулеметный и ружейный огонь по линии, занятой нашими стрелками, которые, не задерживаясь, бросились на вторую линию и с помощью решительной атаки красных гусар, которые с шашками наголо врезались в противника, обратили его в паническое бегство, заняли и закрепили брошенную противником позицию. В этом бою полком было взято более 9 пулеметов, много пулеметных лент, винтовок и снаряжения. Со стороны противника действовали части енисейского, барнаульского и ново-николаевского полков, а также части штурмовой бригады.

По сообщению пленных, район Таракановское—Кичино—Мелегурт укреплялся как опорный пункт и ставилось задачей держаться здесь во что бы то ни стало. Накануне боя эти позиции осматривал генерал-майор Пальчевский, который остался укреплениями этих линий очень доволен, но все генеральские махинации полетели под дружным натиском рабочих штыков. Потери со стороны полка следующие: убитыми 1, ранеными 2, из красных гусар убито 2, ранено 10 человек. После разгрома под Мелегуртом с 10 по 16 июня противник отступал, не оказывая серьезного сопротивления, оставляя только небольшие части для задержки, которые при первых наших выстрелах убегали и полк беспрепятственно двигался, захватывая деревню за деревней.

Вскоре перебежчики принесли сведения, что Пермь эвакуируется противником. От этого известия у всех на сердце стало радостно и весело и все торопились, как можно скорее нагнать противника и не дать ему утечь безнаказанно. Все время полк продвигался по сплошной лесистой местности, где продвижение его облегчалось энергичными действиями красных гусар, шедших в авангарде полка, которые 16 июня еще раз под селом Домвыр на голову разбили противника. Наконец полк переправился через реку Лозу в районе Тимгеевская Тюнтеперская, спешно двигаясь за отступающим противником и делая привалы.

17 июня на линии селений Б. Медло, Новоселецкий, 1-ю Лобановский, Никитята, 1. 2 Раки, при чем в этом районе был обнаружен противник, но он ушел, не оказав сопротивления. Полк 19 июня достиг селения Колики-Лошкари. Отсюда красные гусары пошли авангардами на завод Очор, с боем заняли Березовск и затем в 2 часа ночи на 20 июня заняли завод Очор. Через завод Очор 21 июня полк двинулся на с. Шлыгиновское, отсюда движение полка было изменено и он двинулся на Нытвинский завод, имея задание выйти на правый берег Камы. По переходе полка в завод Нытву неприятельская воздушная разведка сбросила несколько бомб и обстреляла части полка пулеметным огнем, не причинив вреда скрылась.

К утру 24 июня полк вышел на правый берег Камы и занял позицию Заполье-Притыки. 25 июня, вследствие отхода частей бригады в дивизионный резерв, лево-фланговые части полка были брошены для смены частей ее и заняли правый фланг у пристани Усть-Нытва. Левый фланг до прихода Богоявленского полка охранялся сотней. Утром 28 июня со стороны противника, на охраняемый участок полка прибыло 19 человек перебежчиков 84 сибирского полка, только что прибывшие из города Перми, и по сообщению их выяснилось, что настроение армии Колчака подавленное, многие убегали и не хотели отступать далее своих мест. Офицерство недоверчиво относилось к солдатам, подтверждением чего служил найденный на берегу Камы документ на имя командира 15 роты следующего содержания:

„Сейчас к вам придет подпрапорщик Спиридонов и прапорщик Шрамков с 12 солдатами, расставьте их так по своим местам, чтобы было беспрерывное наблюдение за людьми вашей роты. Охрана участка остается в руках вашей роты. Будьте особенно бдительны сегодня. Командир 4-го батальона капитан Рогожников".

В этот же день прибыло еще 3 перебежчика, по сообщению которых, на противоположном берегу противник ушел и посланная разведка тотчас привела лодки и паром. 30 июня полк переправился на левый берег Камы, где вся 30 дивизия была выделена в армейский резерв и 270 полк к утру 3 июля расположился в районе д. Гамово, что в 30 верстах от города Перми. 7 июля 90 бригада перешла в завод Юговской. 10-го июля полк выступил по тракту на г. Кунгур и 11 июля расположился вблизи его в районе д. Попойка, Сергенская, Замразинская слободка, Полевое-Мариновое, Пихтари. 12 июля полк получил задание перейти в два перехода в район деревни Крюки, что 115 верст от города Кунгура и пройдя его к вечеру 14 июля прибыли туда. 15 июля он новым маршем без дневок двинулся на завод Уткинский, куда и прибыл к вечеру 18 июля. Делая марш за маршем, полк 22 июля достиг завода Березовского, что в 12 верстах северо-западнее Екатеринбурга. 21 июля в 12 часов полк прошел столб на Сибирском тракте, служащий указанием границ Европа—Азия. Ночью 22 числа полк сосредоточился в западной части Екатеринбурга и Верхне-Исетском заводе.

IV

В Екатеринбурге полком был устроен грандиозный митинг, на котором участвовало все пролетарское население города и представители вновь сформировавшейся советской власти. На митинге отмечались исторические походы полка, выносливость красноармейцев и их героизм.

25 июля полк прибыл в село Клевакинское и 28 в завод Каменский. В это время части 2-й бригады продвинулись вперед и заняли город Далматов, но под давлением противника снова отошли, почему частям 3-й бригады пришлось выйти для нанесения удара противнику с южной стороны Далматова, по реке Течи. 31 июля полк двинулся для занятия позиции у села Катайского, выслав авангардом два разъезда и конный взвод на село Ключевское и два взвода на село Затеченское, Гатино и Макарово.

По занятии указанных деревень (без сопротивления противника), полк двинулся дальше до района селений Осинино-Мельниково, где позиция противника тянулась по ряду сопок противоположной стороны речки. Овладеть сопкой у село Осокина задача была поручена 3 батальону, который 5-го августа рано утром подойдя к деревне, благодаря туману, сбил неприятельскую заставу и, несмотря на пулеметный и артиллерийский огонь, двинулся на сопку за деревней, при

чем 7 и 8 роты повели обходное движение на северо-запад, а с последней стрелковой позиции открыли ожесточенный огонь, который дал возможность 9-й роте перейти в брод реку и стремительным натиском сломить противника и овладеть деревней и сопкой. Закрепив занятый участок и продолжая преследовать противника, взвод кавсотни полка захватил походную неприятельскую кухню, 20 пленных, много винтовок, две повозки с вещевыми сумками. Для развития наступления 6 августа один батальон полка был выслан к д. Мельниково и, пользуясь темнотой ночи, подошел к самым окопам противника, атаковав белых. Последние, растерявшись, целиком всем батальоном сдались в плен. 10 августа по пятам противника двигался походным порядком на деревню Одино (на р. Миассе). Не доходя деревни был выслан для разведки взвод кавалерии, на помощь которому была выслана для захвата противника 9 рота, которая, продвинувшись быстрой цепью к деревне, отогнав пулеметным огнем кавалерийский эскадрон, заняла деревню и затем навела при помощи подоспевших сапер сожженный противником через реку Миасс мост.

2-й батальон в это время, после короткой решительной схватки, взял ряд деревень по берегу реки Миасс, влево на северо-восток деревни Одино. До конца этого месяца форсированным маршем полк в тылу у противника шел до Кургана, занятого полком красных гусар, который с помощью высланного 1 батальона и кавсотни полка окончательно закрепил за собой город и отбил все атаки противника, пытавшегося снова занять город. 22 августа, получив приказ форсировать р. Тобол, полк выступил из занимаемого района и переправился через Тобол на лодках, несмотря на адский пулеметный огонь противника, сбил его и на его плечах занял деревни: Петухово, Печное, Сысоево. Занятие указанных деревень явилось ключем к дальнейшему развитию наступления, которое продолжил 269 полк. 270 полк в это время отошел в бригадный резерв и следовал по маршруту: Мокроусово, Курган, Лебяжье (до 5 сентября).

К этому времени противник подвел из тыла большие подкрепления и стал проявлять активные действия. Так, в бою под селом Новая деревня (Старая Рамово) 268 полк не выдержал натиска значительных сил противника и отошел, окопавшись в 2 верстах от деревни. Для поддержки, ведущих бои полков бригады, 270 полк вышел из резерва на первую линию. 3 батальону с 2 орудиями дано было задание выступить на поддержку 268 полка и взять село Новая деревня;

2 батальону — на поддержку в район сел Гагарино и Бердюжья, по занятии которых укрепиться и не дать возможности противнику перейти в контрнаступление; 3 батальон 6 сентября ночью двинулся в глубокий обход села Новая деревня под артиллерийским и пулеметным огнем, по топкой, болотистой местности, на протяжении 1500 шагов шел, не переставая заходить во фланг, коротким сокрушительным ударом занял деревню и обратил упорно сопротивлявшегося противника в бегство.

В то же самое время район, занятый 1 и 2 батальоном полка (Бердюжье и Гагарино), ожесточенно атаковывался во много раз превосходящим численностью и артиллерией противником, но каждый раз, благодаря геройству и стойкости командиров и красноармейцев, все бешеные атаки были отражены, батальоны полка оставались на своих участках победителями и зорко следили за каждым шагом противника.

На следующий день был получен приказ об оставлении занятых полком участков, вследствие перегруппировок частей соседней дивизии, под натиском противника отходившей по стратегическим соображениям. Полк отошел на участок деревни Шабалино и поступил в распоряжение 2-й бригады. Гробин участок, на батальоны, в ночь на 11 сентября полк окопался и приготовился для достойной встречи противника, который не заставил долго себя ждать и с рассветом того же числа повел наступление на линию окопов правого фланга полка. Наступление потом распространилось с его стороны по всему участку густыми цепями. Завязался бой с полками имени генерала Гайды, энергично наступавшими на наш полк, которому было приказано во что бы то ни стало держать занятые позиции. Воспользовавшись некоторой неуверенностью противника, рота пеших разведчиков полка при помощи 7 и 8 роты, занимавшая правый фланг участка, поднялась и бросилась в контратаку, результатом которой цепи противника были смяты и обращены в бегство. Для преследования бегущего противника была выслана кавсотня, которая у самой деревни Орлово, настигнув противника, наскочила на свежие силы его, вошедшие для подкрепления отступающих. Открытым по кавсотне ураганным огнем из пулеметов были убиты помощник командира сотни т. Толстокоров и многие другие кавалеристы, ранен командир сотни Г. И. Мамыкин, вследствие чего она была вынуждена отступить, забрав несколько пленных и пулемет.

Нащупав наше слабое место на левом фланге и заставив отойти роту 266 полка, противник поставил вплотную артил-

лерию и прямой наводкой из нескольких орудий начал громить передовые цепи участка. Под прикрытием артиллерийской завесы, он бросил многочисленные батальонные резервы. Удержавшись на удобной позиции полтора суток, полк, предводимый доблестными командирами и коммунистами, служившими примером, в силу потери левого фланга, вынужден был оставить позицию, которая досталась противнику ценою больших жертв. По сведениям пленных, из строя у противника выведено 213 ранеными и убитыми; против участка полка действовала екатеринбургская дивизия в составе 3 полков и вспомогательных частей. Со стороны полка в этом бою потеряно 264 человека. С этого момента полк начал отступление.

В районе деревень Ярочная — Чирково 13 сентября полк окопался и подготовился к встрече наступающего противника, который, войдя в соприкосновение с частями полка, сразу начал обход на левом фланге участка, результатом чего была обойдена 7 рота 3 батальона. В силу неподходящей местности и мало удовлетворявшей позиции, невозможно было произвести перегруппировку частей полка и отвлечь внимание противника от левого фланга, но 7 рота, не растерявшись и не обращая внимания на артиллерийский огонь противника, быстро приняла другое направление и перешла в контратаку, чем и спасла положение на участке полка.

Отступив на Чирков-Мокроусово 14 сентября и окопавшись, полк занял участок по левому берегу реки Кизака в районе сел Муравьева — Куликова. В этом районе, пытавшийся наступать противник, каждый раз энергичным ударом полка, отбрасывался с большими для него потерями. В связи с отходом соседних частей, полк отошел на реку Тобол, где укрепившись, получил помощь из подоспевших резервов тыла.

V

В первых числах октября полк снова получил приказание перейти в наступление и принял решительный бой под деревней Заборской, где противник, не выдержав натиска, отошел на новые позиции и сильно укрепился. 5 октября с рассветом по наступавшим частям полка противник, видимо получивший подкрепления, открыл ураганный артиллерийский и пулеметный огонь и начал обходные движения нашего левого фланга, и беспрерывным артогнем не давал возможности произвести перегруппировку. Резервов в полку не было, вследствие этого положение было крайне тяжелое. Пролежав около часа под огнем, полк двинул свои цепи вперед.

сначала перебежками, а потом с криками «ура» бешеной лавиной бросился на врага. Белые, не ожидавшие атаки и уже было праздновавшие победу, были ошеломлены — не выдержали и побежали. Высшее командование противника, не теряя надежды вернуть позицию, бросило тотчас же в контратаку 2 эскадрона кавалерии, но, не растерявшись, цепи полка приняли его ружейным и пулеметным огнем и смельчаки с георгиевскими крестами были срезаны первыми и легли на поле брани. В этом бою противник потерял несколько десятков людей, лошадей (убитыми и ранеными) и много другого имущества, как-то: пулемет, треноги, винтовки, патроны, повозки и 100 человек пленных.

Продолжая преследование противника, цепи полка без боя заняли село Крутиху и расположились за селом на довольно удобной позиции. Правый участок занял 3 батальон в средине и влево, 2 и 1 батальон на северо-восток от Крутихи. 7-го октября противник, сосредоточив на участке 14 орудий, повел наступление на правый фланг полка и на примыкающий левый фланг 269 полка. Мужественно встретив врага полк, несмотря на большие потери в ротах, храбро отвечал на каждую атаку противника своей контратакой. 4 дня подряд с небольшими перерывами тянулся этот ожесточенный бой. Части противника, состоявшие из 4 стрелковой и 11 особой дивизий, были расчленены и в результате этого боя, благодаря удачному маневрированию и разработанному плану, 270 полк совместно с батальоном 269 полка захватили в плен до 200 человек пленных и несколько пулеметов.

20-го октября, когда общая линия фронта выравнилась, было получено приказание о новом наступлении. С рассветом полк двинулся на село Щучье, сбил кавалерийские заставы противника, зашел во фланг и с помощью соседнего 269 полка обратил противника в бегство.

21 октября глубокой ночью, по трудно проходимым лесным дорогам, имея впереди кавалерийские заставы, полк двинулся на деревню Дуракову. На пути по дороге застава без труда захватила несколько телефонистов белых, снимавших свой телефонный провод, а также повозку с телефонными аппаратами и кабелем. В непроглядную темноту одним батальоном полк окружил деревню Дураково, снял заставы и, пройдя незаметно через неприятельские посты и заставы, с громким «ура» бросился на противника. Создав таким образом панику в цепях противника, батальон обратил его в бегство, захватив до 250 человек пленных, часть обоза, 3 пулемета. Штаб дивизии, стоявший в Дураково, едва спасся по-

спешным бегством, побросав все штабное имущество. Особенное мужество проявила в этом бою 8 рота под командой тов. Пантелеева.

22 октября под натиском нашего полка укрепленный берег Кизака был взят и противник отступил на Курочкино и далее. Переправившись через реку Кизак полк, не доходя 3-х верст до деревни Древы, остановился и выслал полусотню полка в деревню для разведки. Здесь же ему удалось включиться в провод противника 15-го курганского полка и выяснить, что последний намерен был отступить на деревню Древа. Из этого видно, что полк целиком был в тылу противника. Учитывая деморализованное настроение белых, полк для надлежащей встречи окопался фронтом к ожидаемому противнику у двух дорог, ведущих из деревни Зимовье в деревню Древу. После того, как был обрезан телефонный провод противника (Древа—Зимовье), были захвачены ехавшие на исправление линии телефонисты белых. Здесь же вскоре был остановлен и захвачен обоз противника с разным военным имуществом двух отступающих полков уфимской кавалерийской дивизии. В то же время высланная разведка полка по своей инициативе, перерядившись белыми, захватила в Древах штаб контрразведки особого отряда во главе с офицерами, а также обоз с огнеприпасами и несколько лошадей и привела их в полк. 15-й курганский полк в ту же ночь, узнав о пребывании полка в своем тылу, минуя нашу засаду обходным путем, отступил.

26 октября без особого сопротивления полком был взят участок района деревень Ишикуль, Курочкино и село Арминзинское. Беспрерывно двигаясь по следам противника, 27-го октября полк вышел на реку Ишим — село Смирновское. Ишим был покрыт тонким проламывающимся льдом.

28-го октября полку было приказано форсировать р. Ишим и овладеть высотами на противоположном берегу, где укрепился противник. Под прикрытием артиллерийского огня роты полка двинулись на штурм высот р. Ишима по совершенно открытому месту. Стойкость частей полка дала возможность, несмотря на сильный огонь противника, успешно выполнить трудную задачу. По крутым покатостям и обрывам полезли красноармейцы на сопки и дружно набросились на врага. Противник сначала старался упорно держаться, но дружным натиском подошедших остальных частей полка был сбит и обращен в бегство. В это время с правого фланга 269 полк отрезал ему путь отступления и захватил многих в плен. Утром 29 октября, преследуя противника, в 60 верстах запад-

нее города Ишима, полк встретил на своем пути отступающую егерскую бригаду белых, коротким ударом обратил ее в бегство, захватив 200 человек пленных, несколько повозок с обмундированием, две кухни и пр. военное имущество.

В первых числах ноября месяца полк неотступно преследовал противника, захватывая в коротких боях пленных, обозы, скот. Выйдя на линию железной дороги, ведущей на город Омск, в районе станции Масленской, разбил настигнутый ачинский конный дивизион, взял до 100 верховых лошадей, 60 повозок с разным имуществом и мануфактурой. Имея впереди себя авангардную кавалерийскую сотню, полк переправился через реку Иртыш в 50 верстах от города Омска и продолжал дальнейшее продвижение вперед.

В первых числах декабря полку было приказано повести энергичное наступление вдоль линии железной дороги и овладеть ст. Тайга. Для выполнения этой задачи полк должен был захватить ст. Талос-Поломочное. Ночью, часов в 11, полк зашел в село Тутальское. Там были два полка противника — 58 и 60. Повидимому, они не ожидали красных «гостей» совершенно, так как спали все крепким сном. Выставленное ими сторожевое охранение было целиком снято, а затем приступлено к разоружению настигнутых врасплох самих частей противника. Здесь полк захватил штабы обоих полков, 8 офицеров и одного командира полка. После этого ночью полк одним батальоном повел наступление на ст. Поломочная, с целью отрезать эшелоны противника, занять станцию, а также железнодорожный мост через р. Томь (в трех верстах югозападнее станции), что и было с успехом батальоном выполнено.

Только что успели занять мост, как со ст. Юрга, появился броневик и два эшелона с солдатами противника. Наши красноармейцы проявили здесь безумное геройство, бросаясь в атаку на эшелон с целью остановить его, так как тут еще не был разобран путь. Начальник роты пеших разведчиков тов. Майков подбежал к самому паровозу броневика и хотел на ходу вскочить в него и остановить, но в него прямо в упор были брошены две бомбы и он, весь израненный, повалился на землю. Часть солдат в эшелонах, испуганная нападением, выскочила из вагонов и сдалась нам, но остальные, открыв ураганный огонь, уехали. После этого части полка двинулись в наступление на ст. Поломочная. Первый батальон был пущен с левой стороны дороги и пошел в обход на станцию, чтобы отрезать путь противнику, третий батальон шел вправо от железной дороги, параллельно ей пешая разведка двинулась

по полотну. С самого начала движения полку приходилось идти цепью, так как противник не переставал обстреливать орудийным и пулеметным огнем. Утомленные бессонными ночами, а последние сутки голодные, красноармейцы, по пояс в снегу, упорно передвигались вперед. Выйдя, наконец, к ст. Полумочная, наши цепи открыли сильный ружейный и пулеметный огонь. Части противника, находившиеся в эшелонах, выскочили из вагонов и рассыпались также в цепь. Под страшным огнем наши части продвигались вперед и с каждым часом все ближе и ближе охватывали кольцом станцию.

Бой длился до позднего вечера; противник, предугадав наш план, поспешно отошел на ст. Литвиново, оставив нам большие трофеи (два эшелона с военным имуществом, 600 человек солдат, 18 офицеров, более 200 подвод с разным имуществом, 6 пулеметов Максима, более 300 винтовок и много патронов). Потери полка были: убитых 20 человек и раненых 50 человек. Против полка в этом бою действовали: польские легионеры в составе трех эшелонов, по 750 штыков в каждом, при 6 пулеметах в роте и два бронепоезда, из которых один был польский («Познань»).

Полку не приходилось почивать на лаврах. Обстановка заставляла не дремать, а действовать. В этот же день сотня полка, действовавшая на правом фланге, под командой т. Гуненкова Ивана и помкомполка т. Смородина в селе Чалово напала ночью на противника, состоящего из трех полков и штаба дивизии, ловким маневром нагнали на них панику так, что они в рассыпную бросились бежать, давя друг друга, оставив сотне 270 человек пленных, 123 повозки с имуществом, 170 лошадей, 6 пулеметов Максима и разное другое военное имущество. Со стороны сотни потери были: убит взводный командир тов. Рогожников и один красноармеец ранен. Эта победа над противником, превышающим сотню в тридцать раз, исключительно покоилась на бесшабашной удали красноармейцев и командиров, за что последние были представлены и получили ордена Красного знамени.

Ночью с 21-го на 22-е декабря полк подошел к ст. Литвиново и двумя батальонами, имея один батальон в заслоне, повел наступление на станцию. Так же как Полумочная, ст. Литвиново была загромождена эшелонами, здесь же находились отступившие польские легионеры. Снова начался бой, длившийся до рассвета, когда подошел 268 полк и прибыла отставшая наша артиллерия. Получив эту поддержку и воодушевляясь громовыми ударами артиллерии, которая сразу же била по эшелонам противника, полк сбил противника и

занял станцию. Большая часть противника, в том числе и польские легионеры была захвачена в плен, остальным удалось бежать. На этой станции захвачен броневик, несколько груженных имуществом эшелонов и пр. военное имущество.

Тотчас же после занятия ст. Литвиново полк выступил на ст. Тайга. По всей железной дороге стояли брошенные эшелоны противника с разным военным имуществом. Во многих местах вагоны со снарядами и патронами были подожжены противником и в этих местах шел несмолкаемый гул от рвущихся снарядов и патронов. Полку приходилось обходить дорогу по пояс в снегу, прилегающими к железной дороге лесами, что сильно тормозило продвижение полка и вызвало некоторое запоздание, напр.: ст. Тайга к его приходу была занята другими частями, двигавшимися на нее обходным порядком.

После этого полк, ведя незначительные бои и забирая по пути пленных, к 6-му января 1920 года подошел к селу Зеледееву, в 12 верстах от города Красноярска. С подходом красных частей, гарнизон города Красноярска восстал и сбросил власть белых. Противник стал отступать обходом Красноярска на север. 270 Белорецкому полку совместно с Богоявленским полком была дана задача перерезать дорогу отступающему противнику перед Красноярском. С утра 6-го января Белорецкий и Богоявленский полки выступили из села Зеледеева на город Красноярск и здесь встретились с отступающими большими силами противника. Завязался бой. Противник упорно старался пробиться и несколько раз переходил в атаку, но до самого вечера сделать этого ему не удавалось, несмотря на превосходство своей численностью. От наших полков была выслана делегация с предложением сдаться. Первый батальон 270 полка под командой тов. Земцова прошел вперед и около раз'езда Бугач перехватил железнодорожный путь и дорогу около него. Деморализованный противник, не знавший, ввиду наступившей темноты, численности наших частей, стал сдаваться. Постепенно подходили его части и, складывая оружие, направлялись обратно по тракту на Зеледеево и далее, так как огромное село было уже переполнено пленными. Все поле было усеяно кучами винтовок, шашек и пик. По полю бродило несколько сотен брошенных лошадей. К рассвету все части второй армии Красильникова уже сдались нам и только тянули еще переговоры поляки, стоявшие в 8-ми эшелонах на полотне железной дороги. Польские легионеры упорствовали и не хотели сдаваться на пред'явленных нами требованиях. Тогда части 270-го и

269-го полка, составляющие каких-нибудь 300 штыков, приняв боевой порядок, пошли в наступление на польские эшелоны. Легионеры струсили и сдались.

Всего в эту операцию 270 полком, совместно с 269-м, были разоружены части противника: первой, третьей, шестой казачьих дивизий, отдельная кавалерийская бригада, Первый Сибирский дивизион, Травинский дивизион, Кадровый инженерный дивизион, управление Казанской дивизии, 2-я батарея 8-й бригады, 3-й Сибирский полк, Шестая Оренбургская батарея, 17-й Оренбургский казачий полк, 5-й Оренбургский казачий полк, 1-ый Волынский полк, Штурмовая бригада. Захваченные трофеи не поддались учету.

Кроме того 2-м батальоном полка, которому была дана задача, двигаясь через село Коркино занять село Вознесенское, что 25 верст восточнее Красноярска, было разоружено еще много мелких частей противника, в числе которых был чуть не забран в плен генерал Сахаров, который побросав все свое личное имущество (личную переписку, шинель, шапку и чемоданы с бельем), на неоседланной лошади ускакал.

7-го января 1920 года 270 Белорецкий полк при торжественной встрече первый из советских войск вступил в город Красноярск, где разместился по квартирам и нес гарнизонную службу до 19-го января. Здесь было принято в полк пополнение из добровольцев колчаковской армии в количестве 1000 человек.

19-го января полк получил приказание, составляя авангардную колонну бригады, выступить походным порядком из Красноярска по Иркутскому тракту на город Канск, куда он и прибыл 24-го января. За время дороги стояли сильные морозы и часть колчаковского пополнения, плохо обмундированная в количестве 366 человек убыла из полка по болезням и др. причинам.

31-го января полк в составе 6-ти эшелонов выехал по железной дороге из города Канска и 8-го февраля прибыл в город Нижнеудинск.

12 февраля полк, за исключением 1-го батальона и хозчасти, которые были отправлены поездом по железной дороге, выступил походным порядком по Иркутскому тракту в город Тулун. Прибыв 13-го февраля в Тулун, 16-го февраля полк погрузился на разъезде Икюра снова в эшелоны и отправился на город Зиму.

18-го февраля выгрузившись на ст. Зима, полк походным порядком двинулся на город Иркутск. 7-го марта полк в составе всей 30-й стрелковой дивизии торжественно вступил в

Иркутск и разместился по квартирам в юго-западной окраине города. Пролетарское население города Иркутска и местная власть горячо приветствовали красных героев.

Сделав недельную передышку, полк 14-го марта 1920 года выступил походным порядком из города Иркутска и 19-го марта прибыл к месту нового расквартирования на станции Култук и Слюдянка (на озере Байкал), неся здесь охрану туннелей Круго-Байкальской железной дороги.

19-го апреля полк, в силу полученного приказа войскам дивизии, погрузился в эшелоны на станции Слюдянка и 22-го апреля выгрузился на ст. Татаурово и затем двинулся к месту намеченного расположения в район селений Тайшихина-Посельская-Сотникова и Уточкина. В указанных пунктах полк нес охранение и наблюдение на левом берегу реки Селенги и по 25-е августа производил укрепление позиций на занимаемом участке.

VI

17-го сентября полк в составе целой дивизии, согласно приказа, был переброшен на южный (врангелевский) фронт. Погрузившись в эшелоны на ст. Татаурово, двинулись по маршруту: Татаурово - Новониколаевск - Челябинск - Самара - Ряжск - Харьков - Полтава.

7-го октября полк выгрузился на ст. Решетиловка, в 20 верстах северо-западнее города Полтавы.

10-го октября из Решетиловки полк походным порядком двинулся на линию фронта. Не лишне здесь указать на характерное явление: куда бы полк не приходил, его первоначально встречали недоверчиво, но стоило ему пробыть в занимаемом районе сутки или даже несколько часов, как все местные жители с любовью отзывались о красноармейцах. Их поражала корректность и лойяльность красноармейцев. Так, например, за оказываемые услуги, не говоря уже о даваемой пище, красноармейцы, а тем более командиры, всегда платили действительную стоимость, несмотря на отказ со стороны жителей. Кроме того, полк в каждую свободную минуту в занимаемых районах помогал организовывать строительство советского аппарата, спектакли, вечера и собрания. Свидетельством вышеуказанного может служить то, что при уходе полка из того или другого города или села, местная власть возбуждала перед высшими военными органами ходатайства об оставлении полка на некоторое время в своей местности.

26 октября полк вышел на линию фронта и 29 октября повел наступление на село Б.-Михайловку. Под прикрытием броневиков противник отступил со станции Пришиб по направлению города Мелитополя. Во время движения полка,

разведкой полка, имевшей столкновение с противником было взято 30 человек пленных.

30 октября в 2 часа 40 минут полк выступил из села Б.-Михайловки для занятия села Б.-Тимошевки, которая также без боя была занята, при чем здесь было захвачено 5 лошадей и несколько пленных. Здесь же был получен приказ по дивизии: полку к 20 часам 30 октября перейти в энергичное наступление и не позднее 12 часов 31 октября выйти на линию Елизаветовка-Рахманова. Общая задача полка сводилась к следующему: с приданными ему 5 орудиями 3 легкого артдивизиона ликвидировать противника в районе села Веселое, и, продолжая развивать успех, овладеть деревней Елизаветовкой. Наступление было приказано вести самым решительным маршем, выбросить в авангард сотню и роту пеших разведчиков, охватить и атаковать противника, перехватив все дороги отступления. В исполнение сего по полку был отдан следующий приказ:

„Противник, не принимая боя, отходит по направлению Крымского полуострова. Благодаря нашей медлительности противнику удается отводить свои части из-под удара. 78-й бригаде с получением сего приказа немедленно перейти в решительное наступление и занять Гавриловка-Розенгоф, 79-й бригаде приказано с получением сего перейти в решительное наступление, двигаясь в общем направлении на Веселое и в 12 часов 31 октября занять Елизаветовка-Рахманова.

30 конный полк 31 октября к 20 часам должен перерезать Мелитопольский тракт в районе Екатериновка. 269 полк в 12 часов 31 октября должен занять Рахманово, окружить и разбить противника. 270 полку к 12 часам 31 октября окружить и разбить противника, занять Елизаветовку. 268 полку быть в резерве. В исполнение сего приказываю: Комбату 2 тов. Смородину, сдав командование командиру 6-й роты тов. Спирину, принять командование над сотней и выступить немедленно с заставой на Веселое, с задачей во что бы то ни стало догнать противника, обойдя Веселое, отрезать тракт и вести разведку на д. Елизаветовка.

После занятия Веселое продолжать наступление на Елизаветовку и не позднее 12 часов 31 октября охватить Елизаветовку, отрезать путь отступления и совместно с полком разбить противника, после чего произвести разведку в общем направлении на Мелитопольский тракт. Врид. Комбата 2 тов. Спирину с получением сего повести решительное наступление из села Тимошевка на село Веселое, по занятии которого продолжать наступление на село Елизаветовка, имея правый фланг по тракту Тимошевка-Веселое-Елизаветовка включительно. Комбату 1 тов. Кротову из района с. Тимошевка повести решительное наступление на Веселое-Елизаветовка включительно. Заняв Веселое, продолжать наступление на Елизаветовку. При наличии крупных сил противника в с. Веселое, загнуть правый фланг, отрезать дорогу на Менчекур. Комбату 3 тов. Ловягину быть в пол-

ковом резерве и двигаясь за левым флангом 2 батальона решительным и энергичным наступлением при операции на Веселое отрезать дороги из Веселое на Федоровку и Веселое Фейна.

При операции на Елизаветовку, сохраняя старый порядок движения, решительным ударом отрезать пути отступления противнику на Ново-Николаевку и Елизаветовка-Екатериновка (что по тракту Мелитополь-Каховка). Начальнику команды пеших разведчиков, находясь в оперативном подчинении 2 батальона, освещать участок перед фронтом полка. Начальнику команды связи вслед за передовыми частями установить телефонную связь Веселое-Елизаветовка. Обозам штаба полка, перевязочному отряду, комендантской команде двигаться сзади полка за 3 версты под руководством коменданта полка тов Андрианова. Начальнику полковой пулеметной команды, являясь прикрытием артдива, быть в оперативном подчинении тов. Лапина.

Комартдиву 3 тов. Лапину, двигаясь за полком с вверенным ему дивизионом, огнем артиллерии содействовать занятию полком с. Веселое и Елизаветовка, в нужных случаях доводя его до ураганного. Комбатам 1, 2 и 3 и начальникам конной и пешей разведок при операции действовать быстро и энергично помня, что деморализованный противник на активное противодействие неспособен. Слева на Рахмановку ведет операцию 269 полк вправо на Равингоф ведут наступление части 88-й бригады, с которыми комбатам 1 и 2 установить связь".

В 20 часов 30 октября части полка выступили из села Тимошевки для выполнения указанного приказа. Команда конных разведчиков, как часть авангарда полка, без боя заняла Серые хутора (что 7 верст восточнее села Веселое). Из Серых хуторов команда повела разведку на село Веселое, сотня же выделилась для выполнения своей прямой задачи. Обход ею села Веселого, согласно приказа не удался, так как при подходе к указанному району, сотня была встречена сильным ружейным и пулеметным огнем противника и ей пришлось отойти на фланги полка. Заняв исходное положение и имея перед собой команду пеших разведчиков, полк пошел с 2 батальонами в наступление, держа 3 батальон уступом за левым флангом.

Ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь противника усилился большими силами кавалерии противника, которая бросилась в обход левого фланга полка. Благодаря темноте своевременно этот маневр не был замечен и левый фланг полка был смят и потеснен; батальоны отбросили кавалерию противника с большим уроном обратно в село и на ее плечах части полка ворвались в с. Веселое. Через некоторое время после упорных уличных боев, село Веселое было занято полком. В этом бою захвачено одно орудие, отбиты пленные красноармейцы 23-й дивизии, взято некоторое количество во-

енного имущества и пленные. По выходе полка из села и занятии позиции на окраинах такового, разведкой было выяснено, что части противника отошли на Елизаветовку. За темнотой численность его установить точно не удалось, из опросов же пленных выяснилось что село Веселое занималось 2-й Донской кавалерийской дивизией.

В 7 часов 31 октября полк выступил для выполнения операций на д. Елизаветовку, развернувшись в боевой порядок. В 4 верстах от Елизаветовки полк под артиллерийским огнем противника пошел в наступление, имея на флангах, для обеспечения таковых, полусотни конных разведчиков. По наступающим цепям полка противник открыл ураганный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. С юго-западной окраины д. Елизаветовки показались густые колонны кавалерии, пытавшейся обойти правый фланг полка, но соединенным огнем артиллерии маневр был остановлен. Тогда противник стал совершать более глубокий обход. Для ликвидации такового командиром полка были запрошены две роты 268 полка, находившиеся в селе Веселом.

Противник при поддержке артиллерийского сильного огня пытался несколько раз бросаться в атаку и смять пехоту полка, но красноармейцы стойко дрались и метким ружейным огнем отбивали все его атаки. Одновременно с обходом правого фланга противник повел глубокий обход и левого фланга полка. Ввиду пересеченности местности, главные силы обходной колонны противника обнаружить своевременно не удалось. Обход был обнаружен только в то время, когда левый фланг обходной колонны был в 4-х верстах от села Веселого. Всеми главными силами своей правой обходной колонны, при поддержке убийственного артиллерийского огня, противник бросился на артиллерию полка и вместе с тем перешел в общее наступление и новый обход правого фланга полка. Для парирования обхода фланги полка были загнуты, но произвести надлежащее маневрирование помешала стремительность наступающей кавалерии. Обрушившаяся лавина противника смяла артиллерию и не задерживаясь в тылу флангов бросилась на пехоту, отрезав ей все пути отхода.

Выхода не оставалось, как биться только до последнего патрона или же сдаться. На предложение противника о сдаче полк отвечал дружными залпами и заставлял противника держаться на почтительном расстоянии. Патроны иссякали; подача их прекратилась. Кавалерия противника то там, то здесь стала врываться в цепь. Разрезанный на части полк продолжал защищаться сначала ротами, а затем отдельными

группами. Но вскоре эти группы расстреляли последние патроны и стали падать под ударами сабель, частью брались в плен и только незначительному количеству одиночным порядком удалось вырваться.

Это была битва, где орлы седого Урала и далекой Сибири предпочитали смерть, чем сдачу в плен и умирали, стреляясь сами. Это было поражение, но оно показало бессмертный пример мужества, революционной храбрости при выполнении ответственной задачи. Полк в течение 6 часов задерживал огромные силы противника, состоявшие из Кубанской и Донской дивизий, 2 кавалерийского корпуса, которые превосходили численность полка более, чем в 10 раз, и этим дал возможность подошедшим другим частям Красной армии уничтожить противника.

Потери полка в этом бою выразились: комсостава убитого 20 человек, ранеными 3 человека, без вести пропавших 3 человека; красноармейцев, убитыми 112 человек, ранеными 137 человек, без вести пропавших 137 человек. Потери противника, по сведениям пленных, выразились в массе убитых и раненых и в убыли громадного количества конского состава, что заставило противника думать, что в этом бою дралась вся 30 дивизия.

Пленные красноармейцы полка были отбиты частями 2 конной Красной армии совместно с 265 и 268 полками.

После вышеуказанного боя полк был оставлен в селе Веселом на формирование, так как красноармейцы были совершенно раздеты и разуты. 2 ноября состоялись похороны погибших героев в бою под д. Елизаветовка. Часть их была похоронена в селе Веселом на юго-восточной окраине такового, а часть в селе Елизаветовка (близ Мелитополя).

9 ноября, не закончив еще формирование и не получив обмундирования и снаряжения, часть полка в 23 часа выступила из Веселого по маршруту: село Веселое-Елизаветовка-Каменка-Петровка-Рождественская для присоединения к своей бригаде. 17 ноября, получив обмундирование и пополнившись добровольцами из врангелевцев и бывших пленных красноармейцев из села Веселого, оставшаяся вторая часть полка выступила на соединение с полком. 15 ноября первая часть полка была уже в городе Феодосии и расположилась там по квартирам. 23 ноября первая часть полка выступила из Феодосии в город Симферополь и 24 ноября соединилась со 2 своей частью в городе Карасу-Базаре. В это время весь Крымский полуостров был уже окончательно очищен от белой армии барона Врангеля.

26 ноября, вследствие контрреволюционного выступления отряда Махно, принимавшего участие в Крымской кампании совместно с красными частями, полку было приказано разоружить и взять всех махновцев, находящихся в городе Симферополе. Устроенная полком с участием других частей облава дала блестящие результаты.

22 декабря полку было приказано из города Симферополя перейти в район Мелитопольского уезда в село Астраханку. 29 декабря полк прибыл в село Астраханка, перейдя затем вскоре в Ново-Васильевское. С этого момента полку пришлось принять самое активное участие по борьбе с бандитизмом, в результате чего банды Махно потерпели окончательное поражение.

11 мая согласно приказа бригады, полк перешел в село Ново-Николаевку, Гуляй-Польского уезда, Запорожской губернии. Весь этот район кишел крупными и мелкими бандами, так как представлял излюбленное место и базу Махно, почему и здесь полку пришлось немедленно приступить к уничтожению и вылавливанию бандитов и укреплению советской власти.

Так, 27 мая в районе Цветные хутора летучим отрядом полка была уничтожена банда Шкоды, численностью до 50 сабель, при чем в ликвидации этой банды было захвачено несколько лошадей, повозок и одна тачанка. Бандиты в этой операции оказывали жесточайшее сопротивление. Летотряд полка потерял убитыми начальника 3 батальонной пулеметной команды тов. Серебрякова и помощника командира 7 роты тов. Сандалова, которые, будучи в разведке с 10 человеками, вступили с бандой в бой и дали возможность летучему отряду окружить ее.

Так закончил свои боевые действия 270-й Белорецкий полк, впоследствии (в декабре 1921 года) влившийся в сводный 268-й учебно-кадровый стрелковый полк, а затем переименовавшийся в №-й Уральский стрелковый полк.

Бегло подводя итоги проделанной работы, боев, походов 270 Белорецкого полка и проявленной беззаветной храбрости и мужества его доблестных участников с врагами советской республики всех мастей и оттенков, можно с гордостью сказать, что сыны Южного Урала оправдали надежды революции, которая не забудет своих героев.

Б. ад'ютант 270-го стр. полка *Обухов.*

ИЗ БОЕВОГО ПРОШЛОГО БЕЛОРЕЦКОГО ПОЛКА

Я до 1915 года работал на Белорецком и Тирлянском заводах, в 1915 г. был мобилизован в ряды царской армии, где находился до 1918 год.

Вернулся в марте 1918 года в Тирлян. Вблизи Тирляна свирепствовала Дутовская банда. Отдохнув несколько дней, я добровольцем поступил в ряды боевой дружины, где был избран командиром взвода. Командиром дружины был Абоимов, Творогов. В это время партийным руководителем на территории Белорецкого района был Точиский, организаторами боевой дружины при Тирлянском заводе были — Ульянов, Абоимов, Апрелкин, Сударев, Творогов. Партийным организатором в Тирляне был Оглоблин Ал. Як.

В мае 1918 года были мобилизованы солдаты, специалисты старой армии в ряды Красной гвардии и мы сопровождали этот отряд для вооружения в город Уфу под командой Творогова и Тюрина. В Уфе вооружились и срочно, по приказу командующего Уфимским фронтом, под командой т. Туманова были брошены на Златоустовский фронт. Не доезжая до Златоуста, на ст. Усть-Катав наш отряд был разбит чехословаками и русскими белогвардейцами. Нам пришлось опять отступить под командой тов. Туманова на территорию Белорецк-Тирлян.

В июне в Тирлянском заводе нас внезапно накрыли белоказаки и заняли Тирлян. Нам пришлось скрываться несколько часов в Тирляне. Я в это время сумел ночью, переодевшись в штатскую одежду, побыть на митинге у белогвардейцев и, услышав речи о том, что они хотят перевешать всех партизан, я предупредил своих товарищей. Пришлось известить всех этой же ночью и наметить сборный пункт в горах, вблизи Тирляна. Рано утром мы под выстрелами белогвардейских постов утекли из Тирляна в намеченный сборный пункт, где в этот же день собралось до 30 человек партизан с разным оружием, в разном обмундировании. Там были: Шердюков П. С., Балбеков С., Шубин П. И., Малахов Егор, Горячин П., Зимин Алексей, Бодров А., Балбеков П. и другие.

Двинулись мы от реки Тирлян по направлению к Белорецку, где были красные отряды Творогова, для соединения с ним. Вместе с этими отрядами в ночь пошли в наступление на Тирлян и к вечеру 7 июня очистили Тирлян от белых, несмотря на то, что в нашем отряде (Мамыкина и Творогова)

было всего 200 бойцов, а у противника было три полка конницы и полк пехоты. Противник был выгнан из Тирляна и отступил на Верхне-Уральск.

После того, как мы выгнали противника из Тирляна, нам донесли, что восстали чехо-словаки и вместе с тирлянскими белогвардейцами идут на Тирлян.

Простояли несколько дней в Тирляне; к нам в отряд вступило много рабочих и был сформирован батальон с количеством бойцов 300 человек, командиром батальона был назначен Медведков, Яков Данилович. С половиной батальона мы двинулись на броневике по направлению к Верхне-Аршинскому руднику — 21 километр от завода Тирлян, где встретили броневик чехо-словаков и белогвардейцев Тирляна, и завязался бой.

Под командой Медведкова и Творогова мы с ожесточением бросились в штыки. Здесь пал жертвой наш славный командир Медведков, командир отделения моего взвода Горячин Федор и другие.

Нам пришлось отступить на Тирлян. Продержавшись одни сутки, нами был получен приказ из Белорецка, от Блюхера — отойти от Тирляна и соединиться с красными отрядами Блюхера и Каширина, которые находились в Белорецке. Там был организован полк, куда влилась наша тирлянская рота. Командир полка был Пирожников. Под напором противника мы стали уходить из Белорецка по направлению к Уфе.

Под ст. Иглино противник уже нас ждал и со всей яростью бросился на нас, но при помощи кавалерии Каширина мы, без припасов и обмундирования, имея по одной обойме патрон, сумели белых разбить и стали двигаться по направлению к регулярной Красной армии. В бою под Иглино мы потеряли лучших бойцов — командира взвода Нестерина Ивана, Шилкина, Цыброва, Губанова и других. Нам пришлось еще выдержать жестокое сопротивление белогвардейцев и чехо-словаков на реке Уфимке. Через Уфимку сделали мост за 24 часа, длиною 36 сажен, и под обстрелом противника переправились ночью через Уфимку. Белые встретили нас под селом Быково. Мы стойко выдержали наступление противника и разбили его, забрав в плен 300 с лишним человек, 4 орудия, 12 пулеметов, 40 тысяч патрон и 25 подвод со снарядами.

В селе Быково нам сообщили, что находятся недалеко регулярные части Красной армии. Мы стали двигаться по направлению на Кунгур, Пермской губернии, где соединились с регулярной Красной армией.

Вскоре получили боевой приказ выступить на позицию. Под станцией Шали, Пермской губернии мы сломили сопротивление противника и потеснили его к городу Глазову, Вятской губернии, но белые перешли в контр-атаку и 270-му Белорецкому полку пришлось отступать.

После этого полк был снят с позиции на формирование в город Вятку, где мы пробыли до мая 19 года. Эти дни были самыми решающими для молодой советской республики, так как вся Красная армия была окружена и находилась в огненном кольце, враг приближался к Москве, Казани и Вятке. В Вятке было подготовлено белогвардейцами и буржуазией восстание. Мы в это время были в городе Слободском и получили приказ ликвидировать восстание, что нами было выполнено

Наш полк получил боевой приказ — выступить на позицию. Перед отправлением на фронт нас приветствовал и давал наказ представитель из Москвы тов. Стеклов. Он нам говорил, чтобы мы дали сопротивление врагу и мы здесь давали клятву, что этот долг мы выполним. Свое обещание с первого же боя мы начали выполнять: под городом Глазовым сломили сопротивление белогвардейцев и погнали их по направлению к реке Каме.

Под селом Мелегурином, Вятской губернии упорно сопротивлялась третья штурмовая Енисейская бригада противника. С помощью Красногусарского полка мы оцепили противника, ему в тыл зашла рота Белорецкого полка, которая дала нам сигнал и под командой тов. Пирожникова, который бежал в цепи и кричал: «полк, вперед, ура!» — полк пошел в атаку. Враг бросил позицию и стал отступать в глубь Урала. В этом бою мною вместе с одним 12-летним партизаном были захвачены у противника два пулемета.

На реке Тобол белые укрепили позицию, стянули большие силы. Бой длился несколько суток — белогвардейцы были разбиты и стали отступать дальше.

7 сентября наша дивизия получила приказ о переброске на врангельский фронт. Прибыв через несколько суток на южный фронт, в город Полтаву, наши части стали двигаться по направлению к Таврической губернии и Крыму. В 20 числах сентября наша дивизия начала теснить противника в глубь Крыма. Не доходя до Чонгара, 270-й Белорецкий полк, сломив сопротивление противника, занял несколько сел. Под селом Веселым и Елизаветовской Белорецкий полк был взят в кольцо врангельской дивизией и тут пало много красных

командиров и бойцов. Здесь был убит командир третьей роты Маслеников и ряд других товарищей.

Я бился до конца со своим взводом и, когда не стало бойцов и противник бросился в контр-атаку, был захвачен в плен, где находился несколько часов. Перенес ряд пыток, был назначен к расстрелу вместе с начальником пулеметной команды Хлесткиным Иваном, Целойпевым А. и другими товарищами, фамилии которых не помню. В то время, когда нас белые повели на расстрел, при выходе на окраину села Елизаветовки, послышались выстрелы конницы Буденного, спешившей к нам на выручку, и мы бросились ей на встречу; вдогонку ряд товарищей белыми был зарублен и расстрелян — все же нас несколько человек сумело скрыться: я, Хлесткин и другие. Налетела конница Буденного в Елизаветовку и очистила ее от белых, забрав в плен часть врангельской кавалерии и освободив бойцов 270-го полка.

Вооружившись и сформировавшись, остатки Белорецкого полка стали двигаться ближе к Перекопу, к Чонгарскому мосту. У Перекопа бой продолжался несколько суток. Остатки нашего полка приняли героическое участие в этих битвах вплоть до Феодосии.

В 1921 году наш полк был переведен из Феодосии в Симферополь, где разоружал махновцев и другие банды. После этого через месяц полк расположился в селе Астраханке около Мелитополя.

В марте 1921 года наш полк получил приказ — часть квалифицированных рабочих демобилизовать для восстановления промышленности, и под моей командой было послано 30 человек рабочих Тирлянских и Белорецких заводов на трудовой фронт восстанавливать разрушенное хозяйство.

А. Лахмистов

26 мая 1932 г.

КАК ОРГАНИЗОВАЛСЯ КРАСНОЯРСКИЙ ШТАБ.

В конце 1917 года и начале 1918 года, когда солдаты старой армии возвращались домой с фронта империалистической войны, в глухом углу Уфимской губернии, Стерлитамакского уезда, в районе реки Белой и устья Зилима, в деревнях Карагаево, Красный Яр, Покровка и др. группировались оставшиеся в живых сыны этих деревень.

Они были уже не те, какими вышли из деревень три года назад, — они знали, что империалистическая война не дала ничего и оставаться в этом положении нельзя, что дело не окончено.

В феврале месяце 1918 года учитель одной школы этих деревень созвал собрание. На собрание явилось большинство фронтовиков и тут они, вместо обсуждения школьных вопросов, взялись обсуждать наболевшие вопросы — за что воевали, что мы имеем на сегодняшний день? Говорили, что необходимо организовать штаб народного вооружения и продолжать борьбу с внутренними врагами — поповщиной и кулачеством, но договориться на этом собрании не могли, — некоторые были согласны приступить сейчас же, а некоторые колебались и не знали как поступить. После этого собрания кулачество повело агитацию против организации штаба.

Вскоре после первого собрания возвратился с фронта еще один солдат, Слободин Максим, который, как более развитой и энергичный, быстро сообразил, как нужно начать дело. Он организовал, а впоследствии, по решению общего собрания этих фронтовиков —возглавил этот штаб. В таких условиях и создался так называемый Краснояровский штаб народного вооружения.

Начиная свою деятельность, штаб имел по списку до ста пятидесяти добровольцев, но—нет оружия; нет опытных канцеляристов, работать трудно.

Начинаем искать помощи, связались с Красноусольским штабом, который в то время был под руководством братьев Зуловых, Василия и Петра, но от них получить много было нельзя, так как Красноусольский штаб сам во многом нуждался.

Позднее мы связались с Уфимским губернским штабом, который в то время возглавляли Каломцев Эразм и Туманов Иван. Отсюда кое-что получили (а главное — получили винтовки) и в дальнейшем вели с ним тесную связь.

В мае месяце Уфимским штабом была организована первая школа комсостава под руководством нач. школы Сулима-Грудовского.

Из нашего штаба общим собранием бойцов были выдвинуты в эту школу Ипатов Д., Хрипунов Г. и Булатов Иван, с надеждой, что будут свои командиры, но учиться было некогда, так как чехи уже заняли Самару и направлялись на Уфу, а преподаватели были старые офицеры и один по одному разбегались.

Чехи продолжали наступать на Уфу. Уфа начала разгружаться, оружие направляли по реке Белой до Красноусоль-

ского завода и в Бирск. Перед захватом Уфы чехами штаб готовился отступать, а красноярские бойцы возвратились в свой штаб.

Перед занятием Уфы чехами, в Архангельском районе произошло восстание кулачества, кулаки пошли в наступление на Архангельский штаб. Красноусольский и Красноярский штабы выступили на подавление этого восстания, в результате боя Архангельский завод был сожжен.

С трудом, но без больших потерь, восстание было подавлено.

После занятия Уфы чехами положение с каждым днем становилось опаснее, кольцо, в котором находился этот район, все сжималось.

Среди бойцов нашего штаба, которых у нас было 300 человек, началось колебание — куда деваться, как быть? Уфа занята чехами, левый берег Белой от Уфы до дер. Саксуля занят белыми. Выход для красноярцев был только один — отступать в горы, по направлению к Белорецку, но как отступать, ведь в штабе было всего 300 человек? Кроме того, не было известно, кто в Белорецке — белые или красные. О существовании отрядов Блюхера и Каширина мы совершенно не знали. Бойцы задумались, целыми днями обсуждали вопрос: как быть дальше?

Точно в таком же положении находился и Ахметский небольшой штаб, который возглавлял в то время тов. Лантух.

Красноярцы крепились, более крепкие успокаивали слабых. Однажды утром приезжает из Архангельского штаба ординарец с пакетом, в котором было приглашение красноярцев на совещание. Долго думать было некогда, быстро выдвинули красноярцы своих представителей — Ипатова Д. и Хрипунова Г., которые вместе с нарочными поехали в Архангельский завод, в резиденцию Архангельского штаба. На совещании товарищи из Архангельского штаба Барышев и Данберг ставят вопрос о том, что они хотят забрать оружие, которое красноусольцы спрятали в лесу, мы на это не согласились — не потому, что мы не доверяли Барышеву и Данбергу, а опасались, чтобы это оружие не попало в руки недавно восставшим контрреволюционерам Архангельского района. Из-за этого оружия на совещании сильно поспорили. Но рассуждать долго было некогда, ибо посты отовсюду сообщают, что на переправах через Белую показываются белые, местами вступают в перестрелку. Мы быстро вернулись обратно, информировали свой штаб о положении дела, сменили лошадей, взяли еще одного всадника и в 12 часов ночи поехали в Красноусольск узнать — в каком положении дело у них.

Руководителей этого штаба братьев Зудовых мы не нашли. В помещении бывшего штаба мы встретили Михаила Калмыкова, которого информировали о намерении Архангельского штаба и высказали свое опасение о передаче им оружия.

Калмыков нам заявил, что он на утро же поставит 500 штыков. Мы обождали до 12 часов дня. Калмыков тут же открыл запись добровольцев и к 12 часам оправдал свое обещание — 500 человек записалось.

Мы спокойно возвратились в свой штаб. На пути из Красноусольска мы встретили двух всадников: это были Тумаров Иван из Уфимского штаба и Бочкарев, которые нам сообщили, что на Урале оперирует Блюхер, который будет пробираться на Кунгур и по пути зайдет за нами.

Возвратившись в свой штаб, мы сообщили об этом своим ребятам, настроение у ребят поднялось, все повеселели, стали ожидать поддержки.

В это время приезжает Данберг — узнать наше мнение о передаче им оружия. Мы подтвердили свое решение и сказали, что Калмыков ставит 500 человек, а поэтому оружие должно остаться на месте. Данберг сейчас же поехал в Красноусольск и Калмыков дал ему один пулемет. В это время уже образовался фронт от Архангельского завода до Красноусольска. Мы занимали оборонительную позицию по правой стороне реки Белой и ежедневно отбивали наступление противника, пытавшегося переправиться через Белую.

Положение с каждым днем все ухудшалось — белые со всех сторон стали усиливать наступление. Бойцы измучились, спали не снимая винтовки, вместе с лошадьми, лошади не расседлывались. Что крепило, так это надежда, что не сегодня, так завтра должен подойти Блюхер.

Наконец, получили известие, что Блюхер пробивается на Красноусольский завод. Радостям не было конца, но долго радоваться не пришлось — Блюхера преследовали по пятам белогвардейские и чешские войска. Соединившись с Блюхером, мы перестроили свои штабы, из которых создали один полк, под названием Богоявленско-Архангельского, и три кавалерийских эскадрона и тут же стали выдерживать сильные атаки противника.

Снявшись с своего района, мы двинулись по направлению на ст. Иглино С.-Злат. ж. д. Когда мы стали переправлять свои последние части через реку Зилим, белые повели сильное наступление. Перебравшись через реку Зилим, мы вынуждены были принять бой, т. к. передние части подошли к реке Сим, а там нас также встретили белые, не давая перепра-

виться. Завязался бой, начиная от с. Зилим и до с. Бородино и продолжался три дня. Эти три дня мы были окружены с трех сторон, нельзя было двигаться вперед и нельзя отступать назад. Бой закончился в нашу пользу — мы сбили противника на реке Сим и стали переправлять войска, а на реке Зилим сдержали тяжелый натиск. В процессе боя были сожжены село Зилим и село Бородино.

Были у нас убитые и раненые. Лазареты были на телегах и при быстром иногда передвижении создавали невыносимые страдания раненым. Из нашего штаба в бою под Зилимом мы потеряли убитым своего начальника штаба Слободина. В дальнейшем бои были на реке Инзер, ст. Иглино, река Уфимка, в районе дер. Старо-Кулево. Бой на реке Уфимке также был тяжелый: нас теснили к Уфимке и не пускали переправляться, но стойкость и мужество бойцов решили этот вопрос, мы сумели сбить белых с правой стороны Уфимки и захватить большое количество пленных. Пленных обезоружили и пустили кто куда хочет. Многие из них взяли винтовки и пошли с нами.

В Кунгуре мы соединились с советскими войсками, оттуда и повели наступление на Сибирь, сметая по пути колчаковские банды.

Красный партизан *Д. Ипатов.*

ОТСТУПЛЕНИЕ КРАСНОУСОЛЬЦЕВ С ОТРЯДОМ БЛЮХЕРА.

В феврале 1918 г. началось восстание Оренбургского и Уральского казачества. На долю Уфимского штаба боевых организаций выпала задача организации борьбы с надвигающейся контрреволюцией. В марте месяце была объявлена мобилизация 50 проц. боевых дружин Уфимской губернии.

Красноусольский (Богоявленский) завод послал на борьбу с Дутовым 770 своих бойцов-дружинников под командой Калмыкова М. Еще не был разбит Дутов, как на сцену выступили чехи.

По распоряжению нач. боевых дружин Уф. губ. т. Калмыкова Эразма в Красноусольский завод было отправлено много боевого снаряжения (обмундирования, оружия, много пулеметов), полученного по поручению Губ. штаба т. Зуевым в Казани.

С получением такого количества снаряжения и оружия, Красноусольская организация сумела вооружить не только рабочих завода, но и значительную часть крестьян. Полковник Махин, заместивший т. Кадомцева ввиду его болезни, человек очень подозрительный, сделал попытку вернуть отправленное оружие и снаряжение обратно в Уфу, а Красноусольский штаб и прибывший в то время с Оренбургского фронта наш отряд, в количестве 600 ч., под командой т. Калмыкова, снять и подчинить их себе. Этот замысел был своевременно разоблачен и красноусольцы были предупреждены, чтобы не трогаться с места, так как это была провокация со стороны полковника Махина, который потом перешел к чехам.

С падением Стерлитамака и несколько позднее — Уфы, в июле наш Красноусольский завод, вооруженный до зубов, занимал своими отрядами правую сторону реки Белой, от Ст. Петровска до Архангельского завода — расстояние до 100 км.

Так продержались мы больше месяца. Завод работал бесперебойно и представлял военный лагерь: рабочие были вооружены и носили красногвардейскую форму, с винтовками выходили и на работу; крестьянин ехал в поле с винтовкой и боевыми патронами.

Угроза наступления была со всех сторон, так как мы были в тылу у белых. В «девятую пятницу» 1918 г. мы не пустили «явленную табынскую икону божьей матери» на соленый ключ. Чувствуя, что не сегодня-завтра мы должны оставить завод, религиозные фанатики и кулаки большого села Табынска во главе с попами повели форменное наступление с хоругвями и иконой на завод, чтобы прийти на «святое местечко». Это им не удалось.

В то время в Белорецком заводе стоял отряд под командою т. Блюхера и бр. Кашириных. Связавшись с ними, мы рекомендовали им соединиться с Красноусольским отрядом. У красноусольцев было достаточно боевых припасов, которые почти отсутствовали в отряде Блюхера. Через неделю части Блюхера соединились с красноусольскими частями в самом Красноусольском заводе.

При проходе частей т. Блюхера через Макарово и Петровск, со стороны Стерлитамака белыми были высланы заградительные отряды, но при появлении частей отряда Блюхера они быстро скрылись обратно.

В Красноусольском заводе соединившиеся отряды простояли трое суток. Боевые единицы были переустроены, из Красноусольского отряда были организованы новые полки: Бого-

явленский и Архангельский. Первый под командой тов. Калмыкова М. и второй — под командой Данберга (латыши Архангельского завода).

Во время стоянки был созван военный совет для решения вопроса о дальнейших действиях. Одни говорили надо наступать, обезвредить для красноусольцев Стерлитамак, а потом итти левым берегом реки Белой на Уфу. Другие говорили, что надо оставаться здесь и действовать отсюда. Большинством голосов было принято предложение т. Блюхера и Ивана Каширина: итти по направлению — Архангельский завод, Иглино, Бирск и Николо-Березовка, где соединиться с Красной армией, не заходя и не тратя силы и патроны ни в Стерлитамаке, ни в Уфе.

На другой день решение совета было перенесено на рабочее собрание, где единогласно было решено соединиться с центральными войсками по плану Блюхера.

Красноусольцы были опечалены, ибо знали, что по уходе из завода боевых частей их семьи подвергнутся жестоким преследованиям со стороны контрразведки, но сознавая важность момента — они не возражали против отступления на Иглино для соединения с центральными войсками и говорили: — Не победим контрреволюционеров, не сдобровать и нам...

Из завода ушли с винтовками, оставив свои семьи, около 3000 ч. Были семьи, из которых ушли с отрядом Блюхера по 3-4 ч., как например семьи Опариных Никанора и Степана, Рябова, Маркелова и др.

Историческая дата отступления Блюхера из Красноусольского завода — 16 августа 1918 г. Не успел еще арьергард отряда выйти из северной части завода, как с южной стороны уже наступали белые банды и около церкви и самого завода завязалась перестрелка. Завод был занят белыми.

Красноусольский совет отправился впереди воинских частей по Табынско-Буранской дороге, а отряд т. Блюхера пошел по кулгановской дороге, что нарушило план отступления. После первого же ночлега отступавший совет, не имея около себя воинских частей, был отрезан белыми бандами. Часть канцелярии и кое-какого другого имущества совета были захвачены. Работникам совета, в том числе и мне, удалось скрыться и в течение 3-4 месяцев, до прихода в декабре красных частей, пришлось жить нелегально в тылу у белых.

При вступлении в завод белых банд начались насилия над женщинами, грабежи, аресты, избиения. В первую очередь подверглись избиению и ограблению семьи красных партизан.

Обещание директора завода, меньшевика Пунга, о сохранении семей ушедших, данное им рабочим, оказалось обманом.

Большевик с 1905 года Калашников С. С., оставшийся в заводе ввиду болезни туберкулезом в 3 стадии, по указанию директора был расстрелян. Расстреляны были и другие большевики, которые слепо доверялись обещаниям меньшевика Пунга — Козловсков Петр, Казаринов Алексей, Шуфин Николай, Мальтон Мартын и Курбатов Семен. Избиение происходило в школе под звуки музыки, которая заглушала крики и стоны избиваемых. Многие рабочие были арестованы и сосланы в Сибирь: Птицын, Касимовский, Ипатов, Перфильев, Козлов, Гренер и др. Часть арестованных была отправлена в стерлитамакскую тюрьму, часть оставлена в Красноусольске, в том числе и моя семья, которая находилась под арестом две недели.

При отступлении Блюхер наделил все краснопартизанские семьи мануфактурой, одеждой, бельем, которое затем досталось целиком контрреволюции и было вывезено из Красноусольска. Сотни подвод с вещами, отобранными у семей партизан, направлялись в штаб разведки белых банд в Стерлитамак. Расправа контрреволюции над семьями партизан проходила под руководством и по указанию местных властей, директора завода Пунга и попа Малеева. Исполнителями были стерлитамакские главари — скупщик, крупный хлебный купец Пылаев (в 1929 г. пойман в Сибири и в Стерлитамаке по суду рабочих расстрелян), Шнейдерман Владимир (приказчик лесопромышленника в Стерлитамаке), Штанберг Николай и Виталий (лесопромышленники) и Бирюков Николай, каменщик, попавший под влияние буржуазии. Последний в 1928 г. пойман в Стерлитамаке и по суду расстрелян.

На заводе исполнителем воли реакции был рабочий, кузнец Белянов Николай Евсеевич, под кличкой «гусар», который во время Дутовского похода работал с красногвардейцами, ходил на Дутовский фронт, участвовал в скрытии в горах оставшегося оружия, патрон и снаряжения. Попав под влияние попа, Белянов не пошел с отрядом Блюхера и был использован контрреволюцией как слепая сила. Где он находится в данный момент — неизвестно (отступил в Сибирь).

Пиршествование буржуазии продолжалось недолго. 28 декабря 1918 года красные заняли Стерлитамак, а через день и Красноусольский завод.

Директор завода Пунг, поп Малеев и др. 28 декабря 1918 года бежали из завода в сторону Белорецка, забрав с собой

ценности завода, часть дорого стоящего инструмента и бухгалтерию, погрузив все это на лошадей заводского обоза.

3-го марта 1919 г. мы вынуждены были снова покинуть завод и отступить с красными частями по направлению Стерлитамак-Сорочинская, но на этот раз буржуазии долго хозяйничать не пришлось. В первых числах мая Красная армия снова заняла Стерлитамак и Уфу. Чувствуя, что белые отступают навсегда — директор завода Пуиг эвакуировал из Красноусольска все ценности, весь слесарно-токарный инструмент, французские трубки, лабораторию, весь магазин, книги и обоз в 120 лош. Поп забрал все церковные ценности и ободрал алтарь. Не осталась от них и священная икона казанской божьей матери. Надо сказать, что на ее золотой отделке не мало было и драгоценных камней.

Заканчивая свои краткие заметки, я должен сказать, что заводская организация нашей партии, ведя за собой рабочих, шла верным, намеченным 6-м съездом партии путем — путем вооруженной борьбы с буржуазией, за установление диктатуры пролетариата.

Н. Михеев

19.III—32 г.

IV. БАШКИРСКИЕ ВОЙСКА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

ОТ ИСТПАРТА

Какое огромное политическое значение придавала партия в эпоху гражданской войны делу национальных формирований Красной армии и их роли в защите советской республики от внутренней контрреволюции и капиталистической интервенции, в частности, формированию башкирских частей и их участию в обороне Петрограда от Юденича в 1919 году,—видно из приводимой ниже телеграммы В. И. Ленина Башкирскому Ревкому.

ТЕЛЕГРАММА

СТЕРЛИТАМАК БАШКИРСКОМУ РЕВКОМУ

Из Москвы № 2529-861

Принята 11-IX го 1919 г.

от Уфы № 9 *Подана 9-IX-го 11 ч. 35 м.*

Принял (подпись).

СЕЙЧАС, КОГДА РЕШАЮЩИЕ ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ НА ВОСТОКЕ ОБЕСПЕЧИЛИ СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА, РЕШЕНИЕ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ О ПЕРЕВОДЕ НЕКОТОРЫХ БАШКИРСКИХ ЧАСТЕЙ В ПЕТРОГРАД ПРИОБРЕТАЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. ХИЩНЫЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ, УВИДАВ, ЧТО, ПРОБУЖДЕННЫЕ НАРОДЫ ВОСТОКА ПОДНЯЛИСЬ НА ЗАЩИТУ ЦЕНТРОВ ПРОЛЕТАРСКОЙ ...[1]) В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ОБЕСПЕЧИТ ТЕСНУЮ СВЯЗЬ И ВЗАИМНОЕ УВАЖЕНИЕ В ДУХЕ КОММУНИЗМА. ВЫРАЖАЮ ГЛУБОКУЮ УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ, ЧТО БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ВСЕ ПЕРЕДОВЫЕ ТОВАРИЩИ БАШКИРЫ ПРИЛОЖАТ ВСЕ УСИЛИЯ К ТОМУ, ЧТОБЫ ПЕРЕБРОСКА БАШКИРСКИХ ЧАСТЕЙ БЫЛА ПРОВЕДЕНА В КРАТЧАЙШИЙ СРОК И С НАИМЕНЬШИМ ОБРЕМЕНЕНИЕМ ДЛЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА. ПРОШУ ПЕРЕДАТЬ БРАТСКИЙ ПРИВЕТ КРАСНОАРМЕЙЦАМ—БАШКИРАМ.

ПРЕДСОВНАРКОМА *ЛЕНИН* 861.

С подлинной верна:

Секретарь Башвоенревкома

---

[1]) В имеющейся копии телеграммы—пропуск. *Ред*

БАШКИРСКИЕ ЧАСТИ В БОЯХ ПРОТИВ ДЕНИКИНА И ЮДЕНИЧА

Во время формирования красногвардейских отрядов в декабре месяце 1917 года я добровольно вступил в ряды Красной гвардии и участвовал в боях против контрреволюционного казачества и чехо-словаков в районе города Троицка Уральской области в должности командира десятка и пом. командира сотни.

В бою под городом Троицком, в числе 43 человек, нас окружили и обезоружили чехо-словаки. Мы были отправлены в числе 160 человек (в этом числе были и военнопленные мадьяры), под усиленным конвоем в город Челябинск, где находились под стражей в лагере военнопленных.

В конце августа, в момент отправления башкирских частей из Челябинска в гор. Оренбург, в распоряжение Дутова, я и красногвардейцы т. т. Шамо и Ян (мадьяры), устроили побег и с башкирскими частями уехали в Оренбург. Товарищи, освобожденные раньше нас, помогли нам скрыться и уговорились не выдать нас. Около Оренбурга среди своих товарищей мы скрывались до января месяца и в январе 1919 года около города Каширинска (между Оренбургом и городом Стерлитамаком) явились в числе 11 человек красногвардейцев в местный совет и были отправлены в гор. Стерлитамак в распоряжение Укреппункта, где мы служили в местном красногвардейском отряде. По прибытии в Стерлитамак 20 Пензенской дивизии наш отряд, в числе 57 человек, был передан в распоряжение дивизии, и я был зачислен для поручений при командире 1-го батальона 172 сов. стрелкового полка; в марте был назначен командиром роты.

Когда в феврале 1919 года башкирские войска перешли на сторону Красной армии, в селе Тоцком Бузулукского уезда начали формироваться красные башкирские части. Как национал-башкирин я по распоряжению командира был отправлен в Тоцк и зачислен командиром 1 роты 2-го стр. полка.

В БОЯХ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ.

В начале июня месяца я был уже на южном фронте, в должности командира батальона.

На станции Лихачево батальон принял авангардный бой, как головной отряд бригады. Когда, благодаря прорыву флангов, наша бригада была окружена деникинской армией, батальону было приказано — до полного развертывания брига-

ды в боевой порядок, задержать наступающего противника на станции Щурино и быть в арьергарде бригады. До отхода и развертывания в боевой порядок бригады батальон 22 июня 1919 года под станцией Щурино принял арьергардный бой и задержал на продолжительное время (до получения приказания об отступлении) наступающего противника в составе одного пехотного полка и одного эскадрона, и тем самым дал развернуться в полный боевой порядок всему участку нашей бригады. Разобрав и разрушив жел.-дор. линию, батальон присоединился к своим частям.

На ст. Мерефа наша бригада опять очутилась в кольце. Соседние части — справа и слева — отступили в Харьков без особого сопротивления. Во время ожесточенного боя с далеко превосходящими силами противника, наша бригада вынуждена была отступить по двум направлениям: Мерефа — Люботин и Мерефа — Артемовка — Комаровка — Покатиловка.

Батальон расположился на станции Покатиловка (в 10 клм. от Харькова). Потеряв всякую связь со своей бригадой, мы связались по прямому проводу непосредственно со штабом обороны, расположенным в Харькове, и получили приказание обороняться. Из Харькова в помощь нам был выслан бронепоезд. Днем 24 июня 1919 года усиленная атака кавалерийских частей противника нами была отбита и при помощи бронепоезда противник был рассеян.

За отсутствием огнеприпасов мне пришлось отобрать последний запас патронов у бронепоезда, о чем я поставил в известность штаб обороны, но последний вместо патрон выслал нам вагон старого железа; впоследствии выяснилось, что аналогичные случаи были и с другими полками нашей бригады[1]). Бронепоезд, за неимением огнеприпасов, отправился в Харьков. Ночью на 25-е июня во время ожесточенного боя почти полсостава батальона было уничтожено и мне с большим трудом удалось вырваться с двумя ротами и отойти на Харьков. В Харькове явился в штаб обороны и доложил о происшествиях на ст. Покатиловка. Меня очень удивили действия Штаба Обороны Харькова, в частности, бывш. полковника Березовского — он вел себя, как-будто ничего не было, тогда как Харьков был окружен противником и необходимо было принять срочные меры для защиты города. Не получив никакого распоряжения от Штаба Обороны, я расположился в двух километрах от Харькова и держал связь с рабочей гру-

[1]) См. об этом же в статье т-ва Як. Кальметева: „На Южном фронте". *Ред.*

жиной и коммунистическим отрядом, расположенными в окрестностях Харькова.

Удержать бешено наступающего противника, при явной измене Харьковского Штаба, было невозможно. Мы с малочисленными отрядами и рабочей дружиной оказались в кольце.

Когда к вечеру батальон, отступая, проходил по опустевшим улицам Харькова, из окон некоторых домов по нас стреляли из револьверов, винтовок, бросали бомбы и обливали кипятком, выбив из строя 4-х человек и поранив 2-х лошадей. Возмутившись подобной наглостью, бойцы зашли в дом, откуда была брошена граната, и расстреляли 3-х человек, из которых один был казачьим офицером.

Ночью небольшой кавалерийский отряд противника занял опустевший город. В этот момент батальон еще находился на ст. Харьков. Получив от конных разведчиков сведения о прибытии в город кавалерийских частей противника, мы поспешили забрать из своего эшелона боеприпасы и приспособив имеющиеся двуколки успели скрыться в густой зелени дачных мест. В пути, ввиду продвижения по густому лесу и без дороги пришлось двуколки оставить; сколько было возможно, приспособили верховых лошадей под вьюки, но большинство боеприпасов красноармейцы несли на себе. Посменно несли пулеметы.

Таким образом три дня мы бродили в тылу противника. На четвертый день вышли на линию ж. д. и наткнулись около ст. Ахтырки по дороге Харьков—Сумы на кавалерийский разъезд. Своим неожиданным появлением с тыла мы нанесли большой ущерб противнику и враг в полном беспорядке рассыпался по всем направлениям, оставив пулеметы и тачанки и награбленное у населения имущество. После принятия соответствующих мер по охране и послав разведку, я по прямому проводу связался с Сумами и узнал, что наша бригада расположена там. С ближайшей станции мне был подан паровоз. Погрузив батальон в вагоны, мы отправились по направлению к гор. Сумы, где и соединились со своими частями.

Надо сказать, что бойцы, несмотря на то, что несколько дней не ели абсолютно ничего, держали себя героически.

Трудно описать радость бойцов, когда они из верной гибели вырвались и присоединились к своим частям.

По приказу высшего командования, наша бригада временно расположилась на ст. Бахмач. Во время стоянки на ст. Бахмач батальон получил приказание от командования бригады отправиться для борьбы с бандитами, так как в окрестностях

Бахмача образовались бандитские шайки, под названием «зеленой армии». В борьбе с бандитизмом мы потеряли 14 человек лучших бойцов, среди них погиб старшина первой роты.

По ликвидации бандитизма мы получили распоряжение явиться с составом батальона на станцию Ромодан, где наша бригада расположилась для отдыха и ждала пополнения.

В Ромодане наша бригада была переформирована в отдельную кавалерийскую дивизию, в состав которой входили 4 полка: 2 кавалерийских и 2 пехотных. После непродолжительного отдыха, получив подкрепление, наша дивизия в конце июля месяца выступила на фронт.

30-го июля 1919 года моему батальону было приказано выбить противника, расположенного у хуторов Скоробогач и Попок (около ст. Решетка), расположиться там и вести беспрерывную разведку.

Ночью мы неожиданно напали на противника и разбили. Противник, оставив 2 пулемета «кольта» и 18 верховых лошадей, отступил.

После ряда успешных операций нашей дивизии, до этого усиленно наступавший противник, не встречая особых сопротивлений вдоль ж. д. Полтава — Решетиловка, — натькнулся на участок нашей дивизии, на стойкие части Красной армии, и был очень озадачен.

1-го августа 1919 года наша дивизия получила боевой приказ — опрокинуть противника со станции Решетиловка. После ожесточенного боя противник, под натиском нашей дивизии, при организованной поддержке соседних частей 46 дивизии т. Ленчера, — был вынужден оставить ст. Решетиловка.

Правый фланг — части 3-й бригады т. Гормановича 46 дивизии, не мог укрепиться на занесенных участках и под усиленным натиском противника был вынужден отступить, ввиду чего правый фланг, — первый боевой участок нашей дивизии, державший связь с частями 3-й бригады — тоже неожиданно отошел, и это дало возможность врагу обходить фланг 2-го боевого участка и отрезать путь отступления. Наш батальон как раз составлял правый фланг 2-го боевого участка. Было досадно, что в тот момент, когда на нашем участке противник был разбит, когда нужно было закрепить успех боя и преследовать противника, — пришлось очутиться в таком положении.

Командование дивизии, узнав, что второй боевой участок находится в кольце, выслал на выручку бронепоезд «Республиканец» и эскадрон кавалерии, под командованием храброго к-ра тов. Тихомирова (впоследствии погиб на петроградском

фронте, в борьбе с армией ген. Юденича). Благодаря поддержке бронепоезда «Республиканец» и храбрых действий эскадрона тов. Тихомирова, нам удалось прорвать кольцо и соединиться со своими частями, принеся большие жертвы: только из состава вверенного мне батальона выбыло 83 человека, из них 61 был убит, в этом числе 2 краскома, только что окончившие краткосрочные командные курсы, и 22 чел. ранены. В числе раненых был и я, но у меня рана была настолько незначительна, что вполне позволяла остаться в строю.

Также сильно пострадали остальные части 2-го боевого участка, был тяжело контужен сам начальник 2-го боевого участка, командир 2-го кав. полка нашей дивизии, т. Алишев.

6-го августа 1919 года под ст. Миргородом наша дивизия получила приказ отбросить противника, переправившегося на правый берег реки Псела и угрожающего ж.-д. узлу Ромодан, чтобы отрезать путь отступления частей 46-й и нашей дивизии.

Наше наступление было отбито врагом. Противник своим контрнаступлением начал теснить нас по всему участку. Но мы упорно оборонялись под Миргородом и три дня подряд отбивали наступление врага. Противник сделал упор на соседние части и выбил их из занимаемой позиции. Части 57-й дивизии и 114 полка 3-й стр. бригады 46 дивизии — отступили, чем дали возможность противнику занять ст. Ромодан и перерезать путь отступления нашей дивизии. Наша дивизия со всем своим штабом осталась в тылу противника, потеряв всякую связь с соседними частями.

Противник напрягал все силы, чтобы уничтожить нашу дивизию, — но командир дивизии тов. Ахлов не растерялся. Погрузив штаб дивизии и боеприпасы на подводы, руководя сам лично в прорыве кольца, повел дивизию в бой. С тяжелыми трудностями, с большим уроном наша дивизия вырвалась из верной гибели, из цепких когтей врага, — прорвав цепь гвардейских кавалерийских частей противника. Дивизия после ряда крупных и ожесточенных боев сократилась. Для того, чтобы пополнить и укрепить ее, последовало распоряжение высшего командования — из состава дивизии сформировать один сводный полк, а штабу дивизии со штабом 3-х полков отправиться в тыл для формирования дивизии заново.

НА ПЕТРОГРАДСКОМ ФРОНТЕ

19-го августа 1919 года, получив предписание о назначении меня командиром 2-го стр. полка, я отправился в Ленинград, где получил пополнение. После сформирования полк отправился на фронт против ген. Юденича и поступил в распоряжение 6-й дивизии.

Юденич усиленно наступал, части 6-й дивизии были разбиты. По приказанию начдива, из гор. Красного полк выступил по направлению м. Кипень. Кипень никем не охранялась и шоссе Гатчино — Красное село было открыто. Противник на этом участке двигался без боя к Ленинграду.

Когда 14 октября к вечеру мы прибыли к м. Кипень, нам донесли, что до прибытия нашего полка в Кипень здесь был небольшой отряд армии Юденича, — это заставило нас принять срочные меры: мы приняли полный боевой порядок и заняли оборонительную позицию.

15 октября утром противник, при поддержке броневых автомобилей и бомбардировке из орудий, начал наступать. Утреннее наступление противника после 2-х часового боя было отбито и противник был вынужден отступить. На правом участке, где была расположена часть 6-й дивизии, бой продолжался, но мы не могли связаться с соседними частями — наши связные не возвращались. По всей вероятности, эти части были сильно потрепаны, деморализованы, поэтому, не оказав большого сопротивления, продолжали отступать. Приблизительно к 14 часам противник открыл по расположению нашего участка ураганный огонь из артиллерии и соединенные силы его: пехота, кавалерия, бронечасти — усиленно наступали по двум направлениям: по проселочной дороге Перелровка — Волховец — Кипень и по тракту Гатчино — Кипень — Красное село.

Первая атака кавалерии была отбита. У нас не было артиллерии, но мы имели в достаточном количестве пулеметы и один броневой автомобиль — тоже с несколькими пулеметами. Кроме всего этого, расположение участка полка было хорошо приспособлено, все бойцы были в окопах, кроме резерва; в резерве была только одна рота, расположенная в м. Кипень.

К 16 часам противник, сгруппировав свои силы, при поддержке танка и броневых машин перешел в наступление. Не имея связи ни слева, ни справа, было трудно обороняться, так как каждую минуту можно было ожидать обхода флангов. В ожидании того, что связь будет налажена и будет послано первое подкрепление, полк продолжал удерживать свою оборонительную полосу.

3-я рота и броневой автомобиль, расположенный по трактовой дороге Гатчино — город Красный — Красное село, не могли удержать наступающего противника, в подкрепление был переброшен резерв. По благодаря тому, что фланги нашего участка были открыты и соседние части почти без боя отступили в гор. Красный, а новое подкрепление, которое предпола-

талось выслать, не было своевременно переброшено, — полк не мог очень быстро свертываться и отступать, этого не позволял еще ход боя, — и был окружен.

Положение полка усугубилось еще тем, что левый фланг, участок 3-го батальона — Волховец — Переяровка — был окружен и 3-й батальон после продолжительного боя сдался в полном составе врагу и был обезоружен. В этом позоре играл большую роль, главным образом, командир батальона — бывший царский поручик, поляк Кржеминский. Если-бы с его стороны были приняты меры, он мог-бы все-же не сдаваться так позорно, в полном составе. Комиссар батальона, очень молодой коммунист, не мог взять батальон в свои руки. Во время обезоруживания он застрелил подходившего к нему офицера и покончил с собой.

3-й батальон в мое распоряжение поступил в тот день, когда мы выступили на фронт (13-го октября 1919 года) и 15-го октября уже попал в плен.

Противник, захватив левый фланг полка, начал со всех сторон теснить 1-й батальон, где я непосредственно руководил боем. Команда конных разведчиков, пулеметный взвод и часть второй роты, посланные на выручку 3-го батальона, потерпели поражение. 1-му батальону для того, чтобы очистить путь отступления по шоссе, где броневые машины противника с соответствующим прикрытием заграждали путь отступления и кричали: «сдавайтесь», — пришлось броситься в атаку и принять рукопашный бой. Благодаря стойкости всего командного состава батальона и беззаветной храбрости красноармейцев, — ни один не сдался врагу. Под ураганным огнем броневика противника мы достигли цели: забрали два броневика, выбили пулеметчиков, посадили туда своих бойцов и заставили шоферов увезти нас. Таким образом мы могли спасти из состава 1-го батальона 237 человек. В этом бою из состава 1-го батальона погибло около 400 человек, в том числе командир 2-й роты, конной разведки нач. пулеметной команды, нач. команды связи, три командира взводов и несколько человек младших командиров. Я был ранен в кисть левой руки. Особенно много бойцов погибло, когда бросились в атаку на броневики, расположенные по шоссе, где их было четыре: два броневика были захвачены нами.

Когда мы ночью 15-го октября прибыли в Красное село, мы там встретили только одиночных бойцов. Штаб бригады и дивизии отступили на ст. Лигово. Мне пришлось 16 октября явиться в штаб дивизии и доложить обо всем изложенном. Начальник дивизии, внимательно выслушав меня, в присут-

ствии представителя Петроградского совета, об'явил полку благодарность и отметил, что полк свой боевой приказ выполнил до конца. Он ободрил меня словами: «Боя без жертв не бывает. Для того, чтобы удержать Петроград, нам еще предстоит принести много жертв, но во что бы то ни стало сломить врага, не допустить его в Петроград».

Н. А. Тагиров.

г. Бугульма, Татреспублика

КРАСНЫМ СОЛДАТАМ БАШКИРСКОЙ ДИВИЗИИ

БРАТЬЯ!

Вы пришли на защиту Красного Петрограда. Вы пришли для того, чтобы рука об руку, плечом к плечу с петроградскими рабочими отстаивать Петроград от белых разбойников.

Несколько месяцев назад под Петроградом уже стояли озверелые белые шайки. Вожаки белых банд уже надеялись, что вот-вот возьмут Петроград. Но Красная армия дала им достойный отпор. Белые банды отогнаны от Петрограда. Красные полки взяли два главные оплота белых, города Ямбург и Псков, и ведут наступление на последнее разбойничье гнездо — Гдов.

Но опасность для Петрограда еще не миновала. В 30-ти верстах от Петрограда находится граница с Финляндией. На этой границе белые собрали свои войска и грозят ударить на Красный Петроград. Эти негодяи еще не решаются выступить против нас. Но они то-и-дело открывают огонь по нашим цепям на границе. Они посылают свои аэропланы на младшего брата Петрограда, его ближайшего соседа — Кронштадт, сбрасывают бомбы, убивают мирных жителей, детей, женщин и стариков.

Нет больших негодяев и убийц, чем финские буржуи! Полтора года тому назад финские рабочие восстали, подняли над Финляндией красное знамя, стали также, как и мы, сами управлять своей страной. Но они были еще слишком слабы. А финские буржуи продали свою страну и позвали на помощь войска германского царя. Германские батальоны раздавили красных финских рабочих. Белая шайка торжествовала победу. Финские буржуи, как звери, расправлялись с нашими братьями — финскими рабочими. Они перекололи, перестре-

ляли, перевешали 20.000 рабочих. Они убивали множество стариков, женщин и детей. Они послали на каторжные работы всех взятых ими в плен красных. Они снова стали давить и притеснять рабочий народ Финляндии.

Финские буржуи купаются по горло в крови финских рабочих. Но они дрожат как бы рабочий народ снова не восстал против их власти. Германского царя больше нет. Финские буржуи ползают теперь на животе перед английскими, французскими и американскими буржуями. Они лижут сапоги английских генералов. Они вымаливают у них помощь против финских рабочих. Финские буржуи продались английским и французским мародерам-капиталистам. Финские белогвардейцы — цепные собаки английских, французских и американских буржуев.

Для английских буржуев Красный Петроград — бельмо на глазу. Петроград — первый город, в котором трудящиеся сбросили иго капиталистов и помещиков. Вслед за петроградскими рабочими стали подниматься трудящиеся в других городах. Петроград — главная крепость трудового народа. Английские разбойники хотят во что бы то ни стало взять красную народную крепость — Петроград.

Но английские войска не хотят итти в поход на Петроград. Ни один английский солдат не хочет войны с Советской Россией. Английские буржуи спускают с цепи своих наймитов — финских белогвардейцев. Английские генералы командуют финским генералам: «Взять Красный Петроград!».

Уже много времени финские белогвардейцы держат свои банды на нашей границе. Уже много времени они обстреливают по границе наши передовые цепи. Уже давно Красный Петроград находится под угрозой.

Пора кончить с финскими буржуями! Пора раз навсегда отбить у них охоту вступать на советскую землю!

Мы не хотим начинать войны. Мы не будем стрелять первыми. Но если хоть один финский белый солдат переступит нашу границу — горе финским буржуям. Они дорогой ценой заплатят за свой налет. Они ответят своими головами за все свои преступления и убийства. Мы отомстим им тогда за перебитых и замученных финских рабочих, за детей, убитых в Кронштадте, за все их зверства и насилия. Ни один финский буржуй не останется в живых. Ни один белогвардеец не получит пощады. Тогда — смерть убийцам. Тогда — горе финским буржуям.

Братья — башкиры! Станьте стеной на защиту Красного Петрограда. Стойте, как скала, у его стен. И будьте готовы в

любое время двинуться беспощадным походом на финских разбойников. Будьте готовы к победоносной атаке на осиные гнезда финских белогвардейцев — Выборг и Гельсингфорс.

Финские белогвардейцы — родные братья русских белогвардейцев. Колчак, Деникин, Юденич и финские генералы — одна золотопогонная свора. Все они хотят одного: вернуть старые порядки, снова притеснять рабочих и крестьян. Финские генералы говорят адмиралу Колчаку: «Мы будем давить финских рабочих, а ты души русских, украинских, татарских, башкирских рабочих и крестьян. Ты грабь в одном конце улицы, а мы будем грабить в другом конце».

Красная Советская республика дала свободу башкирскому трудовому народу. Советская власть родилась в Петрограде. В Петрограде была в первый раз об'явлена независимость угнетенных народов. Петроградские рабочие больше всех сделали, чтобы развязать веревки, которыми были связаны малые народы. Петроградские рабочие больше всех сделали, чтобы освободить тружеников башкир.

Кто враг Советской России, тот враг башкирского трудового народа. Кто идет войной на петроградских рабочих, тот идет войной на башкирский трудовой народ. Кто хочет взять Красный Петроград, тот душит свободу трудящихся Башкирской Советской республики.

Товарищи — башкиры! Вы показали образцы храбрости на южном фронте. Вы показали свою силу генералу Деникину и его бандам. Покажите теперь финским буржуям, как тяжела рука трудового народа.

Привет славным бойцам башкирской дивизии!

Да здравствует Красный Петроград!

Политический отдел 7-й армии.

ЗАЩИТА КРАСНОГО ПЕТРОГРАДА

Башкирские части войск, покрывшие себя лаврами полвигов на польском фронте и действовавшие с неменьшим успехом на южном, деникинском, приблизительно в 10-15 числах сентября месяца 1919 года, получили распоряжение высшего командования немедленно отправиться под Петроград.

Положение последнего к моменту прибытия Башкирской кавалерийской дивизии и стрелковой бригады было критическим: войска генерала Юденича находились у ворот революционного города и несли с собой все ужасы белой расправы

петроградскому пролетариату. Пригороды Петрограда, как например, Красное и Детское село, были уже заняты противником и только 25-30-верстное расстояние отделяло армию Юденича от Красного Питера. Состояние прибывших башкирских частей было прекрасное и они рвались в бой. Полит. и комсостав, удачно подобранный, умел управлять своими частями и руководить ими в любой момент и при всяком положении.

Все это вместе взятое создало полную уверенность в победе и ни один красноармеец, ни один командир не мыслили о сдаче противнику Петрограда. Все с нетерпением выжидали момента выступления. Формирование ударной группы заканчивалось с лихорадочной поспешностью, приказы, распоряжения по отдельным частям группы летели один за другим, передавались с удивительной быстротой и точностью, все жило особой исключительной жизнью, все в целом и каждый в отдельности были проникнуты полным и ясным сознанием важности настоящего момента. Это время, время бессонных ночей, невероятного напряжения нервов и силы воли никогда не забудется и оно понятно лишь тем, кто сам был в этой обстановке и пережил ее. Эта лихорадочность об'яснялась, помимо всего сказанного, еще слишком коротким сроком, данным для формирования.

Наконец, 15 октября формирование закончено, все приведено в порядок и исправлено, каждая мелочь осмотрена и несколько раз проверена. В ту же ночь ударная башкирская группа войск, в составе третьего кавалерийского полка, куда входили два пеших эскадрона в 360 штыков и двух конных в 240 сабель с командиром т. Капланом и военкомом Абдрашитовым, а также 3-го батальона третьего стрелкового полка отдельной башкирской стрелковой бригады в 576 штыков, во главе с командиром батальона т. Абдеевым и военкомом т. Бутяковым, двинулись на боевой участок от Пулковских высот до Чухонского-Койрово. Командиром группы был назначен т. Алпшев Хадим, только что вставший с постели после перенесенного тифа и еще не оправившийся окончательно. Начальником штаба группы был автор этих строк, а военкомом тов. Абдразаков.

Несмотря на малочисленность Башкирской ударной группы, ее с самого же начала поставили в центр напора противника.

По стратегическим соображениям башкирская ударная группа была подчинена Шестой стрелковой дивизии 7 армии, с назначением ей самостоятельного боевого участка, при чем

было сохранено присвоенное ей с самого начала наименование Башкирской группы. С этого приблизительно момента начались и настоящие военные действия.

Заняв исходный боевой участок по линии от Чухонско-Койрово до деревни Рахколло, эту последнюю опорную линию к подступам Петрограда, и получив оперативный приказ двинуться вперед на линию тоже Койрово — Венерязи — Ново-Сузи — Александровка, башкирские части расположились следующим порядком: два эскадрона 3-го кавалерийского полка заняли деревню Венерязи, один эскадрон — перекресток дорог Ново-Сузи, связавшись влево со второй стрелковой дивизией и с шестым полком, а вправо с третьим батальоном 3-го стрелкового полка. Этот последний батальон занял линию — Чухонское — включительно и Венерязи — исключительно, связавшись влево с правым флангом третьего кавалерийского башкирского полка и вправо с частями шестой стрелковой дивизии. С этих пунктов начались разведки, как по фронту, так и вглубь в сторону противника, по преимуществу в направлении занятого противником Красного села.

Нащупав силу врага и расположение противника, части башкирские войска медленно, но неуклонно начали продвижение вперед. Говорю «медленно» потому, что соседние части были к этому времени настолько обессилены, что быстрый напор в сторону противника на коротком по протяжению участке ежеминутно грозил возможностью посадить удалившиеся вперед части в мешок. Поэтому, параллельно с передвижением вперед, внимание было сосредоточено на организации обороны со стороны пунктов обхода к Петрограду. Эта последняя цель была с успехом достигнута и с подходом на смену утомленных частей более испытанных полков, противник сразу почувствовал силу направленного на него башкирского ядра и с этого момента уже не мог продвинуться вперед ни на один шаг.

С получением в свое подчинение башкирского артиллерийского дивизиона, действия группы сразу же приняли более активный и оживленный характер. К этому моменту была произведена частичная замена комсостава и политчасти: командира 3-го кавалерийского башкирского полка тов. Каплан заменил более энергичный и решительный тов. Гагрин, впоследствии героически погибший на этом фронте.

Командир третьего стрелкового полка, прибывший для наблюдения за оперативными действиями находящегося на фронте батальона своего полка, распоряжением командующего группой тов. Алишева был назначен командиром этого батальона, бывший комиссар Башгруппы был заменен молодым, энергичным военкомом Али Терегуловым.

21 октября 1919 г. по приказу Реввоенсовета республики, группа с соседними частями перешла в наступление, с целью занять линию Ропша — Красное село — Туйпово и третий батальон Баш. стрелкового полка вступил в бой под деревней Большое Пикко. В это время части противника, вооруженные ружьями-автоматами и пулеметами, занимали деревни Хамилание — Хамулисты — Кюльмо — Большое Ботголово с командными здесь топографическими условиями. Но несмотря на это, 3-й батальон 3-го стрелкового Башполка и 3-й кавалерийский Башполк, при помощи артиллерийского огня, энергичным ударом выбили противника из деревень: Большое Пикко, Малое Пикко, Никулино, слободы Павловска и верхних окраин Красного села. К сожалению, вследствие отсутствия достаточной поддержки со стороны соседних частей и неимения патронов, дальнейшее наступление на несколько часов было приостановлено в надежде получить припасы и помощь. Но благодаря болотам, ожидаемые части не подошли и не было получено ни одного ящика патронов.

Несмотря на крайне неблагоприятно сложившиеся обстоятельства, части не приостановили дальнейшего продвижения, надеясь на свою силу, храбрость и быстроту натиска. Башкиры с криком «ура», с винтовками без патронов бросились на противника, — последний поспешно начал отступать. Соседние части красных войск почувствовали стойкость и воодушевление башкир и старались всеми силами поддерживать нашу группу во время ее действий. Какое ошеломляющее впечатление произвел натиск башкир на противника можно судить по одному тому, что белые солдаты, по словам пленника, особенно боялись попасть в руки башкирских войск, считая их «проклятыми людоедами». Подъем среди башкир настолько был силен, что временами доходил до энтузиазма и отдельные части группы, увлекаемые успехом, зарывались далеко вперед. Только умелые действия комсостава и дисциплинированность спасли эти части от грозившей им опасности быть окруженными.

После взятия Красного села части Башгруппы, в силу создавшегося положения как на правом, так и на левом флангах соседних частей, отступили и заняли прежние позиции. 22 октября 1919 г., получив новый оперативный приказ от начдива, части опять перешли в наступление и, выбив с занимаемых позиций противника, усиленно стали помогать слабо действовавшим частям 2-й стрелковой дивизии для того, чтобы выйти на линию Б.-Карлино и София. В этом пункте башкирские части еще раз доказали свою беззаветную храбрость, заняв после упорного боя деревню Хамилание. Но, вследствие

больших потерь, в особенности из числа комсостава, удержаться в этой деревне им не удалось и под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника Башгруппа организованно отступила и заняла исходное положение. т. е. деревню Венерязи.

Во время этих боев было ранено несколько командиров, в том числе командир эскадрона тов. Горячев, командир взвода тов. Лапухов, красный офицер Калинин. Потери были значительные и в красноармейском составе. При неустойчивости соседних частей, войска Башгруппы неоднократно попадали под фланговый и перекрестный огонь противника, почему им часто приходилось менять не только направление, но и фронт. Благодаря всем этим условиям и необходимости лавирования, башкирские части не могли развернутым фронтом всей своей группы нанести противнику смертельный удар. Числа 23 октября башкирские части с занимаемой ими линии Б.-Дикко и высоты 35.2 начали наступать на деревни Николаевку, Таликола, Нуркабали. После упорных боев были заняты стоящие на этом пути деревни, за обладание которых сложило немало голов башкир-красноармейцев и их отважного командного состава. Однако, несмотря на понесенные потери, части не остановились, а продолжали преследовать противника, с целью выбить его из деревни Ландузи. К сожалению, эта попытка не увенчалась успехом, так как действовавший с правой стороны Первый Петроградский полк, стремившийся занять деревню Никулино, вследствие неподступности к ней, был принужден после больших потерь отказаться от дальнейшего наступления и отступить в свое исходное положение, в деревню Скачки. Получив подкрепление, Башгруппа 24-го октября опять энергично перешла в наступление и, выбивая из деревень противника, начала продвигаться вперед. Враг упорно оборонялся, ни одну деревню он не отдавал без сильного напора наших войск, но толчек был дан и вражеские силы под стремительным натиском башкир уже катились обратно. В этот день нами были заняты деревни: Большое и Малое Карлино, Курикка, Таликово, захвачены пленные и трофеи. Потеряв эти пункты, противник начал новую группировку и получив, повидимому, свежее подкрепление, перешел в контр-наступление, почему в этих пунктах завязался новый более жестокий бой, в результате которого позиция была удержана за Башгруппой. Не останавливая наступления, башкирские части 25 октября, после упорного сопротивления противника, заняли деревни: Новая, Лотту-Мороз и закрепили их за собой. Преследование противника продолжалось и 26 октября, после того как Башгруппа получила новое пополнение, в составе

одного батальона, во главе с командиром т. Губайдуллиным. Чтобы привести в порядок свои растрепанные части, противник намерен был остановиться для этой цели в деревнях Янисмяки — Пейколази и Пелголе, но следовавшие по пятам башкирские войска выбили его оттуда и деревни эти остались в наших руках.

28 октября Башгруппа, войдя в подчинение начальника правого участка, с целью занять пункты Мыза — Тайцы — Елизаветино — Большую Ивановку, энергично продолжала в этом направлении свое движение и после упорных боев, несмотря на большие потери, заняла их, а также Большую Ивановку, Голодухину, Тифинку, М.-Тайцы, закрепив все их за собой. Только наступившая ночь и приказ высшего командования заставили приостановить дальнейшее продвижение башкирских частей. В это время противник занимал деревни Петрово, Юкази, Покизенуровское, Ново-Пуда, Митякюля и временами старался контр-наступлением выбить наши части, но, встречая решительный отпор, отходил назад. В это время действовавшие справа шестой стрелковый полк, а слева Петроградский под давлением противника, перешедшего в контр наступление, отошли назад, чем обнажили фланги башкирских войск. Чтобы поддержать и ободрить своих соседей по фронту, башкирская группа перешла в контр-наступление и сильным натиском заняла позицию, только что оставленную шестым стрелковым полком. Однако, в силу боевых приказов и ввиду того, что этот участок выходил за пределы боевой полосы башкирских частей, он был передан соседним частям. 31 октября по приказу начальника правого участка т. Гиршпильда, башгруппа расположилась на хуторах, юго-западнее деревень Ново-Курское, имея прочную связь с правым боевым участком. Повидимому противник получил сведения об отводе башкирских войск назад с передовых позиций, так как сосредоточив свои силы, он перешел в контр-наступление, держа направление на колонию Кепень-Ропша, и при поддержке сильного артиллерийского огня образовал в наших войсках прорыв со стороны Скворицы, между деревнями Пязнурским и Ново-Курским, и выдвинулся в него. По оперативному приказу здесь должны были быть части стрелкового полка, но их там не оказалось. Прорвавшиеся части противника не преминули воспользоваться этой тактической ошибкой и нанесли сильный удар с тылу по частям 3-го стрелкового Башполка и части 162-го стрелкового полка, находившимся на хуторах, юго-западнее, от деревни Ново-Пурское. Видя себя окруженными, башкиры решили дорого продать свою жизнь и боль-

шинство из них пало в неравном бою. Только небольшая часть их сумела пробиться и выйти на линию красных частей.

В этой схватке был убит герой, комиссар этого батальона тов. Тейнемен и ранен командир 162 стрелкового полка т. Березин. Крупные потери заставили оттянуть башгруппу в резерв, чтобы дать возможность выяснить остатки сил и привести в порядок части. За исключением 3-го кавалерийского полка, оставшегося в подчинении командира 160 стрелкового полка, все остальные части группы были оттянуты в деревню М.-Ивановку. Числа 2—3 ноября башгруппа перешла со своими остальными частями в Красное село, в распоряжение начальника красносельского участка тов. Бессова, куда прибыла одна рота сводного башкирского стрелкового полка, действовавшая в тосненском направлении этого же фронта.

Этим и заканчиваются действия башгруппы на участке петроградского фронта. Простояв несколько времени в резерве, башгруппа, приблизительно 9—10 ноября, на основании распоряжения 7 армии, была переброшена в г. Петроград для дальнейшего формирования.

Штаб же группы с переходом в Петроград, был расформирован и командующий группой тов. Алишев приступил к исполнению своих обязанностей командира бригады отдельной Башкавдивизии, а автор этих воспоминаний был назначен на должность помначштадива по оперативной части.

Отдельные части войск Башкирской группы еще долгое время принимали участие на этом фронте, как например, 3-й кавалерийский полк был отправлен на карельский участок, где проявил не мало храбрости и отваги в защите первого в мире пролетарского государства.

В заключение необходимо отметить, что этот героизм был проявлен не только при самых неблагоприятных стратегических и экономических условиях, но, в довершение всего, для башкир еще и в тяжелых климатических условиях. Болота, окружающие Петроград, были не меньшим врагом для башкир, выросших в горах, и не мало унесли преждевременных жертв.

Но все эти неблагоприятные условия, вместе взятые, не могли приостановить натиска башкирских частей, беззаветно и безропотно переносивших их в жестоких боях за политическое и экономическое раскрепощение трудящихся от буржуазно-капиталистического ярма.

Бывш. начштаба Башгруппы войск
на петроградском фронте *Кальметев, Я. Ю.*

29-1 32.
г. Уфа

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Одна из героических страниц башкирских войск остается до сих пор мало освещенной в печати. Это — борьба против Деникина на Украине. После короткого периода переформирования в г. Саранске, башкирские части в составе двух пехотных и двух кавалерийских полков в спешном порядке по приказу РВСР выступили на южный фронт, против наступающей деникинской армии, к сердцу Украины — на Харьков.

Мы двигались настолько спешно, что на третьи сутки, утром 13-го июня 1919 г., были на ст. Харьков. Конечный путь следования наших войск был город Александрия. Остановившись на несколько часов на ст. Харьков, командование поехало в штаб обороны, который в то время находился в Харькове, для того, чтобы узнать о состоянии на фронте и получить патроны (патронов у нас с собой не было, например на весь 1-й кав. полк всего 320 штук).

Между прочим начальник штаба обороны, насколько я помню, б. полковник Переловский разъяснил нашему командованию, что на фронте все обстоит благополучно и путь к Александрии совершенно безопасен.

После такого уверения начальника штаба наше командование не настаивало о выдаче нам патронов и поспешило на станцию — скорее направиться с эшелоном дальше на юг.

Во главе двигавшихся эшелонов был 1 кав. Баш. полк, который приближался к ст. Лозовая (узловая ст. на южн. дорогах). Когда эшелон 1 кав. полка остановился на станции Лозовой, уже совершенно стемнело. На этой остановке их задержали долго и поэтому они решили выйти из вагона и направиться к начальнику станции, чтобы требовать немедленной отправки. Не тут-то было! Мы увидели паническое отступление частей южной армии от ст. Лозовой и страшную сутолоку на станции; служащие и рабочие станции снимали последние аппараты и телефоны, в общем тоже готовились бежать без оглядки.

Некоторое время мы ничего не понимали. Затем остановив группу красноармейцев, отступающих от Лозовой по направлению на Харьков, начали их расспрашивать — в чем дело и зачем они бегут. Тогда-то они нам объяснили, что деникинцы уже в полдень заняли ст. Лозовую, что масса красноармейцев погибла и попала в плен и, кроме того, наши бронепоезда, эшелоны, запас вооружения, обмундирования и провиант остались в руках деникинцев.

Поняв свое тяжелое положение и положение отступающих, немедленно приказано было 1-му полку преградить путь отступающим и привести в порядок деморализованных беженцев. Задача была непосильно тяжелая, предстояло остановить своих отступающих и по их следам наступающих деникинцев. Может быть через час предстояло вступить в бой, а патронов было очень мало. Несмотря на то, что мы совершенно неожиданно и случайно попали в боевую обстановку, красноармейцы башкиры держали себя с достоинством, безропотно приступив к исполнению боевого приказания.

Установив один аппарат Морзе, мы немедленно связались со следующими за нами полками, наскоро информировали их о создавшемся положении и просили их дальше не следовать, а за ночь во что бы то ни стало достать боевые патроны, как для себя, так и для передовых частей. Нужно сказать, что когда мы следовали на юг, никакого об'единяющего органа (штаба) четырех наших полков не было: он был создан уже на месте и назван штабом бригады, во главе с начальником бригады тов. Ишмурзиным Сулейманом и комиссаром бригады т. Амировым Халимом и все управление боевыми операциями перешло в ведение вновь организованного штаба бригады. Отсутствие об'единяющего штаба об'ясняется тем, что мы из Саранска выехали в Харьков для несения гарнизонной службы, а в пути нам вручили приказ следовать в Александрию, в распоряжение штаба 14-й армии.

Всю ночь Первому полку пришлось заниматься приведением в порядок линии расстроенного и разбитого фронта. Отступающие части хотя и были задержаны, но совершенно не были способны к боевым операциям; на утро ожидалось наступление противника с удвоенной энергией, ибо от вчерашних успехов он совершенно обнаглел.

За ночь для полков мы сумели получить незначительный запас патронов. К утру путем посылки разведочных отрядов, удалось, приблизительно, установить силы противника и направление, откуда он будет вести наступление.

К моменту восхода солнца на подкрепление к нам подошел бронепоезд «Гром и Молния», с сорока пулеметами и шестью орудиями, в том числе два дальнобойных. Положение Башбригады улучшилось и прорыв фронта был закрыт.

Всю линию от ст. Мерефа почти до ст. Лозовой крепко спаянная башкирская бригада за ночь превратила в железную стену, о которую разбилось не мало белогвардейских полков деникинской армии, в том числе конный корпус генерала Шкуро, ибо это было центральным направлением наступления

деникинской армии на Харьков—столицу Советской Украины.

С восходом солнца 1-й кавалерийский Башкирский полк вступил в бой с наступающими частями белой армии.

После трехчасового упорного боя башкиры опрокинули наступающие на них казачьи части и обратили их в бегство. Эскадроны Первого кав. полка преследовали противника и вернулись на ночь к линии железной дороги. В успехе дня бронепоезд — «Гром и Молния» оказал не мало услуг. Его дальнобойные орудия, под руководством начальника, героя старика лет 45, сменали эскадроны противника на расстоянии многих верст.

Противник почуял, что наткнулся на серьезные силы Красной армии. Среди населения Украины противник распространил совершенно нелепые слухи: «со стороны красных участвуют башкиры, они дикари и людоеды, дальнейшее пребывание их здесь грозит ужасными бедствиями для населения Украины». Действительно, при в'езде наших частей в некоторых селениях нас сначала принимали за дикарей, а когда наши красноармейцы, не проявив ничего людоедского, танцовали «гопака» — жители с удивлением подходили и принимали участие в общем веселье и убеждались, что башкиры не людоеды, а такие же люди и ни у кого ничего не трогают.

Несмотря на то, что части Деникина, наткнувшись на Башкирскую бригаду, получили сильный отпор, все-же они не прекратили свои наступательные действия на Харьков. Противник начал действовать путем обходов, не отваживаясь выйти на лобовой удар против Башкирских частей. Но мы, загораживая путь наступления противника на протяжении огромного фронта, систематически нападали и оборонялись на подступах Харькова.

Отступление Красной армии до Харькова под натиском противника продолжалось несколько недель. За это время башкирские части показали чудеса храбрости, ни одна позиция башкирских частей не была оставлена без упорного сопротивления. Общее отступление на всем фронте вынуждало отходить и Башкирскую бригаду по направлению на Харьков.

Подобное положение наводило командование башвойск на мысль, что отступление происходит благодаря расхлябанности и измене высшего командования (высшее командование принадлежало штабу Харьковской обороны). Наше подозрение на измену было достаточно очевидно и обосновано. Во-первых, фронт был настолько расстроен, что части Красной армии не имели связи и в беспорядке и без всякого руководства под натиском противника отступали. Со стороны штаба обороны

не было ни одного боевого приказа, которым можно было бы руководствоваться и привести в порядок деморализованные и разрозненные части Красной армии на всем Харьковском фронте. Во-вторых, еще одно обстоятельство, которое не оставило сомнений в существовании измены. На ст. Зайцево, когда противник упорно наступал на Башчасти, 1 кав. полк срочно требовал патронов от штаба обороны, чуть ли не через каждые 10 минут сообщал, что патроны все вышли, противник теснит с большим упорством, в случае неполучения патронов мы будем уничтожены. Штаб обороны отвечал, что со ст. Харьков направлены два вагона патронов, гранат и пироксилина для взрыва мостов, чтобы заградить путь наступления противника.

С утра высланные, долгожданные два вагона огнеприпасов прибыли к трем часам дня. Вагоны были доставлены специальным паровозом, под пломбой и с надписью «взрывчатые вещества», «при маневрах не толкать», «обращаться осторожно». Бой еще продолжался, патроны были кстати и во-время. Приказано было сорвать пломбы и открыть вагоны. Вагоны немедленно были открыты. В обоих было по тысяче пудов шинного железа и ни одного патрона! Подобное явление нас взорвало и мы немедленно опять через аппарат, путем переговоров со штабом обороны, — об'яснили им обо всем случившимся. Нам ответили, что очень сожалеют, что там оказалось шинное железо, что дело будет немедленно расследовано и виновники будут на месте расстреляны. Затем через несколько часов сообщили, что произошла случайная ошибка в прицепке вагонов, «попались не те»... Красноармейцы башкиры, не имея патронов и снарядов, дрались штыками и прикладами. В-третьих, наши подозрения на измену подтверждаются совершенно нелепыми приказами штаба обороны, о раз'единении башкирских частей и разбрасывании их чуть ли не по всему фронту поэскадронно и по-ротно. Но башкирское командование этого приказа штаба обороны не выполнило, видя в этом явную измену. Впоследствии подтвердилось, что сплоченная Башкирская бригада была серьезной преградой для вступления Деникина в Харьков, а изменники штаба обороны хотели эту угрозу для деникинской армии распылить.

Все части Красной армии, за исключением рабочих дружин и коммунистических отрядов, безудержно отступали с харьковского района. Наша бригада осталась в мешке в окрестности г. Харькова. Когда мы прибыли в Харьков для отражения нападающего на город противника с целью отрезать нам путь отступления Харьков — Люботин, уже ни одной

войсковой части не было, единственно в городе остался штаб обороны и ликующая буржуазия Харькова в нарядных костюмах в ожидании Деникина. Атмосфера Харькова произвела на нас удручающее впечатление. Несмотря на то, что уже было 12 часов ночи, мы решили показать, что Красная армия еще не оставила Харьков и буржуазии рано радоваться. Три эскадрона кавалерии с 10-тью пулеметами направились по центральным улицам Харькова с веселыми башкирскими песнями. «Публика» на улицах и расфранченные дамы смотрели на нас с ненавистью. Из окон некоторых домов раздавались отдельные револьверные и винтовочные выстрелы. К 2-м часам ночи город принял опять прежний вид и буржуазия скрылась по домам.

К утру, игнорируя приказ штаба обороны о занятии другого района, мы заняли ст. Новая Бавария в 6 клм. от города.

Заняв позицию — ожидали начала боя, но в это время начали прибегать отдельные красноармейцы 11-го Башкирского пехотного полка с извещением, что 11-й полк во главе с командиром окружен превосходящими силами противника и часть полка уничтожена.

С восходом солнца противник открыл ружейный и артиллерийский огонь по баш. частям. Завязался бой, который продолжался почти до вечера. Кругом все части давно отошли, оставив Харьков, лишь только некоторые стойкие рабочие дружины помогали нам. К вечеру баш. части оказались в кольце противника, пули и снаряды сыпались со всех четырех сторон. Остался единственный выход по линии железной дороги, но противник и там успел отрезать дорогу: казачий эскадрон начал разрушать полотно дороги в трех верстах от штаба.

Нам предстояло прорвать кольцо противника по линии железной дороги, почему всем баш. частям предложено было концентрироваться в этом направлении. Нам удалось рассеять казачий эскадрон с полотна дороги имевшимися в резерве пятью пулеметами, поставленными на паровоз.

Образовав тесный клубок, отстреливаясь на все четыре стороны, баш. части прорвались через кольцо противника и Харьков на время был отрезан от Советской России.

Штаб обороны г. Харькова во главе с бывш. полковником Береловским, как только начался бой в районе предместных Харькову дач, в полном составе, надев золотые погоны, перебежал на сторону противника. По их следам рабочие успели сделать лишь несколько выстрелов, они быстро исчезли в густой зелени дач, занятых уже белыми.

Башкирская бригада, прорвавшись из узкого кольца, —

оказалась в более широком. Железнодорожный путь от места последнего боя до г. Сумы был открыт, но нам с эшелонами предстояло перейти этот опасный путь в кольце противника. До г. Сумы не было ни единого красноармейца, ибо все уже части давно отошли за г. Сумы, лишь одна дивизия преграждала путь бешено наступающему противнику.

Необходимо отметить, что вообще башкирские полки отходили с позиции всегда последними, прикрывая отступающие части 14-й армии, на всем пути подбирая массу вооружения, обмундирования, провизии и много прочего войскового имущества, оставленного отступающими частями Красной армии, что показывало, что отдельные части 14-й армии были панически настроены и деморализованы и организационно ослаблены, благодаря измене высшего командования и предательству значительной части комсостава.

Еще один пример, который характеризует предательство со всей ясностью: под Харьковом мы подобрали один вагон бумажных денег, оставленных частями Красной армии. Деньги были не вывезены лишь потому, что для прицепки «не было паровоза». Ясно, что эта махинация была проделана с целью, дабы лишить всю армию жалованья и закупок провизии, в расчете поднять этим недовольство в рядах красноармейцев.

Весь наш путь до г. Сумы был усеян всевозможными военными припасами. Нашими полками подобрано было более десяти тысяч трехлинейных винтовок, несколько десятков милл. боевых патронов и два вагона новых пулеметов, системы «Максима» (количество не помню), кроме того, обозы, целые батареи артиллерии и т. д., так, что в Сумы мы привели более ста вагонов всякого военного имущества. В данном случае Башкирская бригада, под угрозой быть уничтоженной, делала два огромной важности дела: во-первых, спасла от казачьих пуль жизнь тысяч красноармейцев, частично деморализованных и в беспорядке отступающих, прикрывая им путь отступления от наскоков кавалерии противника, и, во-вторых, спасала военное имущество для предстоящих боев.

Считаю нужным упомянуть еще один характерный момент: когда мы прибыли в г. Сумы, мы узнали, что комиссар штаба обороны тоже прибыл туда же, ему удалось убежать от своего предательского штаба на автомобиле. Фамилию его я не знаю, но он был человек преданный делу рабочего класса и пользовался авторитетом среди войска. К сожалению его неумелый подбор командного состава погубил все дело обороны Харькова. В Сумах мы разыскали комиссара обороны и доложили, что вся башкирская бригада благополучно прорвалась и отош-

да в Сумы, подобрав массу оставленного имущества. Услышав наше сообщение, он был обрадован и просил оставить в Сумах запас огнеприпасов, которые мы подобрали. Его сомнение в башкирских командирах, которые не выполнили безумных приказов изменческого штаба обороны, окончательно рассеялись.

Несмотря на измену и предательство военного командования, башкирские войска с честью выполнили свой долг в защите столицы социалистической Украины.

По приказу высшего командования вся наша бригада из Сумы направилась на ст. Бахмач (узловая станция на юге). Там стояли несколько суток. Вокруг Бахмача образовались бандитские части, которые вырезывали сельсоветы и волисполкомы. В числе шаек были осколки махновцев, ангеловцев, не признающих ни Махно, ни советы. Нам приказали немедленно ликвидировать шайки и успокоить тыл армии, а затем направиться на станцию Ромодан на отдых.

Задача была не легкая: бандиты открыто не выступали против войсковых частей, а сидя одиночками, стреляли из-под кустов неожиданно, так что выявлять их было очень трудно. Бандитизм в районе был ликвидирован и мы выехали на станцию Ромодан на отдых.

Вскоре из Саранска прибыл штаб нашей дивизии (до сих пор дивизия управлялась штабом бригады). В связи с прибытием штаба, комсостав увеличился вновь прибывшими командирами и комиссарами из Башкирии, а также пополнился комсостав, убывший за период боев под Харьковом.

В качестве командира дивизии прибыл т. Ахлов. Мы получили долгожданный приказ: выступить на фронт.

Наш путь лежал на Полтаву. На ст. Гадяч (г. Гадяч) 1-й кав. полк выгрузился с эшелонов и следовал походным порядком, оставив хозяйственные части при станции. Гадяч — тихий, в зелени утопающий маленький городок, к нему идет ветка железной дороги. Когда мы, разгрузившись с эшелонов, вошли в город, местные власти и население встретило нас дружелюбно. При клубе был созван митинг, где приняли участие наши красноармейцы. На митинге говорилось о приближении наступающего на Полтаву противника и о необходимости напрячь все силы, чтобы не допускать врага дальше в глубь Украины. В Гадяче войсковых частей не было. Чувствовалось приближение врага.

В городе 2-й кавполк остался до утра, а утром, выстроившись по-эскадронно последовал дальше, по направлению к деревне Гоголевке (родина Гоголя).

Через несколько дней Башкирская дивизия вышла на магистраль Полтавской ж. д. и получила приказ о том, что крупные силы противника заняли г. Полтаву и развивают наступление по линии железной дороги и Башкирской дивизии предстояло перейти в контр-наступление. Первый кавполк и первый пехотный полк по приказу начдива должны были наступать по правую сторону дороги и второй кавполк со вторым пехотным полком — по левой стороне. С правого фланга Башдивизии наступал 55-й Украинский пехотный полк. Начальником правого боевого участка был назначен командир 1 кав. полка, а начальником левого участка — командир 2-го кавполка т. Алинев. 55-й полк был включен в участок 1 кав. полка. Таким образом, по линии наступали пять полков и одна батарея с 4-мя орудиями.

Воспользовавшись сумерками, все части заняли предместья ст. Решетиловки, занятой противником. Ночь прошла спокойно, разведка никого не обнаружила на расстоянии нескольких верст. Все-таки за ночь удалось раздобыть кое-какие сведения о силах противника. Против нас по линии жел. дороги стояла гвардейская дивизия Деникина. Позднее по полученным сведениям оказалось, что деникинское командование именно против башкир выставило лучшие части, самую боевую дивизию — гвардейскую.

Эта дивизия состояла из студентов, кадетов, кроме того, были целые офицерские роты: все это выяснилось позже, когда мы уже захватили пленных.

На рассвете мы получили дополнительный приказ — перейти в решительное наступление и выбить противника со ст. и из села Решетиловки. Развернув все полки в боевой порядок, мы перешли в наступление. Но уже часам к трем мы наткнулись на главные силы противника. На окраине села Решетиловки начался жестокий бой. Первое упорное сопротивление противника в районе 1 кавполка было сломлено, часть гвардейской дивизии обратилась в бегство. Обозы и артиллерия противника отступили в беспорядке.

Первый кавполк наступал с молниеносной быстротой. Первый эскадрон во главе с ныне покойным командиром Тихомировым (убит в дер. Зубовичи на польском фронте), ворвался в деревню и начал работать саблей.

Ввиду быстроты наступления мы частично вошли уже в тыл значительных сил и обозов противника. В это время связь с соседними частями была потеряна: приказано было двигаться вперед более медленным темпом, дабы не оказаться окруженными со стороны противника, к тому же нельзя было медлить, сломленный противник ускользал от преследования.

Нужно было отрезать путь отступающим обозам и бронепоезду противника, который прикрывал своим огнем тыл отступающих. Медлить было нельзя, обозы и бронепоезд через несколько минут ускользали. Нужно было пару пулеметов и несколько человек, чтобы захватить несметное количество обозов и бронепоезд. Приказав своим частям вести наступление дальше, мы решили выполнить задачу захвата бронепоезда. Взяв два пулемета системы «Максима», оборудованных на украинских тачанках, запас патронов и пироксилиновые шашки для взрыва полотна железной дороги, полным карьером наши части пустились в обход. Не успели отъехать и полверсты, как на них напали два белых офицера, оставшихся, повидимому, прикрыть обоз. Они оба были вооружены пулеметами системы «Льюиса». Из одного пулемета наши открыли огонь по отступающим, а из другого стреляли по двум пулеметчикам противника, которые своим сильным огнем мешали нашим достигнуть цели, т. е. отрезать путь обоза, некоторой части пехоты и выйти на полотно железной дороги. Наши пулеметы заработали. Это навело панику в стане противника и в это же время первый эскадрон 2 кав. полка врезался в деревню с левого фланга, что еще больше усилило панику. Наша задача была на последней стадии разрешения, случайные обстоятельства изменили ход развивающихся событий. Наши пулеметы враз замолкли! Оказалось, что в том и другом пулемете получился разрыв гильзы. Чтобы не терять времени, полным карьером наши пустились обратно, чтобы взять другие пулеметы, но повторить операции не удалось.

Вся Башкирская дивизия, прорвав фронт противника, далеко продвинулась в глубь, преследуя разбитого в бою неприятеля. Продвигаясь вперед, мы оголили свои фланги, благодаря бегству соседних частей. Оценив положение, мы стали просить предоставить в наше распоряжение бронепоезд, который только что прибыл, и разрешить мне ехать по линии железной дороги на выручку наших частей. Мы получили разрешение и я тотчас же выехал. Линия почти до Решетиловки была в наших руках. Под мраком ночи, гигант бронепоезд с шестью орудиями, без огней, тихо под'ехал к линии фронта. Нужно было вывести наши части из окружения противника. Расположение фронта мною, во время дневного боя, было хорошо изучено. Полкам нашим приказали тихо отойти, примыкая к линии железной дороги. Бронепоезд открыл огонь из всех орудий и полки благополучно вышли из мешка. К утру все части были приведены снова в боевой порядок. Утром артиллерия и пулеметы снова грохотали. Видно было, что на нашем правом флан-

ге недалеко падали и разрывались снаряды противника. Все эшелоны с хозчастями и санитарный поезд отправились в Миргород.

Наша дивизия в течение целого дня упорно сопротивлялась и несколько раз переходила в контр-наступление, но отход соседних частей, в особенности паническое бегство 55 полка, вынудил отойти под угрозой быть окруженными. В процессе боя эскадроны 1 кавполка несколько раз отбивали противника с участка 55 полка, сохраняя в то же время и свой участок и несколько раз останавливали беглецов, но ничто не помогало: 55 полк опять сбежал и за день оказался почти около Миргорода.

Бой продолжался до вечера, наша дивизия не отступала ни на шаг. Но вечером мы опять оказались в мешке, все соседние части отошли далеко в тыл. Вечером эти полки вынуждены были отойти в район ст. Гоголевка, а штаб дивизии перешел на станцию Миргород. За ночь снова полки заняли боевой участок. На заре обнаглевший противник наступил по всему фронту. После непродолжительной перестрелки 55-й полк опять снялся с фронта. Эскадроны 1 кавполка пытались удержать бегущих угрозами, но ничего не помогло.

Помощи ждать было не от кого. На линии фронта остались только 4 башкирских полка. Упорно сопротивляясь, к вечеру части отошли к Миргороду. Отходить от Миргорода на Ромодан, значило сдать лучшие стратегические пункты и узловую станцию противнику.

Противник напрягал все свои силы сбить наши части у Миргорода, но все было напрасно, все кавалерийские атаки гвардейской дивизии противника были отбиты. К великому несчастью, с бегством соседей фланги были уже давно оголены и противник пошел в обход Миргорода и Башдивизии. На вторые сутки украинские части откатились почти на 100 верст в тыл, а башкиры оборонялись в предместьях Миргорода. Наконец, противник окружил Башдивизию со всех четырех сторон, но не мог ее захватить — она упорно оборонялась. Штаб дивизии стоял в вагонах, весь жел.-дор. путь в тылу штаба был занят противником.

Перед Башдивизией стоял вопрос, или погибнуть, или вырваться ценой каких бы то ни было жертв, другого решения быть не могло. С большими трудностями и лишениями, благодаря сплоченности командиров, комиссаров и красноармейцев всех полков, дивизия с небольшим уроном вырвалась из цепких когтей врага.

Состав дивизии, благодаря участию в беспрерывных боях,

сократился. Перед высшим командованием встал, не знаю почему, вопрос — расформировать Башдивизию и влить ее в состав какой-либо украинской дивизии.

Получив подобную информацию, командование Башкирских частей возбудило ходатайство перед Реввоенсоветом республики о том, чтобы не допускать расформирования Башкирской дивизии, которая показала столько геройства в боях против Деникина, а дать ей пополнения из Башкирии. РВС ходатайство наше удовлетворил: дивизия была переброшена в Петроград для защиты его против банд Юденича.

Я. Кальметев

(Быв. пом. Наштадива по опер. части на Южном фронте)

В БОЯХ С БЕЛО-ПОЛЯКАМИ

Штаб Отд. Баш. Кав. бригады на польском фронте.

Преследуя после Буденновского рейда по полям и лесам Волыни обессиленных поляков, в пешем строю и на подводах мощным потоком движутся пехотные части 12 армии.

— Дядька, дядька — гони скорей, — торопят подводчиков рвущиеся в бой красноармейцы... А впереди, на расстоянии дневного перехода, отдельная Башкирская кавалерийская бригада, выдерживая постоянные стычки, занимает один за

другим пункты, спешно покидаемые противником. Все, что возможно, поляки увозят с собой, а остальное портят, коверкают, жгут.

Они перешли р. Уборть и безостановочно откатываются в западном и северо-западном направлениях. К вечеру 8 июля 1920 года наша бригада заняла д. Полани и встала на ночлег. Получен приказ захватить ж.-д. станцию Миянскую, на линии Сарны — Ковель. Немедленно формируется сводный отряд в 100 сабель, под командой командира 28 кавполка тов. Ганнанова. Выступаем ночью.

Медленно, зорко смотря «под ноги», без всякого шума, молча двигается отряд по узкой обсаженной тополями дороге. Проехали версту. В ночном безмолвии тихо раздается:

— Стой!

Проводник, местный крестьянин, имевший свои основания ненавидеть поляков, флегматично объясняет:

— Тут мост спален. Треба трошки влево.

Военкомбриг тов. Беленький нервничает. Он хочет знать, какие еще препятствия могут встретиться впереди. Обойдя «трошки влево» сожженный мост, отряд через пересохший ручей вышел опять на дорогу. В напряженной тишине продвинулись еще версты три. Вот переезд через ж.-д. полотно. В ночном мраке белеют перила шлагбаума. Стальной полосой тянутся убегающие вдаль рельсы. Вправо станция. Одинокий зеленый огонь семафора, а дальше маячат во тьме два фонаря на стрелках.

Чуткая тишина. Изредка фыркают кони, да ветер шумит верхушками деревьев. Расставлены посты, выслана разведка. Отряд у переезда ждет сведений. Разведка доносит, что станция свободна и никаких составов на ней нет. Двинулись к станции. Вокруг никого. Заглядываем в окна конторы: двое служащих мирно дремлют в углу на диване, да телеграфист устало опершись на стол у молчащего «Морзе», тупо смотрит перед собой. Быстро входим. Наганы наведены на перепуганных железнодорожников. Военкомбриг, владеющий польским языком, — у телефона. Мы расправляемся с проводами, забираем книги, графики, аппарат.

Смертельно перепуганные служащие клятвенно уверяют в своей нейтральности и аполитичности. Их отправили в штаб бригады — там разберут.

На станцию приводят стрелочника и двух рабочих, взятых на квартирах. С ними скоро договорились, поняв друг друга с двух слов. Обсуждаем положение. Разговоры ведутся громче, чем это следует. Военкомбриг, не отнимая от уха трубки теле-

фона, сердито машет рукой. Выясняется из подслушанных по линии переговоров, что из Ровно на Сарны отправляется два бронепоезда.

— Пожалуйста .Путь свободен!..

Нам везет. Но, увы — ничем нельзя основательно испортить полотно дороги: подрывные средства остались далеко в тылу. Их нет не только у нас, но и в бригаде. Доносим обо всем в бригаду, а сами совещаемся с рабочими о возможности испортить путь. Собраны все свободные от разъездок и дозоров ребята, появились принесенные рабочими кирки, мотыги и другие инструменты и работа закипела. Работали до того, что руки отказывались служить, но сделать много не удалось. Испортили путь у стрелки, сняли в другом месте рельсу и закинули ее в канаву у полотна. Дальше работать нельзя: приложенное к рельсам ухо улавливает шум приближающегося поезда.

Окружили в пешем строю участок испорченного пути и притаились. Ждем...

Тихим ходом со стороны Ровно подошли два броневика. Шедший впереди остановился у развороченного пути, а второй, увидев порчу полотна, сразу задним ходом ушел обратно.

Команда оставшегося бронепоезда, выставив вокруг охранение с пулеметами и направив дула орудий по обеим сторонам полотна, принялась исправлять путь. Наши попытки помешать работам были безуспешны и каждый раз отгоняли нас огнем. На рассвете прибыла вся бригада, но без артиллерии в густом лесу она была бессильна бороться с бронепоездом.

В 7 часов поляки починили путь, нашли и поставили на место рельсу, недалеко закинутую нами, и броневик ушел в Сарны. Отсутствие подрывных средств и артиллерии у нашей бригады лишили нас возможности в разных местах повредить полотно и подбить бронепоезд. Только через два часа по уходе нам были доставлены пироксилиновые шашки и на этот раз мы имели возможность взорвать ж.-д. мост в 2-х верстах от Мизлской.

II

Еще с утра было жарко, а к 12 часам стало невыносимо парить.

Колонной — по три, с мерами предосторожности, стянулась бригада в местечко Степань (на Волыни), только ночью оставленное поляками. Местные обыватели, высыпавшие на улицу, с удивлением глядели на скуластых, монгольского типа всадников: они таких «ще нэ бачилы».

На маленьких, быстрых конях, раскачиваясь в седлах в такт унылой, ритмичной башкирской песни, бригада прошла через местечко. Переправились через реку Горынь, преследуя противника. Песни смолкли. Отставшие догнали свои части.

Опять внимание и бдительность. В голове колонны комбриг и штаб бригады. От'ехали с версту от переправы. Впереди на дороге показалось несколько подвод, сопровождаемых пешими из авангарда.

— Стой!

Полки остановились. Подводчики (красные же), что-то рассказывают штабу, показывая в сторону дер. Вербки, куда мы двигаемся. Вызывают комполка. Через несколько минут он возвращается. Задачи и цель ясны. По показаниям крестьян подводчиков, ехавшим из деревни, часа два уже стоят в деревне два эскадрона поляков, силой около 150 сабель. Приказано захватить деревню и уничтожить противника. Наш 28 полк наступает в обход с запада и юго-запада. По дороге Степань — Вербки, прямо в лоб, идет 27 полк. В деревне — Первый полк.

Наши красноармейцы уже раздобыли проводника. Полем и дальше через лес, мы двигаемся в обход дер. Бутейки, что в 2-х верстах от дер. Вербки. От дер. Вербки идет одна дорога на Майлан Вирки и Ромейки.

Туда послан 2-й эскадрон под командой Ишмуратова, в конном строю, а остальные эскадроны, спешившись, цепью двигаются на деревню. Нас обстреливают. Цепь у окраины. Подводчики сказали правду. Затрещал наш пулемет. Поляки отходят за деревню. Жуткое молчание... Мы делаем перебежки. Но из-за домов бегут крестьяне, кричат и машут руками — поляки отступили.

Коноводы, поскорей подавайте нам коней!.. Врываемся в деревню. Она пуста. Крестьяне несут с'естное, просят остаться. Некогда ни отдохнуть, ни подкрепиться пищей. Противник (а его было не два эскадрона, а целый полк по составу больше нашего), оправившись и видя нашу малочисленность, перешел в контратаку.

2-й эскадрон Ишмуратова оттеснен ими и поляки в свою очередь из многочисленных пулеметов и [illegible] деревню. Прорваться вперед невозможно, невозможно с лошадьми и оставаться в деревне. Решено отойти к лесу и ждать подхода других полков. Уже есть потери. Последними отходят пулеметчики и последним же был ранен разрывной пулей комполка Гайпанов.

Отошли и расположились на опушке леса, где провели

ночь. На рассвете всей бригадой пошли на деревню. Поляков уже не было они ушли, избежав встречи с превосходящими теперь нашими силами.

Так отступали поляки, огрызаясь и больно кусаясь, пока мы преследовали их по пятам от Тетерева до Холма.

Бывший комбирг отдельной башкирской кавалерийской на юго-западном фронте *Я. Кальметев.*

29-I 32 г.
г. Уфа

В КОМИССИЮ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Согласно вашего письма, при этом представляю краткие очерки боевых эпизодов 1-го Башкирского кавполка, которым мне привелось командовать в войну против белополяков.

Имея ввиду, что после боевых операций прошло уже 12 лет и некоторые характерные детали многочисленных боев забылись, а также и в силу того, что имеющиеся материалы этих боев (дневники, записи) мною были утеряны в 1921 году,—настоящие боевые эпизоды пришлось писать напамять, но за достоверность и точность их я ручаюсь.

За эти годы стерлись из памяти фамилии отдельных бойцов башкирских частей из числа рядового и командно-политического состава, проявивших доблесть в многочисленных боях против белополяков. Очень хотелось бы и их имена вписать в историю борьбы башкирских частей за власть советов, но опасаюсь случайных искажений отдельных фактов. Я воздерживаюсь освещать эти факты.

Считаю необходимым настоящее письмо пополнить еще следующими данными. В моих боевых воспоминаниях в нескольких местах отмечается сознательное выделение комбригом Муртазиным 27 и 28 кавполков, зачастую, в ущерб боевым подвигам 1-го кавполка. Это об'ясняется тем, что 27 и 28 кавполки были старые полки Муртазина, с которыми он участвовал в боях и на стороне белых и на стороне красных. Старший комсомостав этих полков в большинстве случаев являлись родственниками комбригу Муртазину, а потому эти полки при всяком удобном случае он старался выделить.

1-й кавполк, который прибыл с ленинградского фронта и вошел в состав бригады Муртазина, был для него полком чу-

жим, а потому и его боевые подвиги он старался умалить, а иногда совсем сводить на-нет.

Шарыпов.

т. Шарыпов
(б. ком. 1 баш. кав. полка)

1-И БАШКИРСКИИ КАВАЛЕРИИСКИИ ПОЛК НА ПОЛЬСКОМ ФРОНТЕ

Отдельная Башкирская кав. дивизия, участвовавшая в 1919 году на южном и петроградском фронтах, в ожесточенных боях потеряла значительную часть бойцов, командиров и конского состава.

Мне лично в боях на петроградском фронте в составе полка участвовать не пришлось, ввиду позднего прибытия на фронт в составе Башкирской пехотной бригады.

После ликвидации Юденича перед высшим командованием встал вопрос о расформировании отд. Баш. кав. дивизии и

сформировании из всего ее состава одного кав. полка, что было сделано. Из трех полков дивизии второй и третий полки были расформированы и влиты в 1-й полк, в результате чего и был сформирован 1-й Башкирский кавполк. Формирование полка происходило в быв. Муравьевских казармах, Новгородской губернии.

По окончании формирования, 13 мая 1920 г. полк выступил на польский фронт, куда прибыл 18 мая и в с. Бобровицах (место нахождения бригады), целиком влился в отдельную кав. Башкирскую бригаду Муртазина, в составе которой и участвовал во всех боевых операциях против белополяков.

Из наиболее памятных боевых операций первого кавполка в моем воспоминании сохранилось следующее.

1 Башкавбригада, совершив переправу через р. Днепр, усиленная 73-й пехотной бригадой, развила наступление, чтобы не дать возможности отступающему противнику укрыться. Поляки упорно сопротивлялись, удерживая наступление Баш бригады.

Особенной ожесточенностью отличался бой за овладение местечком Горностайполь, которое дважды переходило из рук в руки, наконец энергичным наступательным ударом кавбригады поляки были окончательно выбиты из местечка и, неся большие потери убитыми и ранеными, отступили в дер. Богданы, имеющую серьезное стратегическое значение, где и заняли господствующую позицию.

На следующий день, утром 5-го июня, 1-му полку была поставлена задача — выбить противника из дер. Богданы. На выполнение этой задачи полк выступил с наступлением рассвета.

В первый момент наступление велось в конном строю, но когда полк столкнулся с непроходимой местностью (болотистость, болота), три эскадрона были спешены и наступление повели в пешем строю.

Занимавший удобные для обороны позиции, противник открыл по наступавшим эскадронам сильный ружейный и пулеметный огонь, но потерь нашим бойцам этот огонь не наносил, только подо мной была убита лошадь.

Я получил другую лошадь и лично руководил атакой. 3-й эскадрон под моим непосредственным руководством совершил удар в конном строю по левому флангу противника через дер. Богданы.

В результате этого удара противник был сбит с занимаемой им позиции и, отойдя на расстояние полтора километра,

занял удобные позиции, упорно обороняясь и ведя усиленный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь.

В этом бою были убиты военком бригады т. Гутман, командир 3-го эскадрона Кудрявцев и несколько красноармейцев. За боевые подвиги в этих боях, я был награжден орденом Красного знамени.

Муртазин в своей книге «Башкирские войска в гражданской войне» отмечает, что в этом бою особенно отличился 27-й кавполк, тогда как всю эту серьезную тактическую задачу выполнял 1-й кавполк, а 27 и 28-й полки занимали второстепенные позиции.

Башкавбригада, сбив противника с занимаемых им позиций, заняла дер. Зарудье откуда 1-м и 28-м полками был произведен налет на станцию Тетерев и сожжена деревянная часть каменного моста через реку Тетерев.

Ночью бригадная разведка обнаружила, что в дер. Пенязевичи находится противник.

По получении этих данных от разведки, командир бригады поставил 1-му кавполку задачу: к рассвету выслать один эскадрон вторично на ст. Тетерев с целью разрушить станцию и мост через реку Тетерев, а остальными эскадронами произвести налет на деревню Пенязевичи, с целью внезапного захвата противника.

Для выполнения поставленной комбригом задачи полк перед рассветом выступил по двум направлениям: 1-й эскадрон под командованием пом. комполка Тихомирова на ст. Тетерев, а остальные части полка под моим командованием на дер. Пенязевичи. Перед началом рассвета полк подошел к кустарникам на расстоянии одного километра с юго-восточной части дер. Пенязевичи, не будучи замеченным заставами противника.

Для того, чтобы продолжать операцию, требовалось уточнить сведения, данные бригадной разведкой о наличии противника в дер. Пенязевичи.

К этому времени достаточно рассветало и женщины из этой деревни гнали коров на пастбище.

При полку был гражданин из д. Зарудье, который был послан за одною из женщин, с поручением привести ее. От женщины окончательно выявили, что деревня действительно занята противником. Было принято решение сейчас же без выстрела снять спящую заставу, в то же время деревня была разбита по участкам на каждый эскадрон, после чего немедленно приступили к выполнению задачи.

Операция проходила удачно. Без выстрела было занято

три четверти деревни. Противник был захвачен спящим, обезоружен и вместе с лошадьми и прочим имуществом был захвачен в плен.

Уже к концу операции, чтобы преградить путь к отступлению противника, с северной части деревни подошел 27 полк. Часовой противника, стоявший у штаба полка, открыл стрельбу. В ответ на выстрелы 27 полк открыл стрельбу по деревне, в результате чего первый полк, оперировавший уже в деревне, попал под обстрел своей части. Поднялась паника. Воспользовавшись этим моментом, части противника удалось прорваться из деревни. Штаб же полка противника во главе с командиром полка был взят в плен 27 кавполком. 1-м кавполком в этом бою было взято много пленных, лошадей, оружия и прочих трофеев.

После этой операции бригада опять возвратилась в д. Зарудье и расположилась по прежним районам.

Отступивший из [illegible] противник 14 июня обрушился на дер. Зарудье и на участке 27 кавполка ворвался в деревню, захватив штаб 27 полка и 50 красноармейцев. Остальная часть 27 полка и весь 28 полк снялись с занимаемой позиции из д. Зарудье и отошли в лес на расстояние полкилометра от деревни в восточном ее направлении.

Первый полк, занимая участок северной окраины д. Зарудье, не бросая своего участка, немедленно развернулся и принял боевой порядок, заняв оборонительную позицию. Наступающий противник всей своей массой обрушился на 1-й полк. Сдерживая ожесточенные атаки противника и массовый ружейно-пулеметный огонь, отважно дрались [illegible] командиры и политработники 1-го кавполка и [illegible], использовав один из наиболее благоприятных моментов, от обороны полк перешел в наступление, в результате чего противник вынужден был отступить.

Этот бой носил настолько ожесточенный характер, что в некоторых участках доходил до рукопашной схватки. Так, например, группа кр-цев настолько близко подошла к противнику, что бросились в [illegible] противника, вооруженных автоматическими ружьями, и прикладами убивали их.

После, когда противник стал в панике отступать, комбриг Муртазин на отступающих бросил в атаку 28 кавполк, до этого стоявший в лесу.

1-й кавполк, который героически боролся за удержание деревни Зарудье и заставил противника отступить, в момент вполне определившегося нашего успеха комбриг с операции снял и направил по лесной дороге на северо-западную часть

д. Зарудье, несмотря на то, что по сведениям разведки оттуда неприятеля ожидать было нельзя.

Давая это задание, комбриг имел в виду весь успех за разгром противника приписать 28 кавполку, подвиг же 1-го полка свести на-нет, что им и было впоследствии сделано. В искаженном виде этот боевой эпизод освещен им в своей книге «Башкирские войска в гражданской войне».

Шарыпов.

ЭПИЗОДЫ ИЗ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

(КУСИНСКИЙ ЗАВОД ЗЛАТОУСТОВСКОГО УЕЗДА, БЫВШ. УФИМ. ГУБ).

Отсутствие на некоторых заводах Южного Урала партийных, большевистских организаций к началу революции 1917 года естественно, отразилось как на характере информации о происходивших событиях, так и на самом понимании значения и смысла этих событий рабочими.

Во многих случаях информация о революции получалась рабочими из рук «начальства», заводской администрации, извращавшей смысл событий. Так рабочие Николаевского завода, узнав о февральских событиях в начале марта, послали в управление завода делегатов. Между делегатами и управителями завода произошел разговор:

— Вы ко мне, товарищи?

— К тебе — говорим (удивились откуда он нам стал товарищем).

— Слышали новость?

— Какую?

— А царь-то отрекся от престола, — говорит управляющий.

Управление заводов, административный персонал, торгаши, попы, кулаки, жандармы, все в перегонку старались выказать перед рабочими свою революционность, сохраняя под новой маской прежнюю волчью шкуру. В Златоусте даже жандармский ротмистр пытался информировать население и рабочих о сущности происходящих событий и «признал» революцию. В Кусинском заводе местный поп «отец» Маров 13-го марта 1917 г — в день расстрела Златоустовских рабочих (в 1903 г.) совершил торжественное поминовение «по убиенным рабочим — рабам божьим», — и в то же время продолжал молиться «о здравии государя-императора и всего царствующего дома». В этих молебнах принимали участие и эсеровские организации.

В марте и апреле 1917 г. в Златоусте, а затем и в Кусинском заводе начинает организовываться РСДРП (б-ов). В Ку-

[illegible] приезжает ряд работников из Питера и других городов, возвращаются некоторые и из ссылки. В состав вошли приехавшие товарищи: Аксенов А., Андронов Г., Ботев П., Артемов И. Большевики Кусинского завода начинают вести работу по разоблачению эсеровской организации. Эсеры и их лидеры — Филатов и Голендер, агитируя, разъезжают по заводам с лозунгами: «Война до победного конца», «созыв хозяина русской земли — учредительного собрания». Лозунги большевиков: «Долой войну империалистов», «да здравствуют Советы», организация продовольственного дела, национализация фабрик и заводов, передача управления в руки рабочих, земли крестьянской бедноте».

Все же надо сказать, на некоторых заводах (Златоуст, Куса, Миасс и др.), несмотря на агитацию большевиков, эсеры пользовались значительным влиянием не только среди обывателей, но и среди рабочих заводов.

Так, при организации совета в Кусинском заводе большевики получили три места, а эсеры имели 7 мест. Эсеры имели свой вооруженный отряд.

Борьба с эсерами принимала иногда острые формы. После Октябрьской революции на одном из объединенных заседаний большевиков и эсеров по вопросу о выработке единой тактики борьбы с контрреволюцией и объединении вооруженных отрядов под руководством большевиков, эсеры «нечаянно» убивают большевика — организатора, рабочего Артемова. Когда стала надвигаться угроза контрреволюции, партия и Ревком поставили вопрос о реорганизации эсеровского отряда, вплоть до его разоружения, если это потребуется. После длительных переговоров, совещаний, совместных заседаний, часть эсеровских бойцов (левые эсеры) перешла на нашу сторону, другая часть (правые) откололась, ушли в подполье и повели контрреволюционную работу.

Это влияние эсеров и их работа создали благоприятную почву для будущих контрреволюционных выступлений, прокатившихся по Златоустовскому уезду б. Уфимской губернии в начале 1918 года перед чехословацким выступлением и особенно во время его.

Контрреволюционные выступления проходили под непосредственным политическим и организационным руководством эсеров в союзе с попами и кулачеством. С эсерами была и часть одураченных ими рабочих.

Будучи начальником штаба Красной гвардии, я проезжал по ряду сел и деревень Златоустовского уезда и везде мы обнаруживали эту руководящую роль эсеров, духовенства и

кулаков: сигналы для восстания давались набатом колокола со «святой церкви»; с колоколен церквей стреляли по отступающим красноармейцам, церковь служила убежищем для контрреволюции (Кусинский завод).

Как расправлялась озверевшая контрреволюция с большевиками и со всеми, кто шел с ними, можно видеть из описываемых в настоящем воспоминании фактов.

ВОССТАНИЕ В ЗЛАТОУСТОВСКОМ УЕЗДЕ

В связи с восстанием чехо-словаков эсеры подняли голову и повели активную контрреволюционную работу в Златоустовском уезде. К восставшим чешским эшелонам посылаются делегации. По уезду организуются кулацкие восстания против советов и большевиков, разгоняются сельские и волостные советы.

Эсеровско-кулацкой бандой были разогнаны советы в Месягутове, Дуване, Тастубе, Леузах, Кусе, Сатке и т. д. Началась волна убийств всех, кто сочувствовал и принимал участие в органах Советов и Красной гвардии. Пытки и мучения доходили до такой жестокой бесчеловечности: людей привязывали к лошади, волочили волоком по улице. Куда бы мы не приезжали, после кулацкого восстания везде мы обнаруживали убитых, изуродованных, с вырезанными глазами, с вырезанной звездой на лбу, с воткнутым шомполом в заднем проходе. Такие факты были: в селе Месягутове, Емашах, Авзяне, Белорецкого округа, в Кусе.

Вот несколько фактов зверства белых (установленных путем опроса и осмотра пострадавших товарищей).

Карательным отрядом белогвардейских банд в количестве 250 человек, под командой подпоручика Мельникова была оцеплена ст. Вязовая и поселок при станции. Отряд арестовал 48 рабочих железнодорожников.

Всех арестованных собрали во дворе жителя поселка Вязовая, Ивана Кошкарова, и по одному человеку вводили в комнату, где за общим столом восседали палачи в форме «батальона смерти», в количестве 16 человек, а в углах комнаты за столами сидели в той же форме офицеры и с ними сестры милосердия. Во главе этого «судилища» находился Мельников, который держал в руках список, очевидно, ранее заготовленный членами местного отделения Саввой Петровым Ширяевым и его помощниками Романом Домрачевым, Дмитрием Бычковым и Дмитрием Пименовым.

При входе арестованных в комнату Мельников спрашивал фамилии их, сын же Домрачева, Владимир, удостоверял

личности арестованных. После такого «допроса» арестованных возвращали обратно во двор, пропуская каждого сквозь строй до места телесного наказания.

Из числа арестованных подверглись телесному наказанию (избиение нагайками) нижеследующие лица:

Матрена Шлемова —5 ударов; Мария Шлемова — 5 ударов; Данила Шлемов — 5 ударов; Иван Ефремов — 30 ударов; Александр Карабанов 20 ударов нагаечных и 30 шомпольных; Степан Козырев — 10 ударов нагаечных. Степан Берин 20 ударов нагаечных и 20 шомпольных; Иван Кононович — 50 ударов нагаечных. Василий Дорофеев — 5 ударов; Александр Черненов — 35 ударов; Семен Шмитов — 25 ударов; Василиса Лазаренкова — 5 ударов; Иван Филимонов — 20 ударов; Иван Лисинский — 125 ударов; Николай Земляков — 40 ударов; Афанасий Шлемов 15 ударов. Избивая нагайкой свои жертвы, палачи приговаривали:

— Вот тебе товарищ Ленин... А вот тебе Крыленко... А вот тебе и революционный дух! Будете помнить отряд Анненкова, и в вашей жизни останется память!

После порки часть арестованных освободили, а остальных отправили пешком в Юрезанский завод (10 верст) в контрразведочную команду, которая состояла из сербов.

В Юрезанском заводе арестованных лиц водворили в арестный дом, а некоторых подвергли порке вторично: Верину — 10 ударов, Козыреву — 20 ударов. Вассе Хардиной производили ежедневно по 40 ударов нагайками в течение 3-х дней. Освобожденные накануне товарищи на следующий день были вторично арестованы и 12 июня были препровождены также в Юрезанский завод.

В ночь с 12-го на 13-ое июня на «арестный двор» с усиленным смешанным караулом из сербов и русских, — явился палач и по списку начал вызывать арестованных: С. Д. Козырева, С. И. Николаева, К. С. Гладышева, И. М. Антонова, В. Ф. Дорофеева, И. И. Савельева, Д. М. Ликинского, А. А. Котельникова, С. И. Лазаренкова и П. Т. Маркова. Вызванных выводили на улицу и, скручивая назад руки, связывали их проволокой по два человека.

По занятии советскими войсками станции Вязовая и Юрезанского завода, было дано разрешение на открытие могилы погибших товарищей и перевозки трупов из Юрезанского завода для похорон на кладбище на ст. Вязовая. При осмотре трупов было установлено следующее:

1) У Андриана Александровича Котельникова разрублено правое плечо около шеи, переломлена ниже колена пра-

вая нога и пропороты пятка и туловище двумя сквозными ударами штыком.

2) У Степана Дмитриевича Козырева несколько штыковых сквозных ударов в туловище, снята шашкой правая сторона черепа с ухом, отрублены четыре пальца левой руки.

3) У Кузьмы Семеновича Гладышева вывернуты в коленях ноги пальцами назад, один штыковой сквозной удар в грудную клетку и огнестрельная рана в висок на вылет.

4) У Степана Петровича Николаева исколоты штыком руки, снята шашкой задняя часть черепа. Одна сквозная штыковая рана в туловище, две огнестрельных раны в ноге и правом боку.

5) У Дмитрия Михайловича Лисинского переломлена правая рука выше локтя, штыковой удар сквозной, в левый бок, сняты шашкой правый висок и часть черепа.

6) У Василия Федоровича Дорофеева переломлены руки выше локтей с раздроблением костей, отрублены два пальца правой руки, разрублена шашкой сверху голова с рассечением черепа и несколько сквозных штыковых ударов в туловище.

7) У Ефима Петровича Савельева снята верхняя часть черепа, несколько штыковых легких и сквозных ударов в туловище.

8) У Ивана Моисеевича Антонова исколоты штыковыми ударами ноги ниже колен, вывернуты руки, несколько сквозных штыковых ударов в туловище.

9) У Семена Никитича Лазаренкова разбито лицо, отрублено левое ухо, отрезан половой орган. Срублено шашкой темя и часть лба.

10) У Павла Терентьевича Маркова раздроблена прикладом голова, отрублено левое ухо, выколоты глаза, выбиты зубы, переломлены руки и ноги и проколото штыковыми ударами туловище.

Все эти факты взяты из прил. № 1 сборника «Октябрь на Южном Урале» стр. 155-156-168 изд. Златоустовского Истпарта 1927 г.).

ВОССТАНИЕ В КУСЕ

17-18 мая 1918 г. Уфимским штабом боевых организаций мне было предложено выехать с отрядом на миасский фронт для борьбы с чехо-словаками. В бою под заводом Миассом отряд был разбит и был направлен для пополнения в г. Златоуст. 27 мая в Златоусте мы приняли участие в разоружении восставшего чехо-словацкого эшелона.

После златоустовского боя штаб командования предложил мне возвратиться в Кусинский завод для формирования и вербовки новых красногвардейцев.

В Кусинском заводе уже было чрезвычайно напряженное положение: кулаки, торговцы и эсеры собирались партиями в разных участках завода, устраивали шествия к совету, кричали: «А, вы голодом хотите заморить, немцам хлеб отдаете, сволочи». Никакого голода, конечно, не было. Кулак Глазнин вел за собой толпу обывателей к ревкому, держал в руках пустой мешок и размахивая им кричал:

— Дайте хлеба, а голодаем, долой совет, долой большевиков, да здравствует народная власть!

Когда же у этого «голодного» произвели обыск, мы обнаружили у него около 300 пудов хлеба. Этот «голодный» Глазнин всегда ходил впереди толпы и кричал: «Вот и власть, вот большевики — грабители, долой их» и т. п.

1-го июня благодаря Глазниным был распущен совет рабочих депутатов завода. Контрреволюция во главе с эсерами начала поднимать голову. Вылезли наружу все скрывающиеся офицеры, торговцы. Организованный большевиками ревком 10-12 июня объявил осадное положение; вооруженные силы предложено было привести в боевую готовность. Не спавшие неделями работники ревкома и красногвардейцы, при небольшом количестве людей (25 человек), естественно, не в состоянии были справиться с надвигающейся опасностью и 14 июня 1918 года началась кусинская трагедия. Вспыхнула кусинская контрреволюция.

В 8 часов утра под руководством вылезших из подполья офицеров, торговцев и эсеров, к зданию ревкома и штаба Красной гвардии собралась толпа в 1000—1500 чел., в том числе и спровоцированные эсерами рабочие завода. Начались выкрики:

— Давай ревком, давай большевиков, давай грабителей!

Руководители толпы, контрреволюционеры Трубин Николай и Хлызов Н., купец Балуев, офицер Сабуров кричат:

— А-а! В нас стреляют, а мы смотрим...

С нашей стороны не было ни одного выстрела; стреляли из толпы, чтобы спровоцировать ее и заставить пойти на штурм и взять нас. Толпа обывателей загудела и начала напирать к зданию ревкома.

Ревком и штаб решили обратиться с балкона к собравшимся и разъяснить им, как классовые враги их опутали и толкают на провокацию. На балкон вышел член ревкома, большевик тов. Андрианов Г. и пытался говорить, но заглушенный криками, забрасываемый камнями, тов. Андрианов

принужден был уйти обратно в помещение. За ним вышел на балкон я, но и меня постигла такая же участь.

Закрыв за собой дверь, я подбежал к телефону и еле успел сказать два слова златоустовскому штабу о восстании банды: центральная станция была занята бандой и разговор был прерван. Толпа напирала к подъезду, затрещали окна и двери. Видя безвыходное положение, я решил отдать красногвардейцам распоряжение об открытии огня, но забежав в одно, в другое помещение, я не нашел ни одного красногвардейца. Как выяснилось потом, член ревкома Семейкин отдал распоряжение бойцам отступить через черный ход. С его стороны это была грубейшая ошибка: нельзя было оставлять каменное помещение, где можно было защищаться.

Толпа окружила помещение со всех сторон. Бросившись к черному ходу, мы увидели, как в саду толпа издевалась над пойманными и сопротивлявшимися красногвардейцами: рубили лопатами, били палками, забрасывали камнями и т. п. Пойманный и избитый Семейкин был поднят на вилы и замучен. Мы с тов. Андроновым бросились обратно по коридору, ведущему к главному подъезду. Толпа ломилась в окна, ломала двери.

Взяв несколько бомб, винтовку и патроны, я начал искать выход из положения. Из одной комнаты был ход, ведущий на чердак под крышу. Закрыв за собой дверь, я прошел туда. Через продухи железной крыши я видел, как толпа на улице продолжала расправляться с пойманными красногвардейцами. С чердака я бросил бомбу, от взрыва которой толпа отступила, но через некоторое время снова продолжала свое дело. Оставшийся внутри помещения тов. Андронов, расстреляв все свои патроны, был взят толпой, изрезан, исколот кинжалами и в полуживом состоянии был брошен в подвал.

Просидел я на вышке около восьми часов. Ворвавшись на вышку с другого хода, банда сбросила меня головой вниз по лестнице. От сильного удара и штыкового ранения в живот я потерял сознание. Волоком меня притащили в штаб. В штабе я был раздет до нага, наганом выбили зубы, потом вывели к главному подъезду, где стояла телега, на которой, как дрова, были набросаны трупы убитых, замученных и изуродованных красногвардейцев. В это время подошел главный палач Трубин и приказал не убивать меня, так как мне, начальнику красногвардейского отряда, будет «народный суд».

Меня посадили в подвал, служивший тюрьмой. От ударов

и ранения я снова потерял сознание и лишь через три часа пришел в себя. В это время в подвал были брошены еще два товарища — Андронов, исколотый кинжалом, и Афанасьев Н.

Часов в 10 утра на другой день после восстания меня повели сквозь строй озверевшей толпы в штаб на допрос.

В составе следственной комиссии были: торговец Бахтеев, Трубин Н., эсеры Лукин и Иванов, Захаров и др. Отвечать на вопросы я не мог, так как рот был полон выбитых шатающихся зубов, запеклась кровь, от ранения желудка все время была рвота. Мне дали бумагу и карандаш и я написал, чтобы меня не мучили и расстреляли. Меня вывели в соседнюю комнату и через непродолжительное время отправили в больницу.

Впоследствии выяснилось, что белогвардейцы решили мне оказать «медицинскую помощь» лишь потому, что со стороны наступающих отрядов красной гвардии был предъявлен ультиматум: не мучить арестованных, иначе завод будет разбит снарядами.

Часа через четыре в больницу ударил первый снаряд со стороны наступающих отрядов Красной гвардии, так как разведка сообщила, что белогвардейская банда продолжает пытки и издевательства. В больнице началась паника, приехали два всадника, забрали меня, вытащили волоком из больницы, под руки подвязали веревками и галопом пустили лошадей. В бессознательном состоянии меня снова бросили в подвал, где уже не было никого.

Вокруг завода на 5-6 день восстания сосредоточились красногвардейские отряды. Со стороны Златоуста был сделан налет эстонского коммунистического батальона, который и выбил банду из завода.

После боя и перестрелки послышался топот коней. Это приехали красногвардейцы-латыши, взломали замки железных дверей подвала и взяли меня.

Во время шестидневного восстания попы заводских церквей устраивали молебен по случаю победы «народа» над Красной гвардией и большевиками. Поп Марков, обращаясь к толпе с проповедью, говорил:

— Дорогие христиане, братья, — бог справедлив, покарал нечистую силу, дьявола — большевиков. Да убьет господь бог всех, кто противится православной церкви!

После попа Маркова выступает торговец, татарин Бахтеев, который также радостно говорит о победе над большевиками и просит бить их, так как они взяли с него контрибуцию. В заключение выступает эсер Лукин Василий, призывая толпу

молящихся к защите «хозяина русской земли», учредительного собрания, при помощи чехов.

После подавления белогвардейцев на заводе пришлось пробыть не более четырех суток. Восставшие чехо-словацкие эшелоны в Челябинске, прорыв фронта под Златоустом, восстание белогвардейцев в заводе Сатка и др. — вынудили отряды Красной Гвардии отступить по Западно-Уральской железной дороге. Лишь через 8-9 месяцев, разбив Колчака, мы вернулись обратно.

П. Ф. Ботев

„ЭШЕЛОН СМЕРТИ"

I. АРЕСТ

После оставления города Белебея советскими войсками летом 1918 года и образовании «учредиловщины», мы, арестованные, содержавшиеся в местной тюрьме, получили вскоре печальную весть об оставлении нашими войсками и города Уфы. Белебей находился в то время в руках так называемого военного штаба.

Штаб был образован офицерами, составлявшими тайную «организацию офицеров в борьбе с большевиками до конца». Во главе организации стоял бывший земский начальник Качалов (расстрелян при взятии Омска в 1919 г.) и другие офицеры.

Правые эсеры рассчитывали взять власть в свои руки, но это им не удалось и вся власть перешла в руки офицеров. Вскоре был организован «штаб обороны». Начальником штаба был назначен полковник Витковский, прибывший из города Самары, а комендантом — прапорщик Некоронов (сын бывшего уфимского исправника) и зав. следственной частью — прапорщик Мальченко, все — ярые реакционеры. Организовалась и контрразведка во главе с прапорщиком Садовским.

В руках контрразведки и находилась, главным образом, вся власть. Начались гонения не только на видных советских деятелей, но даже и на простых служащих в советских учреждениях. Пошли репрессии, обыски, аресты. Тюрьма быстро наполнялась заключенными.

Более видных работников, в числе 35 человек, отправили из местной тюрьмы в губернскую, в г. Уфу. Распоряжение исходило из штаба обороны и от контрразведки, которыми были составлены списки, кого именно отправить. Эта от-

правка была вызвана еще тем, что накануне, 2-го августа, нами был устроен «бунт» в тюрьме. Это был протест против насилия со стороны некоторых лиц, стоявших у власти. Но главное, вызвано это было следующими обстоятельствами.

Одной из арестованных женщин пьяный начальник милиции Соловьков сделал гнусное предложение, при заявлении, что судьба ее мужа зависит от ее согласия, и обещал освободить ее мужа. Это быстро дошло до нас и мы потребовали для объяснения начальника тюрьмы, прапорщика Блюмрейха, который сначала категорически отказался явиться в камеру и явился только после «бунта», — нашего протеста против действий н-ка милиции Соловькова.

Когда наша камера была выведена на прогулку, мы постарались быстро оповестить о готовящемся протесте всю тюрьму. В камерах началось волнение. Мы с прогулки были загнаны в камеру; тут же из нашей камеры и слышался «Интернационал», поддержанный соседними камерами, и вскоре заколыхалась вся тюрьма. По городу разнеслись самые нелепые слухи о происходящем бунте в тюрьме, устроенным политическими заключенными. Быстро прибыла к воротам тюрьмы рота местного полка, преимущественно из добровольцев и офицеров, вооруженных пулеметом. В камеру к нам явился чешский комендант, по коридорам бегал поручик Богоявленский. Коменданта окружали солдаты с винтовками.

— Что, бунтовать вздумали — сволочи? Всех расстреляю без суда и следствия! Я чешский комендант! — были первые слова коменданта.

Комендант долго кричал, приставлял дуло револьвера к лицу каждого арестованного, а в особенности к Калинину. За этот бунт вся камера наша была переведена на карцерное положение: всех лишили передачи и свидания. Это-то событие, т.-е. «бунт» в тюрьме 1 августа 1918 г. и ускорил наше отправление в Уфу.

II. ОТПРАВЛЕНИЕ В УФУ

После обычной канцелярской волокиты и тщательных обысков мы были построены по четверо и вечером отправлены на вокзал. Сопровождал нас усиленный конвой: рота солдат и взвод конной милиции. Начальник конвоя поручик Зубов беспрерывно кричал: «уже цепь!».

На станции Белебей стоял приготовленный для погрузки товарный вагон из-под угля, без нар. В этот вагон нас и поместили, набив как сельдей в бочку. В вагоне было темно, грязно и душно, так как двери и люки были наглухо закры-

ты. Когда мы попробовали было зажечь свечку, то последовало категорическое распоряжение — потушить и больше не зажигать.

Хотя отправление нас из тюрьмы носило секретный характер, но о нем узнали некоторые из родственников и товарищей наших, которые прибыли уже на ст. Аксаково, в 12 верстах от Белебея, чтобы проститься, но никто из них допущен к нам не был... Никакие свидания и разговоры с арестованными не разрешались. Находившиеся в конвое чехи особенно усердствовали в бдительной охране и никого не допускали к вагону на несколько шагов, быстро разгоняя всех собравшихся на платформе. Так простояли до ночи. Ночь прошла кошмарно: было тесно и душно, почти никто не спал. Поезд тронулся поздно ночью.

Стояли жаркие дни. При такой обстановке мы прибыли на ст. Уфа, где около двух суток, изнывая с нетерпением, ожидали отправки нас в тюрьму. Но так как дел наших с нами не прислали, то уфимская контрразведка, в лице полковника Солодовникова, нас не приняла и мы были возвращены обратно в Белебей. Те же ужасные условия и на обратном пути в грязном, душном, закрытом вагоне. По возвращении на ст. Аксаково, находившиеся здесь офицеры и представители местной буржуазии и кулачества, обращались к конвою с вопросом:

— Почему вы не расстреляли эту сволочь, а привезли обратно?

Наш вагон перевели на ст. Белебей, где мы простояли до вечера. Был вызван конвой из города, по прибытии которого нас повезли в тюрьму.

Как бы то ни было, но после 3—4-дневного скитания в грязном, душном вагоне без достаточного количества хлеба и воды, все были очень рады, когда вновь очутились в Белебеевской тюрьме. Наложенное на нас перед отправкой в Уфу наказание карцером за бунт отменено не было. Тюремная жизнь вошла снова в обычную колею. Арестованные прибывали. В начале августа были арестованы: комиссар почт и телеграфа, бывш. офицер Федотов, студент Котельников, председатель исполкома бывш. офицер Клюев, а еще раньше были арестованы первыми коммунисты Калинин, доктор Владимирский, затем адъютант штаба красной гвардии и секретарь военного отдела исполкома Батурин (организатор красной гвардии, б. офицер), комиссар финансов — студент Михеев, помощник комиссара земледелия Завадильев, матрос Семочкин и др. Были арестованы на несколько дней даже три

офицеры «нар. армии»: Летин, Аппораут и Андреев «за сочувствие к большевикам» и еще комендант ст. Давлеканово Терехов «за слабость к арестованным».

В связи с шатким положением у белых на фронте, небезопасно было оставлять арестованных в Белебее, а потому в начале октября 1918 года опять повезли нас в Уфу. На этот раз в партии находилось уже около 50 человек, при чем в нее целиком вошел весь прежний состав.

III. УФИМСКАЯ ТЮРЬМА

(из дневника арестованного)

— Имя, имя, сволочи, имя! — кричал помощник начальника уфимской тюрьмы, прапорщик Селиверстов при приеме нас у ворот тюрьмы.

— Это вам не совдепия! Расстрелять надо всю эту большевистскую сволочь! — напутствовал Селиверстов, принимаемых им арестованных от караула, доставившего нас с вокзала до тюрьмы (караул усиленный, солдаты польского легиона).

Тюрьма приняла нас в свои объятия. Ввели в следственный корпус. В нашу камеру поместили 15 человек. Темно, душно, грязно. Сырость, тяжелый вонючий запах. Никто не раздевался.

Некоторых из наших арестованных смешали с уголовными. Пробовали протестовать. У некоторых из товарищей нашелся знакомый надзиратель, который и перевел нас в лучшую камеру срочного корпуса, сначала в 7-ю, а затем в 6-ю. Здесь уже находилось до 20 человек арестованных, среди них Кадомцев Николай (брат Михаила), Чаплыгин, доктор Владимирский, Калинин и др. Эта камера пользовалась преимуществом у тюремной администрации и некоторыми поблажками и исключениями со стороны надзирателей.

Арестованным этой камеры разрешалось ходить по двору до церкви и хлебопекарни, а не по кругу, как арестованным других камер.

Ужин дают рано, около 4 часов дня, а вскоре производится и поверка. Выстраиваются по два, по-военному.

Тюрьма живет различными слухами. Самара, Бугульма взяты нашими. Красные войска с успехом двигаются вперед. Белые бегут. Железнодорожники требуют нашего освобождения.

Шесть человек из нас (Евсеев, я, Ильясов, Кириллин, Владимирский и Калинин) перевели в срочный корпус; расходимся по камерам №№ 6-7.

Местная газета «Уфимская жизнь» стала выходить под

названием «Отечественные ведомости», уклон еще правее, реакционнее.

10 октября. Нас в числе 6 человек, переведенных сюда из следственного корпуса, назначили в контору (Михеев, Котенев, Федоров, Злыдников, Волоцкий и я) для справок, когда мы прибыли в тюрьму. Мы с Федоровым как военные, числились за контрразведкой. Я обратил внимание на особый список, составленный по личному распоряжению тюремного инспектора. В нем фигурировали все мы шестеро и другие, всего 65 человек. По фамилиям, по отбору сразу можно было судить, что это был за список.

11 октября. Сегодня в телеграмме белой прессы сообщается об отходе «народной армии» из Самары на Кинель. «Самара охраняется частями арьергарда».

По слухам, железнодорожники поставили властям ультиматум об освобождении нас, политических, из тюрьмы в 3-х дневный срок, что вывозить нас не дадут. Воззвание от рабочих. В городе волнение и суета. Зато у нас тихо, тихо...

На довольствии состоит 1242 человека.

14 октября. Сегодня у них праздник «покрова». По губернии массовые аресты, белые свирепствуют. Буржуазия отчаливает на Сибирь. Со стороны Самара-Белебей проехать сюда невозможно: поезда набиты беженцами, армейцами. Чехи катят в Сибирь, они заявляют, что будут воевать только совместно с казаками, но не с народоармейцами. По их словам, большевизм пустил глубокие корни. В семье большевики не только сын или отец, но жена и дети — все большевики. Бороться трудно; они (чехи) вернутся опять сюда, но уже тогда никакой пощады большевикам не будет. На вопрос, что они будут делать с арестованными, чешский офицер заявил: «арестованных и пленных у нас не будет».

Все это на свидании передала доктору Владимирскому его жена, которая при помощи чехов благополучно добралась из Белебея до Уфы в чешском вагоне. (Доктор Владимирский содержался вместе с нами в одной камере, № 6, уфимской тюрьмы, а раньше в белебеевской).

Прибыл на-днях, кажется 10-го, целый эшелон с арестованными товарищами из Самары: более 1000 человек. К нам в срочный корпус рассадили по камерам 60 человек. Не успели разместить, как вчера, 13-го, уже четверо ранены. Находились они в 1-м коридоре, подошли к окну. С улицы доносился шум. Взглянули на улицу. В результате стрельба по окнам. Двое тяжело раненых. Пуля попала в железную решетку, оторвала куски железа.

Поезд с арестованными самарцами простоял на ст. Уфа несколько дней, а затем был направлен дальше. Это был «поезд смерти», первый эшелон с арестованными, последовавший в Читу.

На вокзале творится что-то ужасное. В панике бегут.

Мирные выезжают из города. Семьи буржуазии уже на отъезде. Город шумит. От рабочих выпускаются прокламации, листовки бросаются нашими с аэропланов. Народоармейцы дезертируют. В Усть-Катаве и на других заводах волнение. Власти растерялись. Карательные отряды двигаются усмирять. Наша тюрьма переполнена. Арестованных бирцев направляют обратно в г. Бирск, красноармейцев — в лагеря. Арестованных уменьшилось сразу на 300 слишком человек за два дня. Сегодня на довольствии состоит только лишь 863, вместо 1242 на 10-е.

15 октября. По информационным данным, дошедшим сегодня до нас, Красной армией взяты Самара и Кинель. Наши быстро идут вперед. Некоторые из учреждений не успели эвакуироваться, железнодорожные пути загромождены. От ст. Кинель до Уфы едут на лошадях, платя за перевоз по 3-5 руб. за версту. Приехала жена Калинина, с большим трудом добралась до Уфы. На ст. Аксаково С.-З. ж. д. ей пришлось жить несколько суток. Жена Михеева вернулась обратно, так как была ссажена с поезда белогвардейцами. В Златоусте расстрелян [illegible] машинист, отказавшийся ехать по приказу офицера.

Отряд народоармейцев, отправленный на самарский фронт, разоружили встретившиеся им чехи. Эшелон с арестованными самарцами задерживается в дороге. Пути загромождены все.

На нас, арестованных, большое внимание и со стороны своих и со стороны властей. В нашу камеру от неизвестных доставлены съестные припасы.

17 октября. Выпущены прокламации с угрозой буржуазии в случае вывоза нас, арестованных, из Уфы. Арестованные прибывают. На довольствии 961 чел. В нашем срочном корпусе 405 чел. Власти скрывают свои неудачи.

19 октября. Мимо тюрьмы проходит отряд кавалерии. Ясно слышен звон копыт и в нашей камере (верхний этаж). Громыхают телеги, шум, свистки. Нашлись любопытные взглянуть в окно. Стрельба по окнам камер. Напряженное состояние большинства. Слухи с быстротой молнии разносятся по тюрьме.

— Эвакуируют, — таинственно сказал Михайлов и замолк, словно воды в рот набрал. Тишина в камере. Опять шум, беготня.

Буржуазия платит большие суммы денег, чтобы выехать из Уфы. Офицерство и их жены чувствуют себя полными хозяевами. Солдаты бегут. Начальство их, в лице прапоров и поручиков, занято насилиями, мародерством.

Газеты сообщают об оставлении белыми г. Бугульмы — «по стратегическим соображениям».

21 октября. Разоружаются одиночки. Прибывают арестованные из Стерлитамака, партия в 137 чел. К нам в камеру сегодня перевели из второй одиночки 5 человек; среди них Чанышев — казанский окружной военный комиссар. В первой одиночке сидят восемь человек смертников-красноармейцев. Прошла неделя со дня вынесения приговора военно-полевого суда, а принято держать не более суток. Расстрелы производятся если не в эту ночь, то в следующую. Расстреляны Рахутов, Галлиетдинов (Амурский) и другие.

В одиночках мертвая тишина. Там отчетливо слышен каждый шорох, каждое движение надзирателя: звон ключей разносится по всем четырем этажам. В одиночке страшно. Тяжело сидеть рядом со смертником. Жутко, когда их выводят ночью на расстрел. Как можно тише и незаметнее стараются вывести смертника «в контору», или «на свидание», или «на допрос». Легкий звон ключа, и на страже все одиночки. Расправляются без суда и следствия, а особенно в подвалах бывшего губернаторского дома, где расположена знаменитая контрразведка Солодовникова и Кугушева.

Теплые трупы вывозятся на автомобилях. Ужасный случай с Евтиховым, брошенным в р. Белую с камнем на шее.

Командующим самарской группой вместо генерала Чечека назначен ген. Войцеховский.

Оставление Самары и других городов вызвано «выпрямлением фронта и входило в планы высшего командования». Оставление Уфы в подобные планы не входит. И вообще — «Уфе не угрожает никакой опасности». Таково мнение белого командования.

Хотя оставление Уфы «не входит в планы белого командования», но эвакуация города происходила усиленным темпом, отступление же производилось форсированным маршем.

Советские войска продвигаются вперед. 26 октября белогвардейские власти решили эвакуировать уфимскую тюрьму, вследствие чего нас под сильным конвоем отправили на вокзал для эвакуации на Восток. К этому времени в уфимскую тюрьму были переведены арестованные из уездных тюрем: мензелинской, стерлитамакской и бирской. Арестованные мензелинцы рассказывали о расстрелах, производимых офицер-

стием в г. Мензелинске. Там были расстреляны комиссары, члены исполкома и вообще все более или менее видные советские работники. Начальником конвоя был назначен начальник мензелинской тюрьмы, поручик Астафьев, который и вел этап до уфимской тюрьмы из г. Мензелинска.

IV. ЭВАКУАЦИЯ ТЮРЬМЫ.

Вечером 26 октября началась погрузка. Арестованные красноармейцы из лагерей были погружены раньше нас.

Вся партия состояла, приблизительно, из 1600 человек с арестованными, находящимися в лагерях. Размещали в товарные вагоны по 35—40 человек в вагон. Все вагоны были холодные, без нар и без печей. Многие из товарищей имели только летнюю одежду и старались укрыться одеялами, матрацами (серые мешками) и различным тряпьем, защищая от холода зябнувшие тела. Некоторые из товарищей захватили с собой из тюрьмы казенные одеяла и матрацы, и вот эти-то арестантские постельные принадлежности служили и верхней одеждой. Другие были одеты в рваные одеяния, а некоторые были даже в одних летних рубахах, т.-е. в том, в чем были арестованы в июне—июле месяцах. Часть арестованных товарищей имела только лишь нательную рубаху на плечах.

Наш эшелон сопровождал помощник начальника уфимской губ. тюрьмы, прапорщик Семисерстов, конвоиры же были чехи, под начальством чешского поручика.

Это второй «эшелон смерти» после первого, самарского, отправившегося из Уфы 14-15 октября.

В нашем «эшелоне смерти» в числе 1500 человек, среди арестованных находились известные самарским товарищам г. т. Адамская В. К., Авенде-Бувиен М. С., Дорофеина С. И., Антропов И. И., Скубченко и автор настоящих заметок.

Погрузка на товарном дворе ст. Уфа закончилась к 9 часам вечера. Наступила холодная, ужасная для нас ночь, которую почти никто не спал от холода. Поезд тронулся утром на другой день. Довольствия никакого не выдавали. Хлеб был выдан только лишь на третий день за г. Златоустом, в количестве всего не более полфунта на человека на 3-4 дня. Люди положительно замерзали от холода и голода; некоторые дни совершенно не давали не только кипятку, но и воды, в хлебе же все время ощущался недостаток. Люди голодали, из-за отсутствия одежды и недостатка пищи некоторые из товарищей не выдерживали и заболевали; валялись на грязных нарах, сделанных уже в дороге. По своему изнутренному виду и рваному одеянию, которым было едва прикрыто

тело. Некоторые из товарищей представляли ужасную и жалкую картину, были и такие, которые падали духом. Но достаточно было получить кружку кипятку или кусок хлеба, поданные в окно кем-либо из рабочих, и подавленное настроение сразу менялось. Все веселели, настроение приподнималось, а иногда даже слышались песни.

Как рабочие, так и их семьи по пути следования нашего эшелона по Уралу, Сибири и Забайкалью относились к нам очень сочувственно и помогали всем, чем только могли, стараясь облегчить наше положение. Они посвящали нас в настроение пролетариата, который, по их словам, весь был настроен против власти колчаковских насильников, говорили о готовящемся выступлении рабочих по всей Сибири, удачных налетах партизан и т. д., а нас просили быть терпеливыми и верить в победу пролетариата над белогвардейцами. Это сочувствие вливало в нас свежие силы и давало нам бодрость переносить все лишения и страдания от голода и холода. Мы верили в нашу окончательную победу и торжество рабочего класса и верили в наше лучшее будущее.

Почти весь путь следования из Уфы до Омска вагоны оставались запертыми, открывались только по утрам минут 15—20. В это время мы пользовались случаем запастись дровами, а за отсутствием таковых брали бревна, шпалы и проч. Люки окон были все время закрыты, а когда мы пробовали открыть, то сейчас же следовало категорическое приказание закрыть их. Вагоны не были приспособлены для отопления, не было труб, поэтому при топке печи вагоны быстро наполнялись сажей и дымом, который застилал глаза. Все были грязные, прокопченные, не умывались неделями и более. В некоторых вагонах не было печей. Кто замерзал от холода, кто задыхался от копоти и дыма.

Ст. Миньяр поезд прошел поздно вечером. Здесь приходилось наблюдать, как ночью на ходу поезда некоторые из товарищей выскакивали и спрыгивали, рискуя или быть пристреленными стоящими на соседней платформе часовыми или попасть под поезд.

Вот и Курган. Здесь нас выстроили на обед и повели на сборный пункт. Когда нас вели, то толпа жителей бросала нам хлеб, баранки и проч. С жадностью накидывались изголодавшиеся товарищи, происходила давка. Часовой, стремясь разогнать толпу, брал на изготовку винтовку. За обедом мы узнали, что многие из наших товарищей уже на свободе: они сбежали с дороги. Особенно много уходило при проезде мимо заводов (Усть-Катавского, Симского, Миньярского и др.).

ством в г. Мензелинске. Там были расстреляны комиссары, члены исполкома и вообще все более или менее видные советские работники. Начальником конвоя был назначен начальник мензелинской тюрьмы, поручик Астафьев, который и вел этап до уфимской тюрьмы из г. Мензелинска.

IV. ЭВАКУАЦИЯ ТЮРЬМЫ.

Вечером 26 октября началась погрузка. Арестованные красноармейцы из лагерей были погружены раньше нас.

Вся партия состояла, приблизительно, из 1600 человек с арестованными, находящимися в лагерях. Размещали в товарные вагоны по 35—40 человек в вагон. Все вагоны были холодные, без нар и без печей. Многие из товарищей имели только летнюю одежду и старались укрыться одеялами, матрацами (вернее мешками) и различным тряпьем, защищая от холода зябнувшие тела. Некоторые из товарищей захватили с собой из тюрьмы казенные одеяла и матрацы, и вот эти-то арестантские постельные принадлежности служили и верхней одеждой. Другие были одеты в рваные одеяния, а некоторые были даже в одних летних рубахах, т.-е. в том, в чем были арестованы в июне—июле месяцах. Часть арестованных товарищей имела только лишь нательную рубаху на плечах.

Наш эшелон сопровождал помощник начальника уфимской губ. тюрьмы, прапорщик Селиверстов, конвоиры же были чехи, под начальством чешского поручика.

Это второй «эшелон смерти» после первого, самарского, отправившегося из Уфы 14-15 октября.

В нашем «эшелоне смерти» в числе 1500 человек, среди арестованных находились известные самарским товарищам т. т. Адамская В. К., Авейде-Бушен М. С., Дерябина С. Н., Андронов Н. Н., Скубченко и автор настоящих заметок.

Погрузка на товарном дворе ст. Уфа закончилась к 9 часам вечера. Наступила холодная ужасная для нас ночь, которую почти никто не спал от холода. Поезд тронулся утром на другой день. Довольствия никакого не выдавали. Хлеб был выдан только лишь на третий день за г. Златоустом, в количестве всего не более полфунта на человека на 3-4 дня. Люди положительно замерзали от холода и голода: некоторые дни совершенно не давали не только кипятку, но и воды, в хлебе же все время ощущался недостаток. Люди голодали, из-за отсутствия одежды и недостатка пищи некоторые из товарищей не выдерживали и заболевали; валялись на грязных нарах, сделанных уже в дороге. По своему изнутренному виду и рваному одеянию, которым было едва прикрыто

тело. Некоторые из товарищей представляли ужасную и жалкую картину, были и такие, которые падали духом. Но достаточно было получить кружку кипятку или кусок хлеба, поданные в окно кем-либо из рабочих, и подавленное настроение сразу менялось. Все веселели, настроение приподнималось, а иногда даже слышались песни.

Как рабочие, так и их семьи по пути следования нашего эшелона по Уралу, Сибири и Забайкалью относились к нам очень сочувственно и помогали всем, чем только могли, стараясь облегчить наше положение. Они посвящали нас в настроение пролетариата, который, по их словам, весь был настроен против власти колчаковских насильников, говорили о готовящемся выступлении рабочих по всей Сибири, удачных налетах партизан и т. д., а нас просили быть терпеливыми и верить в победу пролетариата над белогвардейцами. Это сочувствие вливало в нас свежие силы и давало нам бодрость переносить все лишения и страдания от голода и холода. Мы верили в нашу окончательную победу и торжество рабочего класса и верили в наше лучшее будущее.

Почти весь путь следования из Уфы до Омска вагоны оставались запертыми, открывались только по утрам минут 15-20. В это время мы пользовались случаем запастись дровами, а за отсутствием таковых брали бревна, шпалы и прот. Люки окон были все время закрыты, а когда мы пробовали открыть, то сейчас же следовало категорическое приказание закрыть их. Вагоны не были приспособлены для отопления, не было труб, поэтому при топке печи вагоны быстро наполнялись сажей и дымом, который застилал глаза. Все были грязные, прокоптелые, не умывались неделями и более. В некоторых же вагонах не было печей. Кто замерзал от холода, кто задыхался от копоти и дыма.

Ст. Миньяр поезд прошел поздно вечером. Здесь приходилось наблюдать, как ночью на ходу поезда некоторые из товарищей выползали и спрыгивали, рискуя или быть пристреленными стоящими на соседней платформе часовыми, или попасть под поезд.

Вот и Курган. Здесь нас выстроили на обед и повели на сборный пункт. Когда нас вели, то толпа жителей бросала нам хлеб, баранки и прот. С жадностью набрасывались изголодавшиеся товарищи, происходила давка. Часовой, стремясь разогнать толпу, брал на изготовку винтовку. За обедом мы узнали, что многие из наших товарищей уже на свободе: они сбежали с дороги. Особенно много ушло при проезде мимо заводов (Усть-Катавского, Симского, Миньярского и др.)

А «эшелон смерти» шел дальше и дальше. Он проследовал до Читы, затем обратно в Иркутск — иркутская тюрьма, лагери военно-пленных на ст. Иннокентьевская, Забайк. ж. д.

Много из наших товарищей, в том числе уфимцев, белебеевцев, бирцев, стерлитамакцев остались в Сибири и Забайкалье — умирали от холода, голода и от тифа. Много было зарыто в ямы в лагерях Заиркутного военного городка при ст. Иннокентьевская Заб. ж. д. Расстрелы, издевательства, голод, болезни унесли не мало жизней... Кто не помнит расстрела рабочего ст. Чишмы С.-Злат. ж. д. Молчанова на глухой станции «Хушенга» Забайкальской ж. д. по капризу начальника конвоя прапорщика Овсенко?..

Кто не знает о вынесенных трупах из вагонов нашего эшелона на путях Урала, Сибири, Забайкалья?

В Чите вынесли сразу три трупа, о чем даже отмечалось в местной газете «Наш путь» от 19 ноября 18 г. № 76: «Чита, 17 ноября. В 11 час. утра в вагонах эшелона, прибывшего из Уфы с пленными красногвардейцами, обнаружены три трупа» — так писала газета.

Многих мы не досчитались, многих нет среди нас, но память о них должна жить в сердце каждого партийца, каждого рабочего, каждого товарища, испытавшего все «прелести» комуча и репрессии колчаковщины.

Валентин Батурин.

БОЕВИК ВАНЯ.

Барышев Иван Васильевич, сын бедняка (батрака), родился в селе Зилим, Архангельской волости, Уфимского кантона. С 8-летнего возраста начал продажу своего труда в борьбе за существование. 18 лет Ваня призывается в ряды старой армии для защиты «веры, царя и отечества» и находится все время на фронтах в качестве рядового солдата до возврата на родину, до 1 апреля 1918 г.

3 апреля он добровольно вступает в ряды бойцов Зилимской боевой организации народного вооружения, одновременно становясь кандидатом РКП(б). Пройдя недолгий, но тяжелый путь революционной борьбы, он отдает свою жизнь за дело диктатуры пролетариата.

9 июня 1918 г. кулачество, объединившись 9-ю волостями, подняло вооруженный поход на молодую, неокрепшую Зилимскую боевую организацию народного вооружения, возглавляемую мною. Охватив ее со всех сторон в железное кольцо,

контрреволюционеры лишили ее связи всех видов с соседними организациями и организациями города Уфы. Нам оставалось своими силами принять решительные меры отпора и разгрома восставших белобандитов, без всякой помощи со стороны и восстановить связь со штабом боевых организаций гор. Уфы. Осуществить связь с Уфой было весьма рискованно, но великое дело пролетарской революции неизменно этого требовало.

12 июня штабом этой боевой организации был брошен клич ко всем бойцам о необходимости добровольного принятия на себя одним из бойцов дела по восстановлению связи со штабом боевых организаций гор. Уфы. Выполнить эту трудную задачу первым из'явил свое желание Ваня.

В этот же день в 11 час. дня, верхом на лошади, Ваня отправился в путь, но в селе Ирныкших он был задержан белобандитами. После первых допросов Ваня подвергся ряду пыток, и тут же был доставлен к зданию волостного правления на сходку, где ему задавались вопросы всевозможного характера. Ваня категорически отказался давать белогвардейцам те или иные показания о состоянии Зилимской боевой организации.

Толпа белобандитов, учтя такую решительность Вани, приступила к его избиению. Ударили его по голове рычагом, рассчитывая этим получить необходимые показания. Упавший после нанесенного удара с лошади Ваня пришел в сознание, не растерялся и бросил в толпу находившуюся у него в голенище сапога и не найденную при обыске бомбу, но бомба по неизвестной причине не взорвалась. Бандиты, отбросив в сторону мысль о дальнейших расспросах, тут же начали зверски терзать Ваню.

Растерзанный и изуродованный, он около 4 часов валялся у этого же здания. Жены белобандитов подходили к нему, выливали на него помои, совали в рот землю и приговаривали: «на, вот тебе — свобода, земля и воля».

Белобандиты решили похоронить его в навозе и в этот же день по приказу их, отцами красноармейцев нашей организации, Ваня был зарыт в куче навоза по дороге от Ирныкшей к Зилиму. Когда его зарывали, Ваня был жив; когда его бросили в яму, то он еще приподнимался. Один из белобандитов ударил его железной лопатой по голове, крепко прижал его в яме, чтобы он больше не шевелился — и Ваню быстро забросали землей и навозом..

21 июня с ротой пехоты и 35 кавалеристами я занял село Ирныкши. Нам указали место, где было зарыто тело Вани, мы

отпевали его. Труп его был неузнаваем: череп снесен, мозг вылетел, зубы висят на деснах, лицо исковырено, кости изломаны, проткнута полость живота и пр. Тут же мною была взята бомба, брошенная в белобандитов Ваней, которая хранится у меня по сей день. Могила его в настоящее время ничем не отмечена и трудно догадаться, что здесь лежит зверски растерзанный за дело диктатуры пролетариата молодой боевик Ваня.

Л. В. Барышев.

КОШМАР.

Минуло уже много лет с тех пор, как прошел боевой ураган по стране. Многое из памяти вычеркнуто, но герои, тысячи героев хранят воспоминание о боевых былях.

О них пишу и я.

О ЧЕМ ГУДЕЛИ ПРОВОДА.

Вечер накинул над Леузой серую шаль, все больше и больше появляются звезды. Все затихло, только слышен гул проводов, наводящий тоску на телефонистку Веру.

Ей приказано через каждые десять минут проверять телефонную линию.—Алло, алло! Кигн. дайте линию.—Алло,— не спите? Хорошо. Алло—алло, Сулея, почему не отвечаете? Что? Златоуст — не отвечает?

Вдруг Вера выпустила из рук трубку.

— В чем дело, Вера?

— Мы пропали — Златоуст не отвечает с утра. По Сулее слухи: чехи разбили Златоуст...

Было тихо, провода [illegible] заунывной песней. Не прошло и пяти минут, затрещал звонок телефона.

— Весьма срочно. Телефонограмма.

«Всем штабам Красной гвардии Златоустовского уезда.

Немедленно выслать красноармейцев в полной боевой готовности на ст. Сулея для разоружения эшелона. Положение крайне опасное, на местах будьте осторожны».

Это был первый боевой ураган в Леузинском штабе Красной гвардии. После пятиминутной зажигательной речи тов. Кожемяк. наш отряд двинулся к ст. Сулея. Наша разведка вернулась и сообщила:

— На станцию прибыло несколько отрядов красногвардейцев и заняли позиции. Чехи находятся на Тундуше

Спустя несколько времени мы тоже были на станции. Решили наступать. С нами были пулеметы и одно трехдюймовое орудие. Броневиком же нам служили угольные вагоны. Пехота двинулась по флангам, шли без общей команды, но шли дружно, все рвались вперед и вперед.

Вдруг по цепи:

— На Тундуше чехов нет. Они бросили эшелоны и убежали по лесам в Миасс.

Мы решили наступать на Миасс. На другой день к нам на подмогу прибыл с небольшим, но организованным отрядом красногвардейцев тов. Подвойский.

Несмотря на нашу первоначальную неорганизованность, все же нам удалось удержать передвижение чехов. На миасском фронте нас заменил отряд красных мадьяр, а мы поехали ликвидировать восстание кулачества, которым были охвачены окрестности.

ПЫТКИ.

От ст. Сулея по направлению к Айлино стаями хищников свирепствовали белые банды. Нам приходилось освобождать из подвалов десятки и сотни бедняков. Мы в навозе, в ямах находили кучи растерзанных белыми трупов. Нам сообщили, что в месягутовской гимназии окружены наши товарищи, отбивающие натиск белых уже четвертые сутки и решившие не сдаваться белым. Наш отряд спешил к ним на помощь.

После длительных и упорных боев наш отряд освободил Месягутово, но уже вместо живых товарищей мы нашли в гимназии и вокруг ее в ямах куски изуродованного человеческого мяса. Десятки мучеников, заточенных в уборные, специально залитые дегтем и керосином, изрублены. Там их держали как скот, ежеминутно допрашивали, пытали и расстреливали. Среди этих мучеников была и Галя С., бывшая гимназистка второго класса. После того, как священник, преподаватель закона божьего, вызвал Галю в свой кабинет и там изнасиловал ее, Галя покинула гимназию. Она записалась в Красную гвардию с рядом гимназистов, — получила винтовку, одела брюки и шинель, стала ходить на посты, в разведку. Но это продолжалось недолго. Скоро кольцо контрреволюции заставило их заточиться в стены гимназии, откуда они отражали штурм белых банд в течение нескольких суток. Но вышли патроны и их захватили.

Начались жестокие пытки под проповедь священника. Галю не казнили, ее бросили в подвал, как заложницу. На следующий день Галю на допрос. Священник первый начал

— Кайся дитя мое, кайся во всем, тебя простит господь.

— Хорошо, — отвечала Галя, — слушайте, я буду каяться во всем!

Она сразу указала на попа: «Вы меня изнасиловали, изверг. И я за это мщу всему старому строю, а вместе с ним и вам. Пейте народную кровь, но скоро вы в ней захлебнетесь».

После этих слов священник ударил Галю в лицо и она как сноп повалилась на пол. Кровь, захватывая ее дыхание, змейками струилась из носа и ушей, образовывая на полу лужу. Ее оглушили нечеловеческие крики, стоны и небоскребная ругань коменданта.

— Свободы захотел, вот тебе, вот!.. И снова оглушали хватающие за живое крики и неимоверный стон

— Что, свинчик, не нравится?! На, вот, подержи его в руках.

Галя пыталась открыть глаза, но не могла, ибо они были залиты кровью. Последний дикий стон невольно заставил Галю протереть от крови глаза. Это было что-то ужасное. Перед ее глазами — привязанный к дверям, раздетый до нага стоял человек, покрытый весь кровью. Где были уши, с тех мест у него беспрерывно сочилась красная слякоть, вместо криков и стонов у него изо рта с клокотом кусками вылетала кровь. В руках невольной жертвы — кусок кровавого мяса. Это был его собственный язык... Еще с минуту — закрылись глаза и он повис на веревках.

Ведите следующего, — кричал комендант.

— Слушаем, ваше благородие!

Комендант злорадно улыбнулся в бесстыжие глаза «заседателей» во главе с попом.

УМЕР, НО НЕ ВЫДАЛ.

Снова ввели молодого, но рослого парня. Волком накинулся комендант:

— Кто такой?

— Казните, я готов!

— Молчать! Добровольцем у красных был?

— Да, был.

— Говори, кто еще был, отпустим.

— Нет, я не предатель!

— Пытать его! закричал кто-то из «заседателей».

Этого тоже привязали к двери. Боль пробежала по всему телу, посыпался удар за ударом, свистят шомпола. Брызгами летит кровь во все стороны, а он — ни слова.

— Довольно, посолить солью!

Мучительно задергалось все тело...

— Что, заело? — спросил комендант. И снова свист шомпола. Вместо крика и стона доносился скрежет зубов. До крови закусив губы, доброволец молчал, как камень.

— Стой. Огня! — кто-то крикнул из «[illegible]» головорезов. Комендант моментально вытащил из печки раскаленное железо. Немного погодя — тяжелый запах горелого мяса. Бедняга не вытерпел, вздрогнул всем телом.

— Сволочи, жарьте, жарьте! Все равно вам конец будет скоро...

Выстрел коменданта заставил замолчать мученика. Комендант с улыбкой сообщил «зрителям» этого кошмара:

— Вчера из двадцати казненных таких упрямых еще не было!

— В нем нечистая сила поселилась, — проговорил поп и после его слов раздался общий смех всех палачей.

— А эта сволочь докуда будет ждать? — показал на Галю.

— А ну, отвечай: красногвардейцев всех знаешь?

— Да, знаю, — и она нехотя стала перечислять всех, которые уже были замучены.

— А еще знаешь?

— Нет, больше не знаю, — ответила Галя, хотя она и знала всех на перечет.

— К нам добровольцей пойдешь?

— Нет, не пойду!

Эти слова оглушили белых палачей. Выругавшись нецензурно, поп приказал ее отвести.

— Завтра рассчитаемся!

Галю бросили в подвал.

ПОДВАЛ.

Это была сырая земляная яма, от которой не доходя двадцати сажен, пахло керосином и тухлой рыбой. Небольшое помещение, освещаемое маленьким с железной решеткой окном. Внутренность его напоминала тюремную камеру, в которую было брошено около двухсот человек. Духота была невыносимая, ибо оправляться арестованных не выпускали. Слабые через несколько часов задыхались, кто покрепче — бились в истерике. Слез не было, они сразу высыхали на ресницах. Когда бросили в подвал арестованных, палачи кричали им в след:

— Задыхайся, не издохнешь — прикончим!..

Галя с трудом пробралась через полумертвых к окну, у

которого стоял часовой с одетым на палку долотом и следил, чтобы кто не подошел и не бросил крошку хлеба, которой арестованные не видали уже третьи сутки. Жадно хватая струю воздуха, Галя узнала часового. Это был Зарып, который с малых лет жил в работниках у деревенских кулаков.

— Ты как сюда попал? — спросила Галя.

— Наша хозяин послал красноперых кончать.

— За что ты их кончать будешь?

— Я не знаем, наша начальник знает, его спроси, она грамотный.

Вдруг залп, второй, суматоха. С треском открылась дверь подвала — в ней появилась толпа людей с красными лентами на груди и фуражках. Вот эти-то и спасли Галю и сотни других мучеников...

Галя снова вступила в ряды Красной гвардии, но печальная судьба постигла эту неутомимую девушку. В 1919 году она попала к белым и ее расстреляли вместе с другими товарищами.

Мы не будем перечислять здесь имен погибших товарищей, ибо их не перечесть, но перед нами всегда стоят живые образы тысяч мучеников за дело пролетариата.

И эти-то образы родят в сердцах трудящихся ненависть к старому миру.

Мы их не забудем никогда. Мы будем хранить вечную память о погибших героях.

М. В. Морозов.

ЗВЕРСТВА БЕЛЫХ В МЕСЯГУТОВСКОМ РАЙОНЕ.

В конце 1917 года атмосфера в Златоустовском уезде была напряженная. Кулаки все силы употребляли, чтобы запугать население «ужасами» нарождающейся советской власти. Тут и отрицание религии и бога, и грабежи: «до нитки оберут, будем ходить голые», говорили они. Жители тут же стали прятать более ценные вещи, везде где могли, нередко закапывая свою одежду в землю. Относительно земли тоже велась пропаганда о том, что большевики отберут лес, продавая его куда попало. Башкиры под влиянием мулл в Таймеевской и Тайшевской волостях не пускали крестьян за дровами, рубили у них дровни, сбрую и уводили лошадей.

Уездный совет крестьянских депутатов в Месягутово, возглавляемый тогда эсером Силоговым, который был председателем, и секретарем Приваловой, тоже эсеркой, агитировали против советской власти, которая фактически установлена была только в конце января 1918 г. Во время уездного с'езда крест. депут., когда прошли выборы и эсеры с большой злобой и скандалом должны были уйти от власти, в Месягутово из Златоуста был командирован Аркадий Арлозеч с отрядом, которому удалось мирным путем убедить башкир не делать бесчинств. Земли этих волостей были сданы земельным комитетам. Когда отряд был отозван в Златоуст, кулаки, притихшие было, снова повели бешеную агитацию за свержение советской власти, по деревням тайно собирали собрания, подбивая население. В особенности в башкирских деревнях велось дело успешно, там некому было следить за кулаками и муллами.

За свержение власти советов кулаки обещали вознаграждение выступившим с оружием в руках — по 25 руб., за убийство коммунистов — 250 руб. Несколько собраний было проведено ими, как оказалось потом, в деревне Шариповой, Сикиязской волости. В начале мая 1918 г. была об'явлена мобилизация на чешский фронт. На волостных собраниях, устроенных по поводу мобилизации, кулаки открыто стали выступать, призывая к свержению советской власти. Пользуясь тем, что коммунистические части были отозваны на фронт, на волостных собраниях они предлагали коммунистам разоружиться, угрожая при этом, что если дело дойдет до борьбы, то они будут убиты, как это было в Сикиязе Злат. уезда.

Выступавшие на собрании члены партии и боевой организации убеждали крестьян не слушать натравливания кулаков, призывали к организации среди населения отрядов Красной армии для борьбы с чехо-словаками. На застращивание кулаков, что они будут убиты, если не сдадут оружия, они спокойно отвечали: «мы, коммунисты, оружие взяли для защиты советской власти, и вы возьмете его у нас только у мертвых. Пока мы живы, мы его не отдадим вам».

10 июня было последнее волостное собрание в селе Сикияз Злат. уезда. Сикиязской боевой организацией было получено много оружия и патронов для раздачи по штабам. Белогвардейцы узнали об этом и в ночь на 13 июня 1918 года подняли восстание в Сикиязе, чтобы захватить оружие, пока оно еще не было отправлено в другие штабы. Боевая организация Сикиязского штаба состояла из 127 коммунистов

Остальные члены партии, в числе 70 чел., были по домам и оружия не имели. В 12 час. ночи у окна здания школы, где помещался штаб, было брошено две бомбы, было ранено три товарища, остальные сейчас же открыли огонь из винтовок по наступающим, которые кольцом окружили штаб.

Численностью, как говорили впоследствии, восставших было около 500 человек. Они были вооружены частью винтовками, дробовиками, револьверами, железными пиками (впоследствии ими закалывали коммунистов). В начале открывшейся из штаба стрельбой нападение было отбито. Белогвардейцы отступили, несмотря на то, что их было очень много. Засевши за заборами, они начали обстреливать штаб со всех сторон. Из штаба тоже отстреливались и так длилось до рассвета. Когда убедились, что белогвардейцы не намерены уходить, боевая организация решила отступить на Месягутово. Двое из них были убиты (нач. штаба т. Осокин и т. Брагин), двое ранены, двое остались в штабе — один из них член партии и секретарь боевой организации учитель нач. школы т. Араловец Дмитрий Макарович и второй — из деревни Шариповой, татарин, т. Мурза, фамилии его не знаю. Отступившим удалось до Месягутово добраться, а оставшиеся в штабе погибли на ножах и пиках разъяренных белогвардейцев.

Разгромив Сикиязский штаб и захватив там оружие, белогвардейцы двинулись на Месягутово. Месягутовская организация тоже не могла по малочисленности оказать им сопротивления. Сформировавшийся в Месягутово боевой отряд в числе 40 человек был окружен, пытался сопротивляться, но силы были слишком не равны и белогвардейцы, захватившие в Сикиязском штабе оружие, шли сплошной стеной из Сикияза, захватывая в то же время население окрестных деревень и насильно заставляя их наступать на Месягутово. Отряд коммунистов сначала несколько раз выходил навстречу банде, с боем намеревались пробиться на Златоуст, но был вынужден забаррикадироваться в здании женской гимназии, сообщив в Златоуст по телефону о начавшемся кулацком восстании. Но посланный из Златоуста на помощь в Месягутово отряд не мог пробраться.

Четыре дня отбивались от белогвардейских банд засевшие в гимназии коммунисты и на пятый день были взяты и перебиты. Первым из них был зверски убит тов. Викторин Араловец, член уезд. исполкома и земельной коллегии: с переломанными руками они его еще живого закопали в землю, мстя ему, как одному из руководителей Месягутовской организа-

ции. Все остальные тоже зверски были убиты, изувечены до неузнаваемости. Верхняя одежда тут же сдиралась и убитые оставлены были нагими. На некоторых трупах находили потом до 40 ран.

Не довольствуясь этим злодейством, белогвардейцы начали убивать родственников и детей коммунистов. Так была убита мать тов. Солиных, трех братьев-красногвардейцев. Пока убивали сыновей, мать привязали к телеге и она была свидетельницей гибели всех сыновей, а потом убили и ее.

Тринадцатилетний сын тов. Усова, пред. Месягутов. совета, тоже был убит за отца. 12-летний мальчик Шумилов, сын коммуниста, погиб от озверевших кулаков: ему палку всунули в рот и раздирали горло, когда он рвался к матери и звал ее. Мать, оглушенная ударом приклада в голову, с маленьким ребенком без чувств лежала тут же. Очнувшись, она была оторвана от трупа ребенка, лежавшего с палкой во рту, и арестована.

Двенадцать дней длился этот кровавый кошмар. В Месягутове и соседних селениях погибло около 400 членов партии и их родственников. Штабы боевых организаций окрестных сел были малочисленны и буквально остались бандами, в рядах которых находились дутовцы.

Через две недели пришла помощь — отряды из заводов к Месягутову, но они были задержаны белогвардейцами и 10 дней не могли пробраться. Пока в заводах шла мобилизация отрядов на Месягутово, часть рабочих выступила на Илек, и Ногайбак, отвлекла внимание и силы белогвардейцев, заставила их отойти и дать возможность отряду двинуться на Месягутово.

23 июня под Месягутово, на Дубовой горе, белогвардейцы дали бой, но были окружены и разбиты подошедшими заводскими отрядами, после чего, сжигая за собой мосты, кулаки бежали на Дуван и Тастубу.

Ушедший на чешский фронт Месягутовский отряд тоже повернул в Месягутово, но им пришлось только хоронить погибших товарищей: помощь пришла, но поздно. После этого отряд, слившись с отрядом Габова, отошел на Каранчево. Заводские отряды встретились с белогвардейцами около с. Ногайбак, где были бои. Белые отступили на Дуван и Тастубу.

Красные отряды вошли в Месягутово, но от всех организаций осталось в живых только 9 человек (в арестном помещении спрятались в подполье, выпустив одну из досок, и просидели там трое суток), остальные все были убиты. Пришедшие товарищи долго собирали трупы замученных — в навоз-

ных кучах, в болотах, ямах и т. д. Через 10 дней отряды двинулись обратно на заводы. Наступили чехи и Месягутовский район снова очутился под властью белогвардейщины. Снова начались аресты и убийства вернувшимися белыми. Зашедший в Месягутово отряд красных боевиков тов. Габова попал в засаду. Сам Габов успел застрелиться, а боевики все были сначала белыми арестованы, а потом убиты. Причем с ними вместе шли девочки-гимназистки, которые отсиделись в первый раз в подполье.

Из них осталась только Нина Араловец — успела уехать в Уфу, остальные: Замесина, Волкова, Лаврова, Решетникова и другие были убиты. Особенно отличался своим зверством отряд «карателей», как себя они называли, под начальством бр. Перишиных, Павла и Александра, и Петра Рязанова. Палачом у них был Яков Боев, но где им было нужно, они сами исполняли эту зверскую работу. От меня из арестного помещения были уведены и убиты упомянутые выше девочки, а также Симонова Евгения, член партии. Особенным зверством также отличался Носков Василий, сын кулака в Месягутове. Все арестованные ими коммунисты судились и приговаривались, для отвода глаз населения, на разные годы каторги, но их всех убивали на горе около Месягутова, по тракту на Златоуст (так называемая «Дубовая»), дальше этой горы никого не пускали.

Почти со всего Месягутовского района, из сел: Дуван, Тастуба, Метели, — если арестованные отправлялись по тракту на Златоуст через Месягутово, дальше «Дубовой» не шли. На «Дубовой» их встречали месягутовские каратели и убивали, так было в течение всего 19 года. Уцелел тот, кто имел возможность бежать тайком, минуя страшную «Дубовую».

Валентина Араловец.

БАРЖИ СМЕРТИ *)

Осенью 1918 года наши отряды (28 дивизия т. Азина) были отрезаны от берегов Белой, Камы, Вятки, Волги и железных дорог, оказавшись в небольшом кольце. Когда белыми были взяты Самара, Симбирск, Уфа, Казань, Пермь, несколько под-

*) Хотя описываемые автором события имели место вне пределов Башкирии, мы данную статью поместили по тем соображениям, что в „баржах смерти" значительное количество заключенных было из отрядов красной гвардии, отступавших из Уфы.

Истпарт.

не—Сарапул и все другие уезды указанных выше бывших губерний, когда эсеры сочли нужным порвать с нами общий фронт и покатились к белым, наши отряды вынуждены были разделиться на мелкие партизанские группы и содержать себя только на средства, добываемые в порядке взимания контрибуций с немногочисленных капиталистов в этих районах. Естественно, что из наших отрядов ушло немало красногвардейцев к местам постоянного жительства, на милость белых. Часть наших раненых бойцов осталась в госпиталях на лечении, а некоторая часть, по тем или иным причинам не успев выбраться с занимаемой белыми территории, попала к белым в плен.

Нельзя сказать, чтобы учредиловцы-меньшевики и эсеры в угоду своим хозяевам, капиталистам, расстреливали всех к ним попавшихся. Они все же кичились «законностью» и порой организовывали для виду «процессы» и т. п. Поэтому коммунистов, бывших красногвардейцев или просто подозреваемых в сочувствии большевикам, боровшимся за диктатуру пролетариата—за власть советов, сажали в тюрьмы и подвалы. За нехваткой подвалов, особо отобранных наших бойцов белые садили в трюмы речных камских баржей.

Взятие Казани и быстрый поворот от побед к поражениям белых войск заставил их эвакуироваться из Сарапула еще в то время, когда мы находились в ста километрах от Сарапула. Тех, кто сидел в тюрьмах, белые расстреляли или просто уморили голодом, а 700 человек арестованных находились в трюмах двух баржей. К моменту отступления белых за Каму, эти баржи живого груза, набитые до отказа арестованными, оказались излишним «грузом». Белые управители, «спасители русского народа», решили семьсот человек ни в чем неповинных пленников утопить в реке. Расчеты были простые: решено было под борта баржей подвести мины и взорвать их.

Баржи на буксире были подтянуты к Воткинской пристани, там пленников объявили смертниками, сняли с них как верхнюю, так и нижнюю одежду, пять суток не давали есть, питье добывали себе пленники с большим усилием через дно баржи, проделывая щели. В эти пять дней от голода, стужи (это было в конце октября, когда уже наступали морозы) и сырости человек 150 умерло, остальные готовились с часу на час к смерти.

Обреченные на смерть пробовали добиться переговоров с комендантом пристани и начальником охраны о скорейшем потоплении их плавучих тюрем, чтобы ускорить смерть. Выслушать их отказались, при подъеме крышки люка часовые

стреляли в упор, а после наглухо забили крышки люков, и попытки пленных даже к ускорению расправы над собою были бесполезны.

22 октября наши части узнают, что потопление пленников предположено в ночь на 24. В ночь на 23 ведем на Сарапул сильное наступление, в направлении Воткинска дивизия делает прорыв и посылает конные части под командой Турчанинова на выручку пленных. 23 к рассвету скачем вверх по правому берегу Камы. Очевидно приняв нас за белых, вверх по Каме на всех парах движется буксир с баржами, на борту вооруженная команда. Буксир подошел раньше нас и занялся причалкой баржей к берегу. Соскакиваем с коней, с нами шесть заранее приготовленных бойцов.

— Где комендант? — спрашивает Турчанинов.

Молодой прапорщик козыряет, показывает на борт буксира. Подходим и об'являем коменданту, что мы получили приказание доставить баржи в Сарапул, предлагаем коменданту и команде сдать оружие, наши бойцы подняли гранаты. Неожиданный налет ошеломил команду и палачей. Разоружив команды белых, об'являем пленникам о том, что они спасены. Достали воды, хлеба; к вечеру связываемся с Сарапулом, который оказался занятым. 26 прибываем в Сарапул.

В городе приготовились к встрече. Приготовлены койки в лазаретах, столовые, номера, транспорт, отведены частные квартиры. Пробовали созвать 10-минутный митинг из смертников, на него могло самостоятельно дойти человек 150—200, остальные не в силах были итти, пришлось их возить на извозчиках и автобусах. Картина была настолько тяжелая — трудно себе представить. Поднимаются говорить ораторы, видят измученных скелетов, а не живых людей, вокруг толпятся красноармейцы, рабочие, все население, — плачут освобожденные из баржей и арестанты, стонет вся площадь... Призываем к порядку, хотим говорить и не можем, чувствуем, что подымается комок, душат слезы. Несколько слов произносят сквозь слезы и митинг закрывается. Этот митинг запечатлен навсегда в памяти сарапульцев.

История смертников поистине тяжелая. 115 человек, не выдержав холода и голода, нашли смерть в баржах, 35 человек зверски расстреляны охраной, а 38 человек умерло уже после освобождения. Так погибло 188 революционеров. Остальные, поправившись, влились в наши войска, продолжая борьбу до конца.

П. Сыченко.

(бывш. командир 239 Курского стр. полка).

АЛЕКСАНДР ЕРОФЕЕВ.

Александр Ерофеев был сын столяра уфимских железнодорожных мастерских, родился в 1897 году, образование получил в начальном приходском училище и в 1913 году, по окончании школы был принят в уфимские железнодорожные мастерские в литейный цех в качестве ученика, а в 1916 году он уже был настоящим литейщиком. Затем он был взят на фронт, где и пробыл до революции.

В 1917 году он вернулся с фронта и снова поступил в мастерские, где проработал до 1918 года. При власти учредилки в 1918 году он был мобилизован в белые части в качестве ротного командира. Первое время он обучал солдат военному делу, но когда его роту назначили на фронт под Самару, а его хотели опять оставить в Уфе для обучения солдат, то он сделал так, что пошел с ротой под Самару, где происходили бои с советскими войсками.

По дороге на фронт он сумел уговорить своих солдат, чтобы они не шли воевать, а перешли бы на сторону красных, или скрылись кто как сумеет. Рота разбежалась, а он, чтобы не было для разбежавшихся опасности быть пойманными, два дня скрывал происшедшее. На третий день он с своим отделением сел на пассажирский поезд, шедший в г. Уфу. Когда они садились, то офицеры видели это и, не доезжая до города Бугуруслана, их задержали и отправили в г. Уфу. Здесь они просидели в казармах 11 суток.

На 12-й день был суд из членов учредилки над Александром и пойманными 15 солдатами из его роты. Всех их осудили и дали от 20 до 3 лет каторги, а Александра Ерофеева и его помощника Загуменова присудили к расстрелу. После суда его отправили в г. Уфу, в тюрьму. По дороге в тюрьму он успел сообщить своим товарищам, что его присудили к расстрелу и чтобы товарищи передали об этом отцу и матери.

Узнав об этом, отец и мать бросились сначала к полковнику Рождественскому, который состоял членом учредительного собрания. Родители просили его помочь им, но он определенно сказал, что сделать ничего не может, а послал к начальнику гарнизона генералу Люпову.

Родители пришли к Люпову, который утверждал приговор. Он принял родителей к себе, мать валялась у него в ногах и просила, чтобы он пока не утверждал приговора, а облегчил таковой. Он обещал, что по возможности сделает все от него зависящее. Дал на 4 человека пропуск в тюрьму, а за результатами велел прийти на другой день в 4 часа вечера. Когда

пришли на другой день в тюрьму, то после всех арестованных вывели Александра под усиленным конвоем, а родных также под конвоем подпустили к решетке. Отец и мать с ним поздоровались и он спокойно начал говорить, что его убивают за святое дело и что много таких, как он, погибло за свободу.

Вечером в 4 часа родители пошли узнать результаты у генерала Люпова: приговор был утвержден. После этого родители пошли к «бабушке» Брешко-Брешковской просить ее, обсказав ей так, что будто бы Александр получил из дому письмо, в котором мать просила приехать повидаться. Тогда «бабушка» написала членам учредительного собрания, что просит от своего имени освободить от расстрела этого ребенка, а заменить хотя бы вечной каторгой.

Отец сходил к членам учредительного собрания, у него записку «бабушки» Брешко-Брешковской приняли и велели за дверью обождать. Через несколько минут передали записку обратно, на обороте ее было написано: «Бабушка, с прискорбием смотрим на эту жертву, но отменить не можем потому, что эта жертва будет служить примером для поддержания дисциплины в наших войсках». «Бабушка» ответила родителям:

— Не унывайте, хотя ваш сын не будет существовать, но душа его всегда будет с вами.

К Александру больше не допускали и расстреляли его на четвертый день. За время его пребывания в одиночке уфимской тюрьмы от него ходил к родителям привратник и утешал родителей, что если его не расстреляли через 24 часа, то и не расстреляют. Этот привратник всегда приходил и просил у родителей то табаку, то денег и даже один раз сказал, что сына Александра перевели в общую камеру, значит не расстреляют. Родители ему верили и давали деньги и продукты.

Вскоре прибегает Загуменова и говорит:

— Идите и берите своего сына. Мы своего взяли, они расстреляны за рекой Белой около железнодорожного моста, против церкви «Дубнички». Ищите его в воде.

У нас в то время была лошадь, отец запрег лошадь и поехал. Но отца не допустил начальник карательного отряда Немчинов. Этот Немчинов в детстве играл с Александром и сам его теперь собственноручно расстрелял. Отцу Немчинов сказал:

— Приходи на кладбище в 3-4 часа ночи, сына твоего привезут туда хоронить.

Вся семья пришла на кладбище в три часа ночи. Солдаты привезли на кладбище гроб, но открыть его не дали, чтобы на-

деть чистое белье на Александра. Сколько родители не молили, не просили, но безуспешно — гроб зарыли.

После похорон брат Александра все время волновался и говорил, что похоронили не Александра. Оседлал лошадь и поехал к Загуменовым узнать, похоронили ли они своего сына. Зашел в дом и спрашивает:

— Ну, как, похоронили сына?

Они отвечали, что сына своего они положили в гроб и хотели на утро хоронить, но приехал карательный отряд, забрал гроб и неизвестно куда увез. Брат Александра рассказал, как похоронили солдаты Александра. Тогда родители Загуменова ответили:

— Это наверное нашего сына похоронили, а вашего два часа тому назад сталкивали дальше в воду.

Услышав это, брат Александра сейчас же поехал на лодке по реке Белой и стал веслом щупать воду около того места, где сталкивали расстрелянных. Но попытки все были без результата. Наконец, в последний раз спустил весло и натанулся на что-то. Потянул весло и на поверхность воды всплыл труп расстрелянного Александра. Он вытащил его на берег, смыл немного лицо и увидел, что расстрелян брат был в глаз разрывной пулей, черепа не было, а на шее было две раны от штыка, это белые его в воду спускали штыком. Волосы на висках были седые. Должно быть Александр поседел за время пребывания в одиночке.

Положив труп на берег, он побежал скорее домой сообщить родителям. Родители пошли к начальнику контрразведки просить труп похоронить, но он сначала не разрешал, ходил по комнате и ругал солдат, что не сумели убитого столкнуть подальше в воду, что трупы находят родители. Потом разрешил похоронить, но с условием, — в 4 часа ночи, чтобы никто посторонний не был. Велел сходить в милицию и с ними взять труп.

Прибежавши домой, отец сказал сыну, чтобы тот запрег лошадей. Было 11 часов ночи. Поехали в 1-й район милиции, взяли двух милиционеров и начальник милиции поехал вместе с нами. Когда выехали за реку Белую, то нас встретил карательный отряд, тогда начальник милиции сказал им, что они посланы взять труп. Труп взяли в 1 час ночи, а похоронили на другой день в 4 часа дня. Все время пока труп был дома, у квартиры дежурил конный отряд в 12 человек.

Мастеровые железной дороги сделали гроб Александру и просили отца разрешить проводить сына на кладбище, но отец не согласился, потому что ему начальник контрразведки при-

казал никаких проводов не делать. Когда принесли в церковь, то поп отпевать его не стал, что может быть он отпет в тюрьме, и просил принести справку из тюрьмы. Брат Александра пошел в тюрьму и узнал от начальника тюрьмы, как было дело перед расстрелом.

В 3 часа ночи пришел отряд чехов-офицеров в одиночку к Александру и скомандовали выходить. Александр сидел босиком на полу и, поглядев на них, сказал:

— Обождите, я обуюсь, чтобы вы не могли с меня снять сапоги, я только их сшил и они мне достались трудовым потом, да и дорога мне предстоит дальняя. Сапоги мне достались у расплавленного чугуна, пусть идут со мной в сырую землю.

Привели его в контору тюрьмы, там стоит Загуменов. Вошел к ним поп, подошел сначала к Загуменову и предложил исповедываться и причаститься. Загуменов исполнил предложение, затем поп подошел к Александру и предложил тоже самое. Александр насмешливо посмотрел на него и сказал:

— Отойди от меня, разве тебе здесь место! Ты считаешь себя пастырем народа, а сам живого человека пришел провожать на смерть и, мало того, исполняешь долг сыщика... Тебе нужно, чтобы еще кроме меня отправили на тот свет когонибудь, будь ты проклят, ты не пастырь народа, а палач!

Поп отошел. Тогда Александра и Загуменова сковали и посадили на двуколку и увезли.

Ф. Ерофеев.

КУЛАЦКОЕ ВОССТАНИЕ В с. НАРДОВКЕ.

Во время перехода власти к большевикам, беднота в с. Нардовке при волостном центре организовала отряд Красной гвардии до 35 человек. Начинается конфискация имущества у кулацкой части населения: отбирали хлеб, скот, инвентарь и т. д. и передавали бедноте.

Летом 1918 года, во время сенокоса получаем сообщение, что село Золотоношка и Стерлитамак заняты чехами. Вскоре отряд наш вместе с волостным советом отступил на Читырмановскую волость, где и слился с Балы-Читырмановским отрядом.

После отступления нашего отряда в Нардовку прибыли не

чехи, а кулачество — золотоношское, караяровское и из других деревень. Прибыв в это село к вечеру, белые начали производить расправу над оставшимися красногвардейцами и беднотой, отбиравшей скот у кулачества, подвергая их порке плетьми и т. д.

Через два дня из Стерлитамака был направлен для связи с нами некто Селезнев. В деревне Гавриловке белые Селезнева арестовали и представили в Нардовку, где сходом решили его посадить в амбар. Затем его начинают бить прикладами, сбивают с ног, он падает вниз лицом. Васин берет камень пуда в полтора весом и три раза ударил его по спине. У Селезнева потекла кровь изо рта из из носа. Его стащили в амбар и на другой день на рассвете он был убит.

Под вечер попадается Богомолов, который был членом волисполкома и красногвардейцем. Его ловят на площади и начинают избивать кольями и камнями, но он был крепкий. Тогда подскакивает один из кулаков дер. Караяра, Сухов Андрей, и с размаху вонзил ему штык в спину на вылет.

В этот же день были арестованы один старик, отец красногвардейцев, Амелин, и с ним два красноармейца. Заходит к ним в амбар караяровский Майоров Николай и начинает их по одному пристреливать. Старик был ранен в ногу, один красногвардеец наповал убит, а другой тяжело ранен в грудь. Затем к амбару выставили караульных из кулаков же.

Дня через два ночью Андрей Михацкий ловит двух красногвардейцев и приводит их в село, где начинают их избивать — наносят первому пятнадцать ран и второму также. Все это делалось ночью, увезут их трупы верст за пять, к так называемой «провальной яме», и там их бросают: погребение в гробах не допускалось, сваливали всех в одну яму. Так производили избиения и казнили оставшихся красногвардейцев и бедноту. Были они все записаны в списках и каждый день по утрам вызывались в штаб кулацкой банды по несколько человек и награждали их по 50 и 100 плеток.

Красногвардейцы, которые в количестве около 20 человек отступали на Балы-Читырман, были направлены на Федоровку, но были вынуждены повернуть на Сыскан (Орен. губ.), где их почти всех переловили. Семь человек было убито в Сыскане, восемь человек нардовской дружины были доставлены живьем в с. Нардовку. По пути в Нардовку в каждой деревне их избивали. Среди этих 8 человек был Жучков Максим, военный комиссар волости и красной дружины. В Нардовку, куда их привели, часть кулачества хотела тут же убить их, но некоторые застаивали, говорили, что не нужно. Масса согласи-

лась, арестованные были выпущены. Красногвардейцам пришлось только одну ночь переночевать дома, а утром рано все 8 человек снова были забраны и отвезены в Золотоношку и там расстреляны.

Такая расправа продолжалась долгое время. Через несколько времени приезжает из Стерлитамака некий Пылаев Александр, вооруженный до зубов. Дело было как раз в молотьбу хлебов, осенью. Патрикей Лидякин был сердит на одного мужика — когда-то он его в пивной отколотил — донес на него Пылаеву, тот забирает его и одного красноармейца, оставшегося каким-то чудом не тронутым, увозит их от Нардовки за 12 верст до д. Раевки и на Кундряке, в лесу, расстреливает обоих.

За этот период из села Нардовки выбыло из передовой бедняцкой молодежи около 30 человек, павших за власть Советов.

По прибытии Красной армии здесь создается комитет бедноты, который начинает заниматься укреплением советской власти в селе.

Месяца через 2 или 3, под напором колчаковской армии, пришлось опять отступить. Имевшаяся часть бедноты, активно участвовавшая в поддержке красных, отступила вместе с Красной армией. Союз молодежи в количестве 24 человек и состав вика, в том числе и я, поступили добровольцами в 26 дивизию.

Учакин.

ОГЛАВЛЕНИЕ